

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Май 2023 Том 22 № 2

Специальная тема номера:
**МУСУЛЬМАНСКИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

Приглашенные редакторы – Д.З. Марданова, Р.Р. Салихов

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 22 No. 2 MAY 2023

Special Theme of the Issue:
MUSLIM SUBJECTIVITIES IN THE MIRROR OF HISTORICAL SOURCES

Guest Editors – Dinara Z. Mardanova, Radik R. Salikhov

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.05.2023. Выход в свет 31.05.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,40. Тираж 500 экз. Заказ № 668. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editor Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Iuliia A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arсланov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редактор перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

IN THIS ISSUE

Dinara Mardanova, Radik Salikhov. Muslim subjectivities in Russian history 168

MUSLIM SUBJECTIVITIES IN THE MIRROR OF HISTORICAL SOURCES

Olga Bessmertnaya. What are We to Do with 'Muslim Subjectivity'? Prospects and Pitfalls of the Research Approach in a Historiographical Context 174

Diliara Usmanova. To be a Muslim in the Penitentiary System of the Russian Empire: Evidence from Tatar Ego-documents of the Early 20th Century 188

Liliya Gabdrafikova. Pre-Revolutionary Childhood in the Texts of Habib Zaini, Tatar Teacher of the Soviet Era 207

Shamsiddin Rizoiev. Bukhara and the World through the Views of Jadid and Traveler Mirzo Sirodjiddin Hakim 223

Stella Nazari. 'When There is an Opportunity, I'll Try to Write it Down in Tatar': National Identity as Constructed in the Diary of High-School Student Fathima Kashafutdinova, 1917–1920 233

Marina Imasheva. 'Biography' by Ibrahim Makhmudov: a Soviet Party Leader views on a Rural Muslim Community of the Early 20th Century 247

HISTORY OF CULTURE AND ITS REFLECTION IN THE PRESS

Natalia Logacheva. The Newspaper *Russkaia Muzykal'naiia Gazeta's* Publishing Activities during World War I 263

Ivan Lopatkin, Ravilya Khisamutdinova. 'Reconstruction' of US Cultural Development within the Soviet Press during the 'Thaw' Period 275

Tatyana Medvedeva, Igor Ryzhov, Marina Strukova. USSR and Israel: Experience of Cultural Dialogue in the Context of 1967–1991 Political Confrontation 289

ARTICLES

Olesya Plekh, Natalya Chernikova. An Emperor Travels around the Russian Empire Outskirts in the 1880s: As According to V.S. Obolenskii's Diary 303

Olga Morozova, Tatiana Troshina. Concession Policy in the Crosshairs of Revolutionary Self-Consciousness: Labor and Departmental Conflicts 316

BOOK REVIEWS

Dinara Mardanova. Book Review: *Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri* by A. Bustanov, V. Usmanov, eds. Brill Schöningh, 2022, 448 p. 330

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Динара Марданова, Радик Салихов. Мусульманские субъективности в российской истории 168

МУСУЛЬМАНСКИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ольга Бессмертная. Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте 174

Диляра Усманова. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия 188

Лилия Габдрафикова. Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени Хабиба Зайни 207

Шамсиддин Ризоев. Бухара и мир в представлениях джадида и путешественника Мирзо Сироджиддина Хакима 223

Стелла Назари. «Когда будет возможность, буду стараться записать по-татарски»: конструирование национальной идентичности в дневнике гимназистки Фатимы Кашафутдиновой 1917–1920 гг. 233

Марина Имашева. «Жизнеописание» Ибрагима Махмудова: советский партийный деятель о сельской мусульманской общине начала XX века 247

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Наталья Логачёва. Публикационная деятельность «Русской музыкальной газеты» в годы Первой мировой войны 263

Иван Лопаткин, Равиля Хисамутдинова. Реконструкция культурного развития США в сюжетах советской прессы периода «оттепели» на базе контент-анализа 275

Татьяна Медведева, Игорь Рыжов, Марина Струкова. СССР и Израиль: опыт культурного диалога в условиях политической конфронтации 1967–1991 гг. 289

СТАТЬИ

Олеся Плех, Наталья Черникова. Высочайшие путешествия по окраинам Российской империи в 1880-е гг.: на материалах дневника В.С. Оболенского 303

Ольга Морозова, Татьяна Трошина. Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты 316

РЕЦЕНЗИИ

Динара Марданова. Рецензия на книгу: Bustanov A., Usmanov V., eds. Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri. Brill Schöningh, 2022. 448 p. 330

В ЭТОМ НОМЕРЕ
IN THIS ISSUE

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>
EDN: MBTRFI

Редакционная статья / Editorial

Мусульманские субъективности в российской истории

Динара Марданова , Радик Салихов

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

 dinara.mardanova@gmail.com

Аннотация: Поднимается ряд вопросов, с которыми сталкивается исследователь, изучающий субъективности верующих и религиозных людей. В частности – проблема искренности, соотношения внешнего и внутреннего, методология исследования, многодискурсивность пространства и во многом спровоцированная им дуальность заданного (традиционное) и неопределенного/неустановленного (новое). Также приводится несколько определений понятия «субъективность», а сами мусульманские субъективности предлагается рассматривать в свете исторического контекста и именовать новое направление исторических исследований историей мусульманских субъективностей. Завершается редакционная статья кратким обзором спецрубрики, представленной следующими темами: советский взгляд на мусульманское детство; «тюремный опыт» российских мусульман; женская субъективность; исламская риторика и дискурс модерна.

Ключевые слова: религиозные субъективности, эго-документы, ислам, система ценностей, мусульманская идентичность

Для цитирования: Марданова Д.З., Салихов Р.Р. Мусульманские субъективности в российской истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 168–173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>

Muslim subjectivities in Russian history

Dinara Mardanova , Radik Salikhov

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

 dinara.mardanova@gmail.com

Abstract: A researcher who studies the subjectivity of believers and religious people will have a number of unanswered questions. Through their work, the author has hoped to address the most prominent of them: the problem of sincerity, the relationship between external and internal subjectivity, the methodology of research of the subject, the multi-discursiveness of subjectivity, and, in many respects, the duality of the given (traditional) and the indefinite/unestablished (new) thought provoked by its study. Several definitions of the concept of “subjectivity” are also proposed by the author, and Muslim subjectivities are considered in the historical context of the period, and how they are represented and covered under a new form of historical research – the History of Muslim Subjectivities. The article ends with a brief review of the thematic themes on the subject, including: the Soviet view of Muslim childhood; the “prison experience” of Russian Muslims; female subjectivity; and Islamic rhetoric and discourse of modernity.

Keywords: religious subjectivities, ego-documents, Islam, value system, Muslim identity

For citation: Mardanova, Dinara, and Salikhov, Radik. “Muslim subjectivities in Russian history.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 168–173 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>

Изучение субъективностей верующих – новое направление исторических исследований, которое формируется на наших глазах, поднимая ряд исследовательских вопросов¹. Привлекая все больше внимание историков религий, тема субъективности заставляет размышлять не только о внутреннем мире верующих, но и в целом о религиозной традиции, религиозности как таковой. Исследователь оказывается перед рядом дуальностей – сакральное и секулярное, внутреннее и внешнее, индивидуальное и коллективное, заданное (традиционное) и неопределенное/неустановленное (новое) – ожидающих своего ответа. Присущие человеку определенной эпохи и религиозной традиции суждения формируют и очерчивают субъективность его мышления. Истиной для него становится существующая внутри него субъективность, проявляющаяся при написании текста, в особенности эго-документов, таких как автобиография, дневник, личные письма, воспоминания, мемуары и т. д. Отражая внутренний мир человека, эго-документы служат хорошим источником для изучения субъективности и ее трансформации. Так, примером субъективности недавнего коммунистического прошлого стало убеждение, что в обозримом будущем возможно построить общество, исключая частную собственность и деление на классы. Эти идеи, став основополагающими коммунистической идеологии, нередко оказывали определяющее влияние на образ мышления и поступки людей².

Ислам и мусульманские общества многообразны, существует множество форм интерпретаций знаний о прошлом, осмыслений настоящего и происходящих вокруг событий, когда задействуются те или иные отсылки и аллюзии к исламу и другим дискурсивным системам в конструировании настоящего – все это влияет и трансформирует субъективность мусульманина определенной эпохи, формирует образ мира и поиска своего места в нем. В своем нарративе мусульманин задействует разные дискурсивные формы и системы ценностей. К примеру, современный российский мусульманин находится в центре по крайней мере трех мировоззрений – мусульманской традиции, российских поведенческих сценариев и ценностей глобализованного мира, то есть оказывается под влиянием всех упомянутых систем ценностей, тем самым получая возможность выбирать тот или иной паттерн поведения и сценарий.

Одним из ключевых исследовательских вопросов для изучения субъективности остается само понимание этого термина. И здесь вполне уместным кажется, как предлагает один из авторов нашего тематического номера О.Ю. Бессмертная, обратиться к опыту историков-советологов, уже давших ответы на многие методологические вопросы данного исследовательского направления. Хорошим подспорьем служит «предисловие» Анатолия Пинского к сборнику статей по позднесоветской субъективности, в котором предлагается три определения. Первое восходит к Мишелю Фуко и связывает субъективность с дискурсами и практиками, которые создают для граждан поле возможностей и тем самым формируют их идентичность. Главным источником трансформации субъективности становятся внешние факторы (позиция субъекта по отношению к власти), под влиянием которых меняются/подстраиваются внут-

¹ См.: Марданова Д.З. Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаша) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахида. Казань, 2017. С. 119–131; Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic traditions and the construction of modern Muslim identities / ed. by D. Jung, K. Sinclair. Leiden; Boston, 2020; *Sheikh F.M. Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics*. London, 2020; *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri* / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schönningh, 2022.

² См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995; *Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Harvard University Press, 2003; *Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard University Press, 2006; *Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века: пер. с англ. М., 2011.*

ренние установки. Второе определение связано с «субъектом» Имануилла Канта, предполагающего существование субъекта до дискурсов. В поле советологов «кантовская» субъективность предполагает стремление «к пониманию субъекта своей собственной жизни (в противоположность восприятия себя как субъекта как, скажем, объекта высшей воли)». То есть в кантовском понимании источником субъективности в большей степени оказываются внутренние представления субъекта о себе, в отличие от Фуко, когда человек превращается в конструкт внешних факторов. Третье определение принадлежит Эрику Найману, который под субъективностью предполагает «кто таков человек, что он думает, как воспринимает мир – рационально или эмоционально, как видит свое место среди других»³. Представленные определения по-разному расставляют акценты.

Тематическую подборку номера открывает теоретико-методологическая статья *О.Ю. Бессмертной*, в которой поднимается целый ряд важных исследовательских вопросов – рассматриваются некоторые аспекты современных трактовок взаимодействия индивидуального и коллективного, социального, культурного в истории, роли агентности и субъектности исторических действующих лиц (актеров). Прежде всего автор предлагает помещать мусульманские субъективности в определенные исторические контексты и в этой связи использовать множественное число для понятия субъективность и именовать формирующееся направления «история мусульманских субъективностей», вместо «история мусульманской субъективности». Второе название, как оправдано, утверждает автор, несет опасность ре-ориентализации исламоведческих исследований, утраты историчности в них. В качестве примера приводится недавнее исследование А.К. Бустанова, посвященное анализу воспоминаний татарина-мусульманина ал-Кадири (см. рецензию на эту книгу далее в этом номере), который помещает «воспоминания» в мусульманскую эпистему и мусульманский контекст, при этом фактически игнорирует советский контекст. Другой полемичный момент в работе Бустанова, к которому обращается Бессмертная, связан с методологическим подходом автора. Субъективность рассматривается через понятие «персона», которая, как утверждает Бессмертная, не является субъективностью, а скорее экраном перед ней, она не отражает внутренней работы и внутренней субъективности. Несмотря на наше согласие со многими положениями этой статьи, хотелось бы, тем не менее, возразить на это утверждение и сказать несколько слов в защиту выбранной Бустановым методологии. В исследовании, как сообщает автор, субъективность ал-Кадири рассматривается через образы персоны, как публичной и частной формы самости, которые «конструируются с течением времени в соответствии с общественными ожиданиями и индивидуальным выбором»⁴.

Данный подход представляется интересным ракурсом и способом анализа. Что касается утверждения, что персона лишь отражение субъективности, ее внешний экран, то это – вопрос спорный. Сразу вспоминается «театральная» полемика К. Станиславского и В. Мейерхольда о первичности мысли и действия, что из них что определяет. Внешняя маска может не только влиять, но и формировать субъективность своего автора. Поэтому выбор направления от внешнего к внутреннему или наоборот – личный выбор исследователя. Разные исследовательские подходы обогащают наши знания об изучаемом предмете. Кроме того, важно учитывать и сам исследуемый источник. Когда мы говорим про дневник, который автор, как правило, пишет для себя и, в котором позволяет себе максимальную искренность, не боясь

³ Пинский А. Предисловие // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. СПб., 2018. С. 11–14.

⁴ *Bustanov A., and Usmanov V.*, eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.

осуждения и оценки, тогда персона в качестве методологической рамки, вероятно, будет не совсем уместна. Что касается мемуаров, воспоминаний, автобиографий, то они чаще адресованы вовне – близким, потомкам, читателям и в них важнее оказывается внешнее перед внутренним: соответствие некоему образу хорошего и правильного человека. Поэтому при исследовании воспоминаний или мемуаров, судить об «истинной», внутренней субъективности автора оказывается несколько проблематично. Речь скорее идет о том, как человек видел/конструировал правильный образ себя, что на себя «надевал». Немаловажным является и то, что речь идет о верующем человеке и религиозном сообществе, в котором в идеальном случае внешнее и внутренне должны совпадать. Но как мы понимаем, зачастую, это далеко от реальной картины. В «погоне» за святостью и безгрешностью верующие нередко отказываются от своих истинных глубинных желаний. В этом случае маска или персона настолько «врастает» в своего субъекта, что даже сам человек начинает верить в ее истинность и «настоящность», одновременно отказываясь от своих внутренних глубинных убеждений, как греховных. Поэтому здесь также возникает вопрос: насколько сам верующий способен описывать себя искренне, раскрывать свою истинную субъективность, заведомо зная, что за ним наблюдают и его поведение оценивают, причем не только религиозное сообщество, но и «взгляд свыше», за которым может последовать божественная кара за греховные мысли и поступки. Поэтому изучение персон может быть одной из стадий в исследовании мусульманских субъективностей. Интересно было бы, изучив и обнаружив персоны, постараться заглянуть, что скрывается за ними, как и предлагает Бессмертная, но это сложно сделать, не увидев прежде их границ.

Еще один полемичный момент – существование некоторой заданности и обусловленности ислама как религии. Заданность лежит в самой основе религиозной традиции, делает ее отличной и отдельной от других, позволяет идентифицировать определенные маркеры именно как мусульманские, а не христианские и внерелигиозные, отказ от заданности ведет к размыванию ислама как системы. Другой вопрос, что в большинстве случаев исламская заданность является чем-то подвижным и трансформирующимся, что обеспечивает исламу статус мировой религии и позволяет адаптироваться к разным условиям и культурным традициям. Поэтому, поддерживая точку зрения Бессмертной о множественности, историчности и подвижности «мусульманских субъективностей», мы, тем не менее, предпочитаем оставаться в рамках мусульманской, исламской заданности как проявлению социального/коллективного, одновременно оставляя поле для множественности и вариантности индивидуального/субъективного, предлагая использовать слово «субъективность» во множественном числе – и исследовать «мусульманские субъективности».

Выбор в пользу той или иной системы ценностей при конструировании своей субъективности зависит от наиболее авторитетных и значимых для субъекта/автора мировоззрений и эпистем. Это хорошо прослеживается на примере статьи *М.М. Иمامшевой*, чей главный герой астраханский юртовский татарин Ибрагим Махмудов, один из активных участников социалистического строительства в татарских селах Астраханской области, ставший советским коммунистом, в своих воспоминаниях наглядно демонстрирует, как постепенно отходит от религии, отказывается от прошлых религиозных «пережитков». Он критикует ислам и жизнь махалли начала XX в. и оценивает их с позиции советского партийного деятеля, атеиста, сторонника советской власти. Несмотря на свои способности к учебе, о которых он упоминает в своих воспоминаниях, и благодаря которым его одного из семьи отправляют учиться в медресе, – он описывает, что религиозные науки ему совсем не давались, он ничего не запоминал. То есть, будучи в детстве верующим мусульманином, впоследствии он предпочитает советскую субъективность.

Л.Р. Габдрафикова также обращается к конструированию дореволюционного детства в воспоминаниях уроженца города Троицка Оренбургской губернии советского татарина, педагога Хабиба Зайни. Автор воспоминаний также описывает родственные связи, жизнь махаллы и родного города, но оценки здесь уже даются иные. Махмудов и Зайни современники и пишут практически в одно и то же время, но в отличие от Махмудова Зайни совмещает мусульманскую и советскую субъективности. Подобной стратегии он придерживается и на протяжении всей жизни, что видно из его биографии, в которой хорошо прослеживаются попытки лавировать между мусульманской и советской субъективностями. Однако выбранная стратегия не защитила его от «Большого террора»: он был осужден на семь лет тюрьмы и в итоге провел 19 лет на Колыме. Еще один пример, правда, уже вынужденного выбора советской субъективности, демонстрирует широко известный мусульманский деятель, богослов и историк, чьи религиозные убеждения не вызывают сомнения, Хасан-Гата Габаши. Попав под давлением советской репрессивной машины, чтобы защитить себя и семью, он конструирует собственный образ советского гражданина, который, тем не менее, не спасает его от «Большого террора». Его лишают имущества и на старости лет ссылают на исправительные работы в Архангельскую область⁵.

Интересный срез дает в своей статье *Д.М. Усманова*, которая анализирует «тюремный опыт» трех представителей интеллектуальной элиты начала XX столетия. Она показывает, как в автобиографии Габдрашида Ибрагимова тюремная действительность описывается с позиций верующего мусульманина, пережившего ощущение стыда от тюремного опыта и одновременно осознание его как «школы жизни». В то же время в произведениях Гаяза Исхаки («Тюрьма») и Юсуфа Акчуры («Тюремные воспоминания») описывается тюремный опыт мусульманина с точки зрения формировавшегося слоя татарских интеллектуалов, довольно серьезно инкорпорированных в общероссийский политический контекст позднеимперской России.

Статья *С.Ш. Назари* обращена к субъективному миру татарской женщины. Автор статьи рассматривает процесс конструирования татарской гимназисткой Фатимой Кашафутдиновой собственной национальной идентичности на основе ее дневниковых записей 1917–1920 гг. Описывается влияние на автора дневника одновременно культурных и интеллектуальных процессов татарской среды и русскоязычного городского культурного и социального пространства, что выявляет ее гибридную субъективность.

Ш.Х. Ризоев на примере травелога бухарского путешественника, джадида и врача Мирзо Сироджиддина Хакима показывает, как автор формирует собственную иерархию культур, используя исламскую риторику и дискурс модерна для выражения субъективной оценки положения исламского мира в контексте соперничества цивилизаций.

Завершает тематическую подборку рецензия Динары Мардановой на уже упомянутую книгу А. Бустанова и В. Усманова «Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri [Мусульманская субъективность в Советской России: воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири]».

Изучение мусульманских субъективностей – новое направление исторических и исламоведческих исследований, которое достаточно активно сегодня разрабаты-

⁵ См.: *Марданова Д.З.* Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаши) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахида. Казань, 2017. С. 119–131.

вается в англоязычной науке, в России же публикация статей в рамках специальной рубрики журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» является одним из первых шагов в этом направлении.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023

References

- Bustanov, A., and Usmanov, V., eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.
- Fitzpatrick, Sh. *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2011 (in Russian).
- Halfin, I. *Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Harvard University Press, 2003.
- Hellbeck, J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard University Press, 2006.
- Jung, D., Sinclair, K., eds. *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities*. Leiden; Boston: Brill, 2020.
- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Mardanov, D.Z. A “ ‘Kulak’ or an ‘Educated Proletarian’ (from the Manuscript of Hasan-Gata Gabashi).” In *Tatar Manuscript Heritage: Study and Preservation: Materials Russian Scientific and Practical Conference on the Occasion of the 130th Anniversary of S. Vahidi*, 119–131. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of TAS, 2017 (in Russian).
- Pinskii, A. *Posle Stalina: Pozdnesovetskaia sub"ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: Late Soviet subjectivity (1953–1985)]. St. Petersburg: St. Petersburg European Univ. Publ., 2018 (in Russian).
- Sheikh, F.M. *Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics*. London: Lexington Books, 2020.

Информация об авторах / Information about the authors

Динара Замировна Марданова, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли имени Я.Г. Абдуллина, Институт истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Dinara Z. Mardanov, Acting Head of Ya.G. Abdullina Department of the History of Religions and Social Thought., Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Радик Римович Салихов, д-р истор. наук, директор Института истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; rsalikh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6380-6640>

Radik R. Salikhov, Dr. Habil. Hist., Director, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; rsalikh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6380-6640>

МУСУЛЬМАНСКИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
MUSLIM SUBJECTIVITIES IN THE MIRROR OF HISTORICAL SOURCES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-174-187>
EDN: ММҮОЕЕ

Научная статья / Research article

Что нам делать с «мусульманской субъективностью»?
Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода
в историографическом контексте

Ольга Бессмертная

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
✉ obesmertnaya@hse.ru

Аннотация: В контексте близких историографических подходов рассматриваются проблемы, поставленные нарастающей волной исследований «истории мусульманской субъективности». Отмечая парадоксальную опасность реориентализации исламоведческих исследований, утраты историчности в них, автор настаивает на важности самого обозначения складывающегося подхода и предлагает в качестве более корректного термин «история субъективностей мусульман» (или «история мусульманских субъективностей»). Изучаются некоторые аспекты современных трактовок взаимодействия индивидуального и коллективного, социального, культурного в истории, роли агентности и субъектности исторических действующих лиц (акторов), соотношения исследований персон, то есть публичных идентичностей, и «техник себя» в исследованиях субъективности. Подчеркивается плодотворность опоры на микроисторические подходы при исследованиях субъективностей мусульман, в частности, в отечественной версии микроистории с характерным для нее вниманием к индивиду и усложнением видения исторического контекста.

Ключевые слова: микроистория, индивид, агентность, конструирование субъекта, идентичность мусульманина

Благодарности и финансирование: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор признателен студентам – участникам семинара «Дискуссионные вопросы истории мусульман в Российской империи и СССР», который автор ведет в рамках магистерской программы факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ «Мусульманские миры в России (история и культура)»: И. Чмилевской, З. Шуваловой, А. Исакову, А. Камалтдинову, М. Касем Даду, К. Королькову, К. Корчагину, Н. Мазаеву, Д. Абдулкаримову, – за вдумчивое обсуждение и дискуссию вокруг поставленных в этой статье вопросов. Автор также признателен Д.В. Волкову за полемику, весьма острую, вокруг вопросов изучения истории субъективности, которая стала одним из стимулов высказать предлагаемые соображения в форме статьи. Отдельная благодарность – А.С. Агаджаняну и анонимным рецензентам за ценные замечания.

Для цитирования: Бессмертная О.Ю. Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 174–187. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-174-187>

What are We to Do with ‘Muslim Subjectivity’? Prospects and Pitfalls of the Research Approach in a Historiographical Context

Olga Bessmertnaya

Higher School of Economics, Moscow, Russia

✉ obessmertnaya@hse.ru

Abstract: The author discusses, in the historiographical context, problems posed by the growing wave of research on the “history of Muslim subjectivity.” Noting the paradoxical danger of the re-orientalization of and the loss of historicity in Islamic studies, the author insists on the importance of the very designation of the emerging approach and suggests as a more correct term “history of Muslim subjectivities”. Some aspects of the nowadays’ interpretations of the interaction between the individual and the social and cultural in history, of the role of agency and subjecthood of historical actors are considered, as well as the correlation between persona studies and studies of the “techniques of the self.” Proceeding from the approaches that presume the “return of the subject,” the author emphasizes the expediency, for the studies of Muslim subjectivities, of microhistorical approaches, in particular, the “pragmatic turn” and the Russian version of microhistory with its characteristic attention to the individual and its complex vision of the historical context.

Keywords: microhistory, individual, agency, construction of the subject, Muslim identity

Acknowledgements and Funding: Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged. The author is also grateful for the in-depth discussion on the issues raised in this article to her students – participants of the seminar “Discussions on the History of Muslims in the Russian Empire and the USSR,” which she leads as part of the Master’s program at the HSE Faculty for the Humanities “Muslim Worlds in Russia (History and Culture)”: I. Chmilevskaya, Z. Shuvalova, A. Iskhakov, A. Kamaltdinov, M. Kasem Dad, K. Korolkov, K. Korchagin, N. Mazaev, D. Abdulkarimov. The author also thanks Denis V. Volkov, the debate with whom on the ways of studying subjectivity in history inspired her to express the proposed considerations in the form of an article. Her special gratitude goes to A.S. Agadjanian and anonymous reviewers for their valuable remarks.

For citation: Bessmertnaya, Olga. “What are We to Do with ‘Muslim Subjectivity’? Prospects and Pitfalls of the Research Approach in a Historiographical Context.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 174–187 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-174-187>

Введение

Понятие «мусульманская субъективность» как обозначение предмета исследований и исследовательского поля формируется на наших глазах¹. Стоит задуматься, какие перспективы сулит нам выбор такого исследовательского ракурса

¹ Помимо самого этого специального выпуска «Вестника РУДН. Серия: История России» привлекает внимание осуществляемый в настоящее время международный проект под руководством А.К. Бустанова. См., в частности, его недавнее исследование: *Bustanov A. Introduction // Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill, 2022. P. 1–83*; В декабре 2022 г. той же группой в Амстердаме была проведена конференция «The Muslim Self: A Transregional History». См. также: *Affect, Emotion, and Subjectivity in Early Modern Muslim Empires. New Studies in Ottoman, Safavid, and Mughal Art and Culture / ed. by Kishwar Rizvi. Brill, 2018; Faraz Masood Sheikh. Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics. London, 2020; Jung D. The Formation of Modern Muslim Subjectivities: Research Project and Analytical Strategy // Tidsskrift for Islamforskning 2017. Vol. 11. № 1. P. 11–29; Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities / ed. by Dietrich Jung, Kirstine Sinclair. Leiden; Boston, 2020*; В Школе высших исследований по социальным наукам (EHES) в Париже несколько лет идет семинар В. Фурнье (Vincent Fourniau) «Histoire du discours sur soi et des identités collectives en Asie centrale, XVIe – XXe siècles [История дискурсов о себе и коллективных идентичностей в Центральной Азии, XVI–XX вв.]. Даже по названиям в этом очень выборочном списке видно, что в этих трудах проблемы исследования субъективностей мусульман понимаются весьма по-разному.

и какие эпистемологические опасности могут подстергать исследователя на этом пути. *Что* стоит поставить во главу угла, чтобы «безопасно» и конструктивно исследовать *субъективности* мусульман (подчеркну здесь множественное число) – помимо самого общего, давнего, хотя и по-прежнему захватывающего вопроса о том, что значит быть мусульманином в ту или иную историческую эпоху в том или ином политическом пространстве? Чтобы предложить одну из возможных позиций *внутри* этого пространства исследовательских интересов, целесообразно поместить этот исследовательский ракурс в ближайший к нему историографический контекст. Разумеется, даже краткий обзор современных концепций субъективности (субъективности) невозможен в рамках статьи и не входит в задачи автора; здесь будут рассмотрены лишь некоторые аспекты тех исследований, в фокусе которых – обращение к индивиду в истории².

Словосочетание «мусульманская субъективность», вообще говоря, может показаться оксюмороном – сочетанием несочетаемого. Ведь «мусульманское» в такой фразе (точно так же, как если бы на его месте стояло слово «христианское», «буддийское», «китайское» и т. д.), как будто бы предполагает некоторый набор даже не только вероятных, но и культурных установок, тех или иных парадигм и моделей – поведенческих, этических, мыслительных, ментальных, – которые *предзаданы* индивиду, принадлежащему соответствующей культуре, относящему себя к ней. Остается ли здесь место «субъективности» и, вообще, *субъекту* – то есть индивиду, наделенному способностью к выбору и принятию решений (агентностью, *agency*), рефлексивностью, *самостью* (*self*)? «Оксюморонность» обсуждаемого словосочетания еще более заостряется тем, что «мусульманское» кажется в нем понятием внеисторичным (то есть лежащим вне конкретного исторического контекста и охватывающим всю историю всех мусульман с момента возникновения ислама или, по меньшей мере, мусульманского самосознания). Этим понятие «мусульманская субъективность» как обозначение предмета исследований отличается от ставших уже привычными в историографии словосочетаний «советская субъективность», «субъективность эпохи Ренессанса», «современная (модерная) субъективность» и т. п., когда обсуждается «сознательный опыт и его формы в различных культурах и в разные исторические эпохи» и подход к таким исследованиям принципиально историчен³. Иными словами, не возвращаемся ли мы, говоря о «*мусульманской субъективности*», к культурному детерминизму – в той или иной мере характерному, например, даже для истории ментальностей и исторической антропологии середины XX в., как и для классической антропологии *per se*, уже интересовавшимися самыми разными сторонами человеческой жизни?⁴ Ведь такой детерминизм, казалось бы, как

² За рамками статьи остаются, в частности, исследования субъективностей (мусульманских и не только), нацеленные на построение «сверху» широких антропологических и социологических срезов, например: *Talal, A. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, 2003. С. 67–99.* В постановке предлагаемых вопросов автор основывается на своем опыте исследований в области истории мусульман в поздней Российской империи, преимущественно тех, что писали на русском языке (а также мусульман, писавших на рубеже XIX–XX вв. на языке хауса в Западной Африке), как и на опыте ряда историографических дискуссий, в которых она участвовала. Однако представляется, что обсуждаемые здесь *ключевые* вопросы и подходы могут быть релевантны для названной проблематики независимо от конкретного исторического контекста, хотя, разумеется, они корректируются соответственно ему в каждом конкретном исследовании. Подробнее см. ниже.

³ *Дастон Л., Галисон П. Объективность. М., 2018. С. 294.*

⁴ См. работы периода критики культурного детерминизма, например: *Kuper A. Culture: The Anthropologists' Account. Cambridge, 1999; Amselle, J.-L. Tensions within culture // Social Dynamics, 1992, 18(1), 42–65; Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Harvard Univ. Press, 1988;* о метаморфозах детерминистских подходов сквозь призму дисциплины «культурологии» в той ее версии, которая родилась в России в 1990-е гг. на бывших кафедрах марксистско-

раз и был отвергнут в обращении историков к исследованиям субъективностей? Не возвращаемся ли мы, по сути дела, к подходам классического ориентализма – с его широкими обобщениями и эссенциализацией «Востока», «мусульманскости» в частности?

На практике отмеченная опасность внеисторического использования обсуждаемого исследовательского ракурса может преодолеваться, если исследователь обращается к «субъективности» отдельных индивидов, по неизбежности помещенных в конкретную историческую эпоху и ситуацию, и, что важно, если он стремится придать этому конкретному историческому контексту достаточное значение⁵. При таком взгляде «снизу», от индивида, когда мы позволяем именно конкретному персонажу – мусульманину определять, что такое вообще мусульманское, мы как будто бы уходим и от опасности создать (и «навязать» нашему персонажу) ориенталистское по духу, эссенциализированное и очерченное некоей предзаданной нормой пространство «мусульманского» (к этой проблеме здесь еще придется вернуться), будто бы оставляя определение этих границ самому персонажу. Однако даже в таком случае вопрос об оксюморонности обсуждаемого понятия – не риторический. Речь идет не только о важности акцента на – и презумпции! – множественности, историчности и подвижности «мусульманских субъективностей». В основе своей это вопрос, во-первых, о том, какую позицию среди многих историографических взглядов (не говоря о собственно философских, им предшествующих) на то, как вообще понимать субъективность, мы выбираем, вопрошая о субъективности «мусульманской»; во-вторых, о том, какими методами можно или нельзя к ней пробраться; в-третьих, вообще о том, что именно мы в итоге хотим узнать. За этим комплексом вопросов – разные взгляды на само соотношение индивидуального, с одной стороны, и коллективного, социального – с другой, в конечном же счете – вопрос о том, остается ли еще у человека-субъекта «уголок автономности» в мире структур и систем, институтов, дискурсов⁶. Обратимся к некоторым сопоставлениям из близлежащих историографических областей.

Исследования советской субъективности: что заимствовать?

Исследователь позднесоветского общества А. Пинский различает в историографии три ракурса изучения *советской субъективности* – направления, которое, по-видимому, и стало ближайшим прообразом понятия «мусульманская субъективность» в сфере исследований мусульманских обществ, чья история связана с российской. Один из ракурсов, непосредственно восходящий к пониманию субъективности, разработанному М. Фуко (при том, что современные исследования субъективностей, как правило, вообще так или иначе с ним связаны), направлен на то поле возможностей, которое создавалось дискурсами и практиками эпохи для конструирования гражданами своей идентичности и своей позиции по отношению к власти, причем субъект оказывается здесь лишь продуктом этих дискурсов и практик⁷. Иной под-

ленинской философии, см. Scherrer J. Kulturologie: Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003; См. также ниже о «прагматическом повороте» в истории.

⁵ Такой взгляд «снизу» характерен для труда А. Бустанова (*Bustanov A. Introduction...*), хотя представляется, что исторический контекст (в частности, переплетение разнородных нарративов, включая советские, в изучаемых мемуарах) остается здесь недооцененным.

⁶ Писарев А. Обзор российских интеллектуальных журналов // Новое литературное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/135_nz_1_2021/article/23399/?sphrase_id=477390 (дата обращения: 27.11.2022); Кто приходит после субъекта? // Художественный журнал. 2020. № 115.

⁷ А. Пинский ссылается здесь на хорошо известный труд – Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995 – и подчеркивает историографическую значимость акцента на *фрагментации* субъекта, усиленного под влиянием рецензии И. Халфина и Й. Хелльбека (*Halfin I.*,

ход А. Пинский видит в работах другого «пионера» исследований советской субъективности, Й. Хелльбека: основываясь на его определении субъективности как «способности мыслить и действовать, вытекающей из целостного представления [человека] о самом себе», А. Пинский связывает этот подход с более традиционным пониманием субъекта, восходящим к Канту, когда предполагается, что субъект (*личность*⁸) существует до дискурсов и действий. Эта формулировка Й. Хелльбека стала одним из предметов наиболее резкой критики в адрес его подхода, хотя, как увидим ниже, он не сводится к идее целостности субъекта, да и далеко не однозначно соотносится с ней⁹. Наконец, третий, наиболее широкий ракурс изучения субъективности охватывает то, как человек вообще воспринимает мир и себя среди других: сюда, как считает А. Пинский, можно отнести даже те исследования, которые не используют понятие «субъективность» эксплицитно¹⁰.

Фактически такой взгляд – изучение мировосприятия человека вообще, его внутреннего мира, *Weltanschauung* (независимо от того, к какому из двух обозначенных выше пониманий субъективности, «фуколдианскому» или «кантовскому», явно или подспудно тяготеет тот или иной исследователь)¹¹ – беспредельно размыкает понимание нашего предмета: и историки ментальностей обращались к изучению «человеческого измерения» в истории, однако это был весьма обобщенно понятый человек, *представитель* эпохи, цивилизации и т. п., например, «человек средневековья» или «люди ислама»¹². При таком ракурсе угроза воспроизводства «больших нарративов», описывающих исторические процессы, и ориенталистских обобщений, подменяющих собою всю сложность вопросов о субъективности, реактуализируется, а заявка на новизну и актуальность исследовательского вопроса растворяется¹³.

Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1996. Vol. 44. № 3. P. 456–463. См.: Пинский А. Предисловие // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018. С. 11–13. Речь в цитированных трудах идет о сталинской эпохе, но обсуждение концепций субъективности выходит за ее рамки.

⁸ О понятиях «личность» и «индивидуальность» см.: *Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 64–83.*

⁹ *Пинский А. Предисловие... С. 14.* Это одна из относительно ранних формулировок Й. Хелльбека, к тому же указывающая лишь на представления субъекта о своей целостности («coherent sense of self»), а не на целостность субъекта как таковую (См.: *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 340*). В книге (*Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Harvard Univ. Press, 2006*), которая вышла позже ряда статей автора, опубликованных еще во второй половине 1990-х гг. и легших в основание дискуссий, он не использует эту формулировку, видимо, отказываясь от априорного акцента на «целостности», но подчеркивая сознательность участия человека в сотворении собственной жизни – даже при том, что такое сотворение предстает в его исследовании как апроприация советской идеологии и соответствующих дискурсов (или как раз в силу этого, поскольку сама советская идеология была нацелена на «пересоздание» человека): *Хелльбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М., 2021. С. 24–25.* Й. Хелльбек подробно обсуждает соотношение своего подхода с подходами М. Фуко в: *Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 218–219, 397–402.*

¹⁰ *Пинский А. Предисловие. С. 14–16.* Пинский ссылается здесь на определение в: *Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who make them // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 313.*

¹¹ Так определяет «мусульманскую субъективность» и А. Бустанов: *Bustanov A. Introduction... P. 1.*

¹² Например: *Gardet L. Les hommes de l'islam, approche des mentalités, Paris, 1977.* Неслучайно А. Пинский вынужден причислять к этому подходу чуть ли не любые *культурологические* исследования о позднесоветском времени: *Пинский А. Предисловие... С. 15–16.*

¹³ См. *Зарецкий Ю. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3.*

Поэтому в различиях этих подходов представляется особенно важным не столько характер их тематики и охвата, сколько степень внимания исследователя к активности и *индивидуности* («особости») человека в конструировании себя и своего «я» *внутри* актуального для него дискурсивного и социального пространства, иными словами – *в ответ* этим дискурсам и практикам. Именно такой ракурс, как представляется, позволяет ставить вопрос о субъективности (то есть собственно *субъектности*) индивида как таковой – тот вопрос, который поставлен в начале этого обсуждения.

Как раз к таким индивидуальным усилиям по «пересозданию себя» обращается Й. Хелльбек в исследованиях «советской субъективности» по дневникам сталинского межвоенного периода¹⁴. Правда, нарисованная здесь картина советской субъективности парадоксальным образом оказывается весьма однородной и насквозь пронизанной спущенной сверху идеологией, точнее – эта картина представляет собой совокупность индивидуальных попыток апроприации и интериоризации этой идеологии. Ее чрезмерно обобщенный и одномерный характер, как и ограниченность сугубо дискурсивным измерением, не случайно стали объектом уже упомянутой критики¹⁵. Но сами методы анализа, использованные Хелльбеком, и вопросы, поставленные в его фокус – а именно «медленное чтение» дневников, выявляющее *процесс* конструирования себя человеком, вообще «взаимоотношения» человека с самим собой (даже если это отказ от какой-либо саморефлексии и/или отсутствие потребности в ней) – и уже сквозь эту призму осмысление отношений человека с обществом и властью, характера воздействия властных отношений на него – представляются структурообразующими для изучения субъективности, особенно, если дополнить это «медленное чтение» вниманием к нарративным разломам и зазорам в наших источниках (отсутствие которого также вызвало обоснованную критику в адрес Хелльбека¹⁶).

Разумеется, не в любом историческом источнике ответы на такие вопросы лежат на поверхности (подобно тому, как это происходит в изученных Хелльбеком дневниках), однако мы можем пытаться «разговорить» источник, стараясь хотя бы *задать ему* вопросы из этого спектра. Некоторые ученые, в том числе Хелльбек (впрочем, с оговорками), полагают, что такая «*работа над собой*» связана преимущественно с модерностью, с характерной для современных обществ так называемой эмансипацией индивида от традиции и социальной группы. И это, казалось бы, должно было бы ограничить наши исследования в указанном ключе лишь современными источниками (как бы хронологически и генетически мы ни определяли «модерность», когда речь идет о мусульманских обществах). Однако еще в середине 1980-х гг. появились работы, показывающие значимость «самоисследования» («the exploration of the self») у людей домодерной Европы, и затем с использованием сходных подходов те же вопросы были поставлены применительно и к мусульманским источникам личного происхождения¹⁷. Так что *право на вопрос* остается за нами независимо от того, как мы определяем характер изучаемого общества.

¹⁴ Хелльбек Й. Революция от первого лица. См. также: Халфин И. Автобиография большевизма: Между спасением и падением. М., 2023.

¹⁵ См., в частности: Fogun: «Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе» // Ab Imperio. 2002. № 3; Здесь же особенно: Бойм С. Как сделана советская субъективность? // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 285–296; См. также: Gerasimov I. Becoming a Soviet Plebeian Subject: The Story of Mark Miller Narrated by Himself // Ab Imperio. 2017. № 1. P. 184–210.

¹⁶ Бойм С. Как сделана... С. 292.

¹⁷ Davis N.Z. Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth Century France // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought / ed. by T.C. Heller, M. Sosna, D.E. Wellbery. Stanford, 1986. P. 53–63. См. также другие, широко известные работы Н.З. Дэвис. См. работы Ю.П. Зарецкого, посвященные как домодерной Европе, так и Древней Руси: Зарецкий Ю.П. 1) Феномен сред-

Проблема индивида в обществе

Вытекающий из сказанного вопрос об агентности и «самости» и тем более скрывающийся за ним вопрос о степени «автономности» индивида упирается в противостояние двух метафизических презумпций, впрочем, давно спустившихся из заоблачных вышей в область эмпирических исследований. Речь идет, с одной стороны, о структуралистских и постструктуралистских подходах, декларировавших «смерть автора» (ранний Р. Барт) и «смерть человека» (ранний М. Фуко), что подразумевало, в частности, уже упоминавшуюся выше обусловленность саморепрезентаций и действий индивида дискурсами и техниками власти, его фактическую «безгласность» (отсюда и идея *фрагментированности* субъекта, предполагающая разнородность и разломы «я» индивида в зависимости от актуальных дискурсов и ситуаций). С другой стороны, речь идет о подходах, провозгласивших «возвращение субъекта».

Демонстрация исторической изменчивости, множественности и неоднородности субъективностей (как и понятий о том, что такое «субъект»), самих практик *субъективации*, то есть превращения индивида в субъекта – но как раз такого, который востребован отношениями власти, лежала уже в рамках первого подхода и принадлежит в особенности Фуко¹⁸. Так поставленные им вопросы в большой мере и повлекли за собой волну исследований субъективности. Однако сам Фуко в поздних работах (как и поздний Р. Барт) существенно усложнил трактовки складывания субъективности (субъектности), говоря о «„техниках себя“, формирующих и поддерживающих определенный тип самости»¹⁹, и рассматривая их в сложном переплетении «внешних» по отношению к индивиду и «внутренних» практик субъективации, что, видимо, оставляло субъекту пространство свободы²⁰. Так что даже у самых верных приверженцев Фуко остается немалое пространство выбора в том, какую степень агентности предоставить индивиду.

Важнейшее значение эта проблематика обрела, как известно, в пронизывающих современное изучение мусульманских сообществ постколониальных подходах, где «безгласность» и фрагментированность субъекта были переосмыслены в контексте колониального доминирования, лишавшего колонизированных собственного голоса, замещенного колониальными дискурсами, и сообщавшего трагическую гибридность их разламывающейся субъектности²¹. Однако здесь хотелось бы подчеркнуть иной, как кажется, даже более универсальный аспект.

невековой автобиографии // История субъективности: Средневековая Европа. М., 2009; 2) «И о мне творю известие»: Русские средневековые автобиографические рассказы // История субъективности: Древняя Русь. М., 2010; О мусульманских домодерных мирах см.: *Kafadar C. Self and Others: The Diary of a Dervish in Seventeenth Century Istanbul and First Person Narratives in Ottoman Literature // Studia Islamica*. 1989. № 69. P. 121–150; *Dreams and Visions in Islamic Societies / ed. by Ö. Felek, A.D. Knysh*. New York, 2012. Здесь же особенно: *Felek Ö. (Re)creating Image and Identity: Dreams and Visions as a Means of Murād III's Self-Fashioning*. P. 249–272.

¹⁸ Как известно, Фуко был в немалой степени движим идеей развенчания концепции так называемого либерального субъекта (то есть наших представлений о том, что индивид, извечно наделенный целостным «я», всегда стремится к автономии и противостоит внешнему принуждению). Об устойчивости концепции либерального субъекта в традиционных исследованиях советской истории см.: *Krylova A. The tenacious liberal subject in Soviet studies // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. № 1. P. 119–146.

¹⁹ *Дастон Л., Галисон П. Объективность...* С. 293.

²⁰ О «техниках себя» и «искусствах существования» см. особенно: *Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М., 1996. Т. 2. С. 269–306; *Табачникова С.В. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. Воля к истине...* С. 428–440 (раздел «Установка-предел»).

²¹ *Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak? Basingstoke, 1988; Bhabha H.K. The Location of Culture*. London, 1994.

О «возвращении субъекта» – в ответ на идеи о его «смерти» – заговорили в разных историографических контекстах. Среди них стоит выделить микроисторию и французский прагматический поворот²². Речь здесь шла и идет как раз о повороте к индивидуальному в истории, причем таком, который исходит из презумпций рациональности действующих лиц (актеров) в конкретных исторических ситуациях, из их способности к действию и выбору стратегии, что предполагает их агентность и активность (отсюда же – обращение к исследованиям практического опыта актеров и роли отдельных событий в истории). Следует подчеркнуть, что этот взгляд отнюдь не означает замыкания в индивидуальном (например, возвращения к «классической», «докритической», «чистой» биографии), но, наоборот, заостряет вопрос о роли социального и культурного, увиденного, однако, сквозь призму индивидуального, «снизу». Причем понимание самого социального контекста здесь существенно иное: он не рассматривается более как некая внутренне согласованная система, навязывающая индивиду правила поведения и думания, но видится во всей его фрагментарности, многоуровневости и подвижности: если это и система – то открытая, противоречивая, плюралистичная²³. И хотя отнюдь не любое направление внутри подобных микроисторических подходов непосредственно сфокусировано на субъекте и субъективности, представляется, что они более приспособлены для их изучения, чем подходы, ставящие во главу угла те или иные гомогенные структуры, серийность, системы (включая дискурсы), открывают больше возможностей и перспектив как раз благодаря лежащим в их основе презумпциям. Значимость этих (казалось бы, достаточно давних) направлений в сегодняшней историографической ситуации была подчеркнута недавно рядом авторов (так что «субъект», если он и отлучался, в угоду «системам», из историографических мейнстримов с середины 2000-х гг., похоже, снова готов вернуться)²⁴. А сочетание так понятых микроисто-

²² Как отмечает Франсуа Досс, французский прагматический поворот связан с американской аналитической философией. См.: *Dosse F.* 1) De la structure au sujet. L'humanisation des sciences humaines ? // Éditions sciences humaines. Hors-série (ancienne formule). Juin/Juillet 1998. № 21. URL: https://www.scienceshumaines.com/de-la-structure-au-sujet-l-humanisation-des-sciences-humaines_fr_11738.html; 2) *L'empire du sens, l'humanisation des sciences humaines*. Paris, 1995; То же на английском яз.: *Empire of Meaning: The Humanization of the Social Sciences*. Trans. Hassan Melehy. Minneapolis, 1999.

²³ Когда говорят о микроистории, как правило, цитируют К. Гинзбурга, чьи работы хорошо известны в России. Не менее важен и ряд других авторов, инициировавших и обсуждавших прагматический поворот и микроисторию, в частности, и «возвращение субъекта»: *Lepetit B.* *Histoires des pratiques, pratique de l'histoire* // *Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale*. Paris, 1995. P. 9–22; *Levi G.* *On Microhistory* // *New Perspectives on Historical Writing*. 2nd ed. Malden, 2001. P. 97–119; *Ревель Ж.* *Микроисторический анализ и конструирование социального* // *Одиссей: Человек в истории*. М., 1996. С. 110–127; 2) *Возвращение к событию: пути историописания* // *Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. М., 2003. Кн. 1. С. 238–254; См. также названные выше работы Ф. Досса. В нашей стране одним из основоположников отечественной версии микроистории был Ю.Л. Бессмертный. Основанный им альманах «Казус: уникальное и индивидуальное в истории» объединил сторонников этого направления. В своих работах он заострил проблему соотношения индивидуального и социального (коллективного), как и соотношения «микро»- и «макро-подходов» к изучению прошлого. В 2022 г. вышла антология избранных статей из первых выпусков «Казуса», включая две статьи, обосновывающие обращение к индивиду и индивидуальному, особенно: *Бессмертный Ю.Л.* *Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории: Антология*. М., 2022. С. 54–77.

²⁴ В частности: *Акельев Е.В., Велижев М.Б.* *И снова «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Антология*. С. 18–27; *Микроистория в России: The State of the Art / сост. Т. Атнашев, М. Велижев // Новое литературное обозрение*. 2019. № 6 (160). С. 83–122; *Леви Дж.* *Микроистория и глобальная история // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2019. Вып. 14. С. 359–378; В серии «Интеллектуальная история» издательства «Новое литературное обозрение» в 2021–2022 гг. вышел ряд книг в русле микроистории (в т.ч. классиков итальянской микроистории К. Гизбурга и Дж. Леви) и начата специальная подсерия «Микроистория». Сложившиеся в названных микроисторических направлениях взгляды на роль и агентность индивида в социуме распространены ныне и за пределами собственно микроистории в практике социо-культурных исследований. Подробнее

рических подходов с постановкой вопроса и приемами исследований советской субъективности (по существу им близких, особенно в подчеркнутых выше ракурсах, но, как кажется, не всегда замечающих поставленные ими проблемы) представляется тем более плодотворным. Применительно же к любому руслу исламоведческих исследований, а исследований субъективности в особенности, презумпции таких подходов оказываются своего рода «охранной грамотой» от опасностей слишком широких ориенталистских обобщений, эссенциализации и экзотизации нашего «поля». Речь, попросту говоря, должна была бы идти не о том, например, как тот или иной индивид воспроизводит и воплощает ту или иную уже сложившуюся традицию в понимании своего «я», а о том, как он ее перерабатывает и переизобретает на скрещении с другими традициями и индивидуальными возможностями.

Исследования персон и субъективность

Одним из развивающихся в последние десятилетия исследовательских ракурсов, нацеленных на рассмотрение способов *пересечения* индивидуального – частного, интимного, с одной стороны, и социального – с другой, на поиски своего рода «промежуточного уровня» (*middle course*) между ними, стало изучение способов представления индивидами себя в обществе, выражающихся в их выборе для себя той или иной *персоны*, а также рассмотрение типов «персон», характерных для той или иной исторической ситуации, и процессов их складывания. Речь идет о *публичной идентичности*, предъявляемой индивидом в коллективе и обеспечивающей возможность его социального существования, поскольку это некие общественно признанные «шаблоны» идентичности (профессиональной, политической, игровой и т. п.), делающие индивида *узнаваемым* в обществе (без чего невозможно его социальное присутствие) и вместе с тем никогда не воспроизводимые им полностью и буквально, но сохраняющие индивидуальную специфику.

Широко известны *исследования персон* (*persona studies*), фокусирующиеся на современных особенностях представлений своего «я» в связи с деятельностью человека в сети, онлайн; вместе с тем сквозь эту призму здесь переосмысляются и способы биографического и автобиографического письма в отдаленном прошлом²⁵. Параллельно заметную роль обращение к *персонам* приобрело в истории науки и производства знания, где изучается складывание *типов научной персоны* и субъективные взаимодействия отдельных конкретных ученых, включая востоковедов, с такими моделями и ролями (например, выбор или отказ от той или иной роли)²⁶; подобный исследовательский ракурс, несколько более традиционный, чем первый, оказывается пока что наиболее востребованным и при обращении к изучению *персон* самих мусульман.

Инициаторы этого подхода, Л. Дастон и Х.О. Сибум, рассматривают *персону* именно как нечто среднее между индивидуальной биографией, с одной стороны, и социальным институтом и культурными категориями – с другой. Это – «культурная идентичность», которая обеспечивает индивиду такую физиогномику, которая

см. об этом: Бессмертная О.Ю. Снова микроистория? // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 96–101.

²⁵ Центром таких исследований стал журнал, основанный Д. Маршаллом и К. Барбур в 2015 г., «Persona Studies». URL: <https://ojs.deakin.edu.au/index.php/ps>. См. также: Marshall D.P., Moore Ch., Barbour K. *Persona Studies: An Introduction*. Wiley-Blackwell, 2019. Независимо от этого направления, о способах представления себя мусульманами в сети и массмедиа см.: New Media in The Muslim World: The Emerging Public Sphere / ed. by D.F. Eickelman, J.W. Anderson. Bloomington and Indianapolis, (1999) 2003; Muslim Networks from Hajj to Hip Hop / ed. by M. Cooke, B.B. Lawrence. The University of North Carolina Press, 2005.

²⁶ См. например: *Scholarly Personae in the History of Orientalism*. Brill, 2019. С. 1870–1930.

одновременно формирует индивида в его телесных и ментальных проявлениях и делает его принятым и узнаваемым в коллективе²⁷. Эту область также не миновал конфликт между противоположными «метафизическими» позициями исследователей относительно роли *агентности* индивида: одни ведут речь об индивидах, занятых самопредставлением, другие – о мощных и медленно меняющихся культурных институтах, которые управляют этими практиками. Наконец, третьи снова ищут промежуточное звено, где можно обнаружить взаимодействие обоих измерений, индивидуального и социального²⁸.

Хотя изучение всего этого комплекса индивидуальных стратегий формирования своего облика и самопредставления (*self-fashioning, self-presentation*) и социальных шаблонов и регистров, в пространстве которых эти стратегии вырабатываются, имеет весьма богатую предысторию (в антропологии, в психологических науках, в литературе и литературоведении, в культурных исследованиях), они особенно тесно связаны с концепциями перформанса и перформативности (восходящими к социологии Ирвина Гофмана)²⁹. Отсюда как раз и следует, что «персона» – это именно способ представления себя другим, идентичность, предъявленная вовне, в конечном счете «маска», хотя и вовсе необязательно надетая ради обмана и сокрытия некоего «истинного лица», но обеспечивающая социальное «я» человека. Выбор и выработка такого облика в той или иной сфере социальной жизни – несомненный *результат* «работы с собой», «техник себя»; он не может не иметь и обратного воздействия на внутреннее «я» человека, трансформируя его (разумеется, если мы в принципе признаем существование субъективности, не растворяя ее в социальном). Но в уже выбранном и сложившемся облике-*персоне* аспекты этой *внутренней* работы вряд ли предъявляются напрямую и несомненно им не исчерпываются – на то это и *персона*. Так что *персона* – не субъективность, а скорее экран перед нею³⁰. Можно сказать мягче: как показывают исследователи разных направлений, *персона* и самость («я») – это две стороны субъективности, однако несводимые друг к другу³¹.

Между тем во флагманском исследовании, иницирующем и обосновывающем оригинальный подход к изучению «мусульманской субъективности», именно *персоны* изучаемого автора мемуаров, Абд ал-Маджида ал-Кадыри, предлагается рассматривать как фактически единственное измерение его субъективности,³² и похоже, что отождествление субъективности и *персон* в некоторых исследованиях «мусульманской субъективности» набирает силу. Но, как отмечено выше, субъективность не сводима к перформативности. Так что важный «вызов» в изучении му-

²⁷ Daston L, Sibum H.O. Introduction: Scientific Personae and Their Histories // Science in Context. 2003. Т. 16. № 1-2. Р. 1–8.

²⁸ Paul H. Introduction: Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930 // Scholarly Personae in the History of Orientalism. Brill, 2019. Р. 1–16.

²⁹ Подробнее о предыстории и интеллектуальном контексте исследований *персон* см.: Marshall P.D., Barbour K. Making intellectual room for Persona Studies: A new consciousness and a shifted perspective // Persona Studies. 2015. № 1.1. Р. 1–12. См. также: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

³⁰ Как отмечают П.Д. Маршалл и К. Барбур, «„персона“ – по самому значению этого слова <...> предполагает, что существует нечто позади маски – другая персона, которая обнаруживает некоторую связь с измерениями, обычно называемыми частным или интимным». См.: Marshall P.D., Barbour K. Making intellectual room... Р. 6.

³¹ Даже Джудит Батлер, автор перформативной теории субъекта, видящая в субъекте лишь наложение *персон*, пишет: «несмотря на осуществляемый этим текстом демонтаж субъекта, за ним стоит человек <...> За этим текстом кто-то да есть (я на время оставлю в стороне проблему того, что этот кто-то дан в языке)». См.: Батлер Д. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности. М., 2022 (впервые издана на английском в 1990 г.). С. 20.

³² Bustanov A. Introduction...

сульманских субъективностей, как представляется, состоит в том, чтобы взглядеться в соотношение двух названных сторон субъективности, в сам процесс «работы с собой», приводящей к выработке индивидом и выбору той или иной персоны – так, как это делается в ряде названных выше исследований и, в частности, путем обнаружения нарративных зазоров в наших источниках, того, как автор источника «проговаривается» о себе³³. Если в исследованиях субъективности и нужны *персоны*, то именно для того, чтобы попытаться проникнуть *сквозь* них к индивидуальным поискам и изобретениям таких обликов, к этим «техникам себя».

Выводы

Когда мы говорим: «мусульманская субъективность», мы оказываемся в двойной ловушке. С одной стороны, такая терминология крайне ограничивает пространство субъективности мусульманина (или мусульманки), будто предписывая ему иметь не какую-либо, а именно *мусульманскую* субъективность. С другой – она, наоборот, крайне размывает само пространство мусульманского, поскольку мы хотя бы во избежание первой ловушки (т. е. некоего априорного нормативного определения «мусульманскости») должны считать мусульманским все то, что таковым считает этот индивид или же попросту все то, что ему – этому конкретному мусульманину – вообще свойственно. Такой подход к определению «исламского» («ислам – это все то, что таковым считают мусульмане»), ведущий к утверждению множественности *исламов* (включая и множественность индивидуальных пониманий ислама), эпистемологически имеет целый ряд преимуществ, но вызывает и немало вопросов, в частности: до каких пределов этой свободы определения допустимо пойти, чтобы не утратить вообще какое-либо представление об исламском?³⁴ Эта проблематика в целом лежит далеко за пределами настоящего рассмотрения. Однако, каким бы ни был ответ на этот вопрос (его приходится оставить открытым), не корректнее ли заменить выражение «мусульманская субъективность», чреватое столь многими опасностями в обозначении исследовательского поля, – сейчас, пока этот термин еще не вполне закрепился в профессиональном обиходе, – словами во множественном числе: «*субъективность мусульман*» (или «*мусульманские субъективности*») и называть нашу область «историей субъективностей мусульман» (или «мусульманских субъективностей»³⁵)? Такая, казалось бы, незначительная перестановка мест этих слагаемых, как представляется, существенно изменит результат, позволяя исследователю избежать не только эссенциализации мусульманскости, но и своего рода ослепления сугубо исламским пространством культурных традиций, участвующих в процессах изобретения человеком – мусульманином – себя, замечая и такие компоненты, которые в каждом отдельном случае втягиваются в эти процессы

³³ О сложных переплетениях субъектности и персоны, см., в частности: *Triiper H. Dispersed Personae: Subject-Matters of Scholarly Biography in Nineteenth-Century Oriental Philology // Asiatische Studien*. 2013. Vol. 67. P. 1325–1360; Как показал еще И. Гоффман, механизмы выработки *персон* особенно выпукло проявляются на примере разного рода самозванцев и трикстеров. О *дистанции* между *персонами* и «я» индивида, как и об исследовательских способах «проникнуть» *сквозь* *персоны* к «техникам себя» в наиболее выпуклом, *крайнем* случае изобретения своих *персон* и «самости» см.: *Бессмертная О.Ю. Мусульманская субъективность? Personae, self и «запросы жизни» в свидетельстве о себе мусульманина-самозванца (М.-Б. Хаджетлаше) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом* (в печати).

³⁴ О сторонниках и противниках «свободной» трактовки исламского см.: *Thum R. What is Islamic History? // History and Theory*. 2019. Vol. 57. P. 7–19. Автор стремится обосновать ее эмпирически, через взгляды самих мусульман.

³⁵ Характерно множественное число в названии проекта Д. Юнга и его группы, воспроизведенном в цитированных выше трудах, в частности: *Jung D., et al., Politics of Modern Muslim Subjectivities...*

извне. Это отнюдь не помешает нам, а лишь поможет задаться вопросом о том, *каким образом индивид формирует себя как мусульманин* – наверное, ключевым для нашего предмета.

Новым и продуктивным в таком подходе могло бы стать не столько само по себе обращение к мировосприятию и самопониманию мусульманина (что, как отмечено выше, уже давно вошло в практику культурно-исторических исследований), даже не выявление типов или моделей идеальных субъектов, сложившихся в том или ином мусульманском сообществе, сколько такой взгляд на отношения индивидуального и коллективного (институционального, *культурного*), который, с одной стороны, предполагает внимание к активности и *самости* отдельного человека в его переработке культурных воздействий и видит в нем *актора*, а с другой – исходит из неоднородности и многомерности социо-культурного контекста, который эти воздействия несет. Это позволит понять и то, «каков есть» – и каким может стать – человек – мусульманин – в каждой конкретной исторической ситуации, и особенности исторического контекста, такую ситуацию формирующего.

Поступила в редакцию / Submitted: 06.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.05.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.05.2023

References

- Akel'ev, E.V., and Velizhev, M.B. "I snova 'Kazus'? [And the "Kazus" again?]." *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii: Antologiya*, 18–27. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022 (in Russian).
- Amselle, J.-L. "Tensions within culture." *Social Dynamics* 18, no. 1 (1992): 42–65.
- Atnashev, T., and Velizhev, M., eds. "Mikroistoriia v Rossii: The State of the Art [Microhistory in Russia: The State of the Art]." *Novoe literaturnoe obozrenie* 160, no. 6 (2019): 83–122 (in Russian).
- Bessmertnaia, O.Iu. "Snova mikroistoriia? [The Microhistory again?]." *Novoe literaturnoe obozrenie* 160, no. 6 (2019): 96–101 (in Russian).
- Bessmertnyi, Iurii. "Chto za 'Kazus' [What 'Kazus' is it?]" *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii: Antologiya*. Moscow: Novoe literaturn. obozrenie Publ., 2022: 54–77 (in Russian).
- Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London; New York: Routledge, 1994.
- Boym, Svetlana. "How is the Soviet Subjectivity Made?" *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 285–296 (in Russian).
- Bustanov, Alfred. "Introduction." In Bustanov, A., and Usmanov, V., eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Leiden: Brill, 2022: 1–83.
- Butler, J. *Gendernoe bespokoistvo: Feminizm i podryv identichnosti* [Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity]. Moscow: V-A-C Press Publ., 2022 (in Russian).
- Clifford, J. *The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Harvard Univ. Press, 1988.
- Daston, L., and Galison, P. *Ob"ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoe literaturn. obozrenie Publ., 2018 (in Russian).
- Daston, L., and Sibum, H.O. "Introduction: Scientific Personae and Their Histories." *Science in Context* 16, no. 1-2 (2003): 1–8.
- Davis, N. Z. "Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth Century France." In T.C. Heller, M. Sosna, D.E. Wellbery, eds. *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford: Stanford Univ Press, 1986: 53–63.
- Dosse, F. "De la structure au sujet. L'humanisation des sciences humaines ?" *Éditions sciences humaines. Hors-série (ancienne formule)*, no. 21 (Juin/Juillet 1998), https://www.scienceshumaines.com/de-la-structure-au-sujet-l-humanisation-des-sciences-humaines_fr_11738.html (in French).
- Dosse, F. *L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines*. Paris: La Découverte, 1995 (in French).
- Felek, Ö., and Knysh, A.D., eds. *Dreams and Visions in Islamic Societies*. New York: Suny Press, 2012.
- Foucault, M. *Ispol'zovanie udovol'stvii. Istoriia seksual'nosti* [Usage des plaisirs. L'Histoire de la sexualité]. Vol. 2 of *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality], 269–306. Moscow: Kastal' Publ., 1996 (in Russian).

- Gardet, L. *Les hommes de l'islam, approche des mentalités*. Paris: Hachette, 1977 (in French).
- Gerasimov, I. "Becoming a Soviet Plebeian Subject: The Story of Mark Miller Narrated by Himself." *Ab Imperio*, no. 1 (2017): 184–210.
- Gofman, I. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2000 (in Russian).
- Hellbeck, J. "Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts." *Russian Review* 60, no. 3 (2001): 340–359.
- Jung D., Sinclair K., eds. *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic traditions and the construction of modern Muslim identities*. Leiden; Boston: Brill, 2020.
- Jung, D. "The Formation of Modern Muslim Subjectivities: Research Project and Analytical Strategy." *Tidsskrift for Islamforskning* 11, no. 1 (2017): 11–29.
- Jung, D., Petersen M.J., and Lei Sparre, S. *Politics of Modern Muslim Subjectivities. Islam, Youth, and Social Activism in the Middle East*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Kafadar, C. "Self and Others: The Diary of a Dervish in Seventeenth Century Istanbul and First Person Narratives in Ottoman Literature." *Studia Islamica*, no. 69 (1989): 121–150.
- Khalfin, I. *Avtobiografiia bol'shevizma: Mezhdū spaseniem i padeniem* [The Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023 (in Russian).
- Khell'bek, J. *Revoliutsiia ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoi epokhi* [Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021 (in Russian).
- Krylova, A. "The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1, no. 1 (2000): 119–146.
- Kuper, A. *Culture: The Anthropologists' Account*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Lepetit, B. "Histoires des pratiques, pratique de l'histoire." In Lepetit, B., ed. *Les forms des l'expérience: Une autre histoire sociale*, 9–22. Paris: Albin Michel, 1995.
- Levi, G. "Mikroistoriia i global'naia istoriia [Microhistory and Global History]." *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*, no. 14 (2019): 359–378 (in Russian).
- Levi, G. "On Microhistory." In Burke, P., ed. *New Perspectives on Historical Writing*. 2nd ed., 97–119. Malden: Polity Press, 2001.
- Marshall, D.P. *Moore Ch., Barbour K. Persona Studies: An Introduction*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2019.
- Marshall, P.D., and Barbour, K. "Making Intellectual Room for Persona Studies: A New Consciousness and a Shifted Perspective." *Persona Studies* 1, no. 1 (2015): 1–12.
- Mogilner, M., transl. "Interviews with Igal Halfin and Jochen Hellbeck." *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 217–260.
- Paul, H. "Introduction: Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930." In Engberts, Ch., and Paul, H., eds. *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*. Leiden: Brill, 2019.
- Pinskii, A. *Posle Stalina: Pozdnesovetskaia sub'ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: Late Soviet subjectivity (1953–1985)]. St. Petersburg: St. Petersburg European Univ. Publ., 2018 (in Russian).
- Pisarev, A. "Obzor rossiiskikh intellektual'nykh zhurnalov [Review of Russian intellectual journals (Who came after the subject?)." *Novoe literaturnoe obozrenie*, November 27, 2022, https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/135_nz_1_2021/article/23399/?sp_hrase_id=477390 (in Russian).
- Plotnikov, N. "Ot 'individual'nosti' k 'identichnosti' (istoriia poniatii personal'nosti v russkoi kul'ture) [From 'individuality' to 'identity' (the history of the concepts of personality in Russian culture)]." *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (2008): 64–83.
- Revel, J. "Micro-analyse et construction du social." *Odissei: Chelovek v istorii*. Moscow: Nauka Publ., 1996: 110–127 (in Russian).
- Revel, J. "Vozvrashchenie k sobytiu: puti istoriipisaniia [Retour sur l'événement: un itinéraire historiographique]." *Homo Historicus: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Iu.L. Bessmertnogo*. Bk. 1, 238–254. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Rizvi, K., ed. *Affect, Emotion, and Subjectivity in Early Modern Muslim Empires. New Studies in Ottoman, Safavid, and Mughal Art and Culture*. Leiden: Brill, 2018.
- Scherrer, J. *Kulturologie: Fußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2003.
- Sheikh, F.M. *Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics*. London: Lexington Books, 2020.
- Spivak, G.Ch. *Can the Subaltern Speak?* Basingstoke: [S.n.], 1988.

- Tabachnikova, S.V. Mishel' Fuko: istorik nastoiashchego [Michel Foucault: a historian of the present].” In Foucault, M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*. Moscow: Kastal' Publ., 1996: 396–443 (in Russian).
- Talal, A. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2003.
- Thum, R. “What is Islamic History?” *History and Theory* 57 (2019): 7–19.
- Trüper, H. “Dispersed Personae: Subject-Matters of Scholarly Biography in Nineteenth-Century Oriental Philology.” *Asiatische Studien* 67 (2013): 1325–60.
- Zaretskii, Iu. “Istoriia sub"ektivnosti i istoriia avtobiografii: vazhnye obnovleniia [The history of subjectivity and the history of autobiography: important updates].” *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (2012), https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/83_nz_3_2012/article/18790/ (in Russian).
- Zaretskii, Iu.P. “‘I o mne tvoriu izvestie’: Russkie srednevekove avtobiograficheskie rasskazy [‘And I am creating news about me’: Russian medieval autobiographical stories].” In *Istoriia sub"ektivnosti: Drevniaia Rus'*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010: 11–48 (in Russian).
- Zaretskii, Iu.P. “Fenomen srednevekovo avtobiografii [The phenomenon of medieval autobiography].” In *Istoriia sub"ektivnosti: Srednevekovaia Evropa*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009: 9–52 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Юрьевна Бессмертная, канд. культурологии, доцент, старший научный сотрудник Института классического Востока и античности, академический руководитель магистерской программы «Мусульманские миры в России (история и культура)», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3; obessmertnaya@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4588-1035>

Olga Iu. Bessmertnaia, PhD in Cultural Studies, Ass. Professor, Senior Researcher, the Academic Director of the MA Program “Muslim Worlds in Russia (History & Culture),” Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University; 21/4, Staraya Basmannaya Str., bld. 3, Moscow, 105066, Russia; obessmertnaya@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4588-1035>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-188-206>
EDN: IFMJTR

Научная статья / Research article

Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия

Диляра Усманова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

dusmanova2000@mail.ru

Аннотация: Реконструируется положение инородца и иноверца в имперской пенитенциарной системе начала XX столетия. Анализируются описания «тюремного опыта», принадлежавшие перу нового поколения татарской элиты. Выявляются новые тренды в публичном дискурсе мусульманского сообщества позднеимперской России. Исследование опирается на документы личного происхождения (автобиографии, воспоминания, дневники) ряда заключенных-мусульман, находившихся в непростых взаимоотношениях как с местными властями, так и представителями мусульманского духовенства. В качестве основного объекта анализа выступают три произведения, обнародованные в 1907 г., в которых нашли отражение взгляды разных мусульманских авторов на свой «тюремный опыт». В частности, в автобиографии Габдрашида Ибрагимова описание тюремной действительности дано с позиции верующего мусульманина, пережившего ощущение стыда от тюремного опыта и одновременно осознание его как «школы жизни». В то же время в произведениях Гаяза Исхаки («Тюрьма») и Юсуфа Акчуры («Тюремные воспоминания») описывается тюремный опыт мусульманина с точки зрения формировавшегося слоя татарских интеллектуалов, довольно серьезно инкорпорированных в общероссийский политический контекст позднеимперской России. Поэтому «религиозная сторона» тюремной повседневности занимает в этих произведениях неравнозначное место, отражая уровни «личностной, когнитивной и человеческой зрелости» авторов.

Ключевые слова: политические заключенные, татароязычные арестанты, Казанская губерния, мусульманская субъективность, мемуарная литература

Для цитирования: Усманова Д.М. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 188–206. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-188-206>

To be a Muslim in the Penitentiary System of the Russian Empire: Evidence from Tatar Ego-documents of the Early 20th Century

Diliara Usmanova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

dusmanova2000@mail.ru

Abstract: The article sheds light on the experience of being an *inorodets* (a non-Russian, non-Christian subjects of the Russian Empire) in the imperial penitentiary system. The Tatar intellectual elite of the early 20th century pondered over the “prison experience” of this period in a number of texts, and the most significant of them are ego-documents written by a new generation of the Tatar elite that reflect new trends in the public discourse of the Muslim community of late imperial Russia. The present

publication is based on the texts of private origin (autobiographies, memoirs, diaries) of a number of Muslim prisoners who had a difficult relationship with the authorities as well as with the officially recognized Muslim clergy. The article analyzes three works representing different views of Muslim authors on their prison experience. The prison reality at the turn of the 1870–1880s is depicted in the autobiography of Gabdrashid Ibragimov, who described it from the position of a young Muslim believer. He experienced feelings of shame during in time imprisoned; and at the same he realized that the prison had become for him a “school of life.” The other two writings are the famous work “Prison [Tiur’ma]” by Gaiaz Iskhayqi and “Prison Reminiscences [Tiuremnye vospominaniia]” by Iusuf Akchura. They were published in 1907 and describe the prison experience of a Muslim in a Tsarist prison from an alternative perspective. We see that the emerging Tatar intellectual circle was quite seriously incorporated into the political context of the late Russian Empire. Therefore, religious aspects of prison reality occupy a rather modest place in the works of the Tatar political activists, and the personal experience of religious feelings is marginal. This corresponds to the circumstance that personal religious experience did not dominate the general worldview of the authors. At the same time the description of prison experience in the form of a more or less developed literary work reflected the level of the various authors’ “personality as well as cognitive and human maturity.”

Keywords: political prisoners, Tatar-speaking prisoners, Kazan province, Muslim subjectivity, memoir literature

For citation: Usmanova, Diliara. “To be a Muslim in the Penitentiary System of the Russian Empire: Evidence from Tatar Ego-documents of the Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 188–206. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-188-206>

Введение

Конфессиональный принцип, положенный в основу государственной идеологии Российской империи и игравший важную роль во внутренней политике страны, оказывал серьезное влияние и на пенитенциарную систему. Однако статус исламских культовых структур, а также представителей мусульманского духовенства в пенитенциарной системе страны вплоть до конца имперского строя оставался маргинальным и зачастую неопределенным в правовом отношении. Вероятно, незначительный процент мусульман среди заключенных российских тюрем достаточно долго позволял властям игнорировать религиозные права заключенных-мусульман. На рубеже XIX–XX столетий ситуация понемногу стала меняться, отчасти *de iure*, но скорее *de facto*.

Следует признать, что история пенитенциарной системы Российской империи в контексте конфессиональных проблем разработана в отечественной историографии достаточно слабо. Например, в одной из новейших публикаций по этой проблеме, статье Л.В. Кангаспура¹, обозначены лишь некоторые особенности пребывания в российских тюрьмах этнических меньшинств, однако нет никаких обобщающих количественных данных и качественных характеристик. В то же время заслуживает внимания вывод автора о том, что в российских тюрьмах не сформировались «национальные диаспоры», а сословное и привилегированное положение было важнее этнического. Некоторые проблемы «институционального присутствия» в российских тюрьмах исламских духовных лиц освещен в работах И.К. Загидуллина². В то же время историография чрезвычайно скудно освещает вопрос о численности арестантов-мусульман в российских тюрьмах. В литературе можно встретить лишь отрывочные сведения по губерниям³ или даже отдельным тюрьмам⁴.

¹ Кангаспура Л.В. Тюремная этнополитика и практика в Российской империи после Великих реформ // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 306–316.

² Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибири). Казань, 2006. С. 262–267.

³ Например, в 1891–1892 гг. в 11 уездных тюрьмах Казанской губернии (официально рассчитанных на 750 мест) содержалось не менее 599 русских и 354 татароязычных арестантов. См.: Шейбалков С.В. Уездные тюрьмы Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: организационное устройство и арестантский контингент // Научный Татарстан. 2014. № 3. С. 84–85.

⁴ Ярков А. Мусульмане в истории Тобольской тюрьмы // Мусульманский мир. 2018. № 3. С. 16.

Возможно, это связано с лапидарностью официальных статистических данных в силу крайней «текучести» тюремного контингента. Так или иначе, в имеющейся литературе отсутствуют как обобщающие данные об общей численности заключенных-мусульман, так и сведения об удельном их весе среди общей массы арестантов. Общую картину «представленности» мусульман в российских тюрьмах позднеимперского периода зачастую можно реконструировать, опираясь лишь на косвенные данные и сведения иного характера, в том числе на документы, «говорящие голосом» самих мусульман.

Какова бы ни была доля мусульман среди обитателей российских тюрем, очевидный процесс медленного, но неуклонного инкорпорирования исламских институтов в имперскую пенитенциарную систему был увязан как с увеличением среди заключенных доли арестантов-мусульман, так и теми общими процессами, которые происходили в российском обществе в эпоху модернизации⁵.

Важно, что в позднеимперский период вопрос о положении мусульман в российских тюрьмах и иных местах заключения, вопрос о реализации их религиозных прав, а также о представительстве исламских духовных лиц на законных основаниях начинает подниматься в публичном пространстве. В начале XX столетия на страницах периодических изданий, в дебатах общественных собраний, а также по инициативе отдельных персон в публичном пространстве начинают обсуждаться вопросы об организации в тюрьмах специальных молельных помещений для мусульман, о более активном привлечении мусульманских духовных лиц к решению тюремных проблем. Вынесение этих проблем в публичную плоскость также связано с появлением ряда литературных текстов, принадлежащих перу самих мусульман, в которых был отражен их собственный персональный «тюремный опыт». И чем более медийным и узнаваемым был автор, тем больше его тексты привлекали внимание мусульманской общественности к вопросу о положении в местах заключения мусульман, о наличии проблем и необходимости защиты их религиозных прав. Эти же свидетельства порой показывают, как заключенные мусульмане осознавали себя и свою инаковость в рамках существующей пенитенциарной системы.

Что значит быть мусульманином в российской тюрьме? Что значит опыт заключения для российского мусульманина? Насколько этот опыт подробно и всесторонне отражен в *эго-документах* той эпохи? Проблема осознания такого опыта, субъективности восприятия и сложности саморефлексии в отношении этих процессов, а также рефлексии мусульманских авторов в контексте своей религиозной идентичности – именно эти вопросы будут ключевыми в данной статье.

Заключенный мусульманин в имперской тюрьме: свидетельства «эго-документов»

Фиксация в литературных текстах опыта пребывания мусульманина в российских тюрьмах стала относительно новым явлением начала XX столетия. Безусловно, существует широкий комплекс источников, позволяющий охарактеризовать и проанализировать специфику пребывания мусульманина в местах заключения: законодательные акты и циркуляры, официальная делопроизводственная документация, включающая внутреннюю переписку, многочисленные прошения арестантов и ходатайства заключенных, тюремные и иные ведомственные отчеты, статистиче-

⁵ Общетеоретические аспекты функционирования религии и религиозных институтов в тюремной системе см.: Religion in Prison. Equal Rites in a Multifaith Society / ed. by James A. Beckford, Sophie Gilliat, Sophie Gilliat-Ray. Cambridge, 1998; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

ские сборники и пр. После 1905 г. к ним присоединяется и татароязычная пресса, отражающая доминирующий публичный дискурс.

В череде источников особое место занимают *источники личного происхождения* или, как принято выражаться в последние десятилетия, *эго-документы*⁶. Такого рода документы всегда находились в поле зрения исследователей. Существует обширная историография, содержащая классификацию различных источников личного происхождения, анализирующая появление и трансформацию основных терминов и понятий, а также обозначающая задачи, сложности и преимущества изучения таких документов⁷. Однако в последние десятилетия в историческом поле интерес к подобному рода источникам становится почти тотальным. Как справедливо замечает Ю.П. Зарецкий, «несмотря на все сомнения и очевидные теоретические сложности, связанные с человеческой субъективностью, эта особая притягательность автобиографических текстов» не дает покоя многим исследователям, которые уподобляются сказочному людоеду, увлекаемого манящим запахом. Характеризуя сущность историка, автор приводит следующее образное сравнение: «Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» (Марк Блок), что отражает явное предпочтение исследователя к такого рода свидетельствам⁸.

К источникам личного происхождения ученые относят в первую очередь воспоминания (мемуарную литературу), дневники, автобиографии, эпистолярное наследие (в основном частную переписку) и пр. Причем внутри входящих в этот широкий комплекс источников, в свою очередь, можно выделить более нюансированные жанровые формы. Например, «воспоминания» можно поделить на собственно воспоминания, автобиографические записки, автобиографические очерки, биографии и некрологи, литературные записи и пр. В свою очередь, ряд исследователей в автобиографические тексты, которые определяются ими как «историко-биографический текст, соединяющий объяснение и оправдание», включают собственно автобиографии, письма, дневники, устные рассказы о жизни, а также духовные автобиографии, семейные хроники и пр. (Ю.П. Зарецкий)⁹. В ряду таких источников особо выделяются дневники, которые можно рассматривать как «*пред-тексты*», то есть незаконченные произведения, к которым автор собирался вернуться, и «*эго-тексты*», то есть законченные произведения, в центре которых находится жизненный путь составителя¹⁰. В последнем случае дневники сближаются с мемуарной литературой (М.Ю. Михеев), что позволяет отнести дневники к пограничным или синкретичным жанрам.

⁶ Обзор происхождения и распространения этот термина в 1950–1990-х гг. см., например, в работах Ю.П. Зарецкого: *Зарецкий Ю.П.* 1) Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 3 (137). С. 184–199; 2) Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // *Автор и биография, письмо и чтение: Сб. докладов*. М., 2013. С. 24–41; О проникновении термина в российский историографический нарратив см.: *История в эго-документах: Исследования и источники* / отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург, 2014.

⁷ Основные направления отечественной историографии кратко, но вполне емко систематизированы в следующих работах. См.: *Приймак Н.И., Валегина К.О.* Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. СПб., 2018; *Филатова Н.М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // *Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым*. Сб. научных трудов. М., 2018. С. 24–40; *Поляков И.А., Смирнова М.А.* К истории изучения русской мемуарной литературы XVII–XVIII вв.: Проблема систематизации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 400–445.

⁸ *Зарецкий Ю.П.* Эго-документы советского времени... С. 189.

⁹ *Поляков И.А., Смирнова М.А.* К истории изучения русской мемуарной литературы XVII–XVIII вв.: Проблема систематизации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 415, 426; *Зарецкий Ю.П.* Автобиография // *Российская историческая энциклопедия*. М., 2011. Т. 1. С. 104–110.

¹⁰ *Михеев М.Ю.* Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006.

Очевидно, что в обширный корпус «источников личного происхождения» входят различные тексты – как по содержанию, так и по адресату, социальным функциям и даже формальным признакам, а классификация и типологизация их находится в сильной зависимости от исследовательского поля и конкретных исследовательских задач. Но важно другое: смена (или точнее частичное вытеснение) термина «источники личного происхождения» на термин «эго-документы» отражает важный концептуальный поворот к изучению субъективности, переоценку самого представления о субъективности источника. То, что раньше воспринималось большинством историков как изъян или недостаток, сейчас может трактоваться как дополнительное достоинство источника. Этот терминологический дрейф отражает и такую смену парадигм, как перенос интереса историков от изучения конкретных событий к изучению состояний и смыслов (Н.В. Суржикова)¹¹. Одновременно в постмодернистской трактовке акцент смещается от традиционной дихотомии правды/вымысла автобиографического (мемуарного) текста к анализу особенностей автобиографического дискурса или изучению особенностей восприятия текста читателями¹².

Обращаясь собственно к заявленной в данной статье проблеме, следует сказать, что в начале XX столетия мемуарных и автобиографических текстов на татарском языке было немного. И это на фоне того, что в России на рубеже XIX–XX столетий публикуются многочисленные воспоминания и записки бывших сидельцев, формируется целая традиция целенаправленного изучения и описания тюремной повседневности, отражающая как опыт пережитого, так идеологию и ментальность тюремной субкультуры¹³. На татарском языке такой литературы сохранилось чрезвычайно мало. Вероятно, факт малочисленности подобных текстов лишь отчасти отражает незначительную долю мусульман среди обитателей российских тюрем. Гораздо больше он говорит о состоянии литературного поля, о редком обращении пишущих татарски людей к таким маргинальным и даже «постыдным» с точки зрения обывателя темам.

В более широком контексте малочисленность подобного рода *эго-текстов* с рефлексией «тюремного опыта» отражает неразвитость такой литературной традиции и особенно слабую ее представленность в публичном дискурсе мусульманского сообщества позднеимперской России. Возможно, как пишет Ю.Е. Зайцева, это связано с тем, что

жизненный путь как осмысленное целое, существующее для других в форме завершенных историй – экзистенциальный феномен, требующий от автора определенного уровня личностной, когнитивной и человеческой зрелости¹⁴.

В начале XX столетия мемуарный жанр у российских мусульман был лишь зарождающимся жанром, создаваемом зачастую в назидательно-дидактическом ключе или в традиции описания «геройских деяний» и достижений. В целом назидательность и дидактизм в татарской литературе рубежа XIX–XX столетий были чрезвычайно сильно выражены. Среди немногочисленных в целом татароязычных эго-документов, собственно текстов, отражающих именно тюремный опыт автора и довольно подробно

¹¹ История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–7.

¹² Подробнее см.: *Зарецкий Ю.П.* Автобиография // Российская историческая энциклопедия. М., 2011. Т. 1. С. 104–110.

¹³ Подробнее см.: *Ефимова Е.С.* Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. М., 2004.

¹⁴ Цит. по: *Зайцева Ю.Е.* Автобиографический Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: коммуникативный, нарративный и экзистенциальный аспекты // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики. М., 2017. С. 33–34.

описывающих тюремную повседневность, было еще меньше. Тем не менее малочисленность не является эквивалентом «малоценности» их как исторических свидетельств. Более того, обращение к таким немногочисленным образцам «осмысления своего жизненного пути» или даже отдельного его сложного и не слишком «почтенного» эпизода весьма информативно для понимания старых/новых трендов в жизни российских мусульман, важно для анализа тех процессов, которые происходили в мусульманском сообществе страны.

«Тюремный опыт» в автобиографии татарских улемов

Можно упомянуть несколько видных представителей мусульманской *уммы*, которые выделялись интеллектуальными и литературными способностями, оставили или теоретически могли бы оставить чрезвычайно интересные письменные свидетельства о своем восприятии тюремного заключения. В частности, 4 июня 1872 г. по обвинению в «религиозном экстремизме» был арестован видный троицкий ишан Зайнулла Расулев (1833–1917)¹⁵. После восьми месяцев заключения в тюрьме Златоуста он на короткий срок был переведен в Уфу, а затем сослан в административную ссылку в Вологодскую губернию (1873–1875 гг.). Потом он перебрался в г. Кострому (1875–1880 гг.), где обосновался с семьей в Татарской слободе. На родину шейх смог вернуться лишь в самом конце 1880 г. Но и там гласный надзор продлился еще почти два года.

Таким образом, за плечами ишана З. Расулева были восемь месяцев тюремного заключения и восемь лет ссылки под гласным надзором полиции в чужой и чуждой, то есть иноязычной и иноверной, среде. Однако этот весьма болезненный, но одновременно и уникальный опыт не имеет письменных свидетельств и почти никак не отрефлексирован в известных документах: среди опубликованного письменного наследия шейха нет описаний «тюремного опыта», а немногочисленные сохранившиеся архивные документы и эпистолярное наследие также дают лишь косвенные свидетельства о лишениях и страданиях опального ишана, но не содержат никакой рефлексии по пережитому.

С этой точки зрения особенно интересен и ценен другой пример. В ряду необычайно содержательных и счастливо сохранившихся текстов можно назвать автобиографию («Тәржемә-и хәлем» или «Моя автобиография») известного татарского богослова и политика Габдрашида Ибрагимова (1857–1944), опубликованную в 1907 г.¹⁶ В воспоминаниях, повествующих о событиях последней трети XIX в. (от рождения героя и, по меньшей мере, до 1885 г.), эпизод «тюремных переживаний» отрефлексирован весьма обстоятельно. Упомянутая автобиография, по сути, единственное подробное описание «тюремных мытарств», сделанное от имени молодого российского мусульманина. Среди немногочисленных образцов такого рода эго-документов воспоминания Г.-Р. Ибрагимова одни из самых подробных и нюансированных в отношении описания тюремного быта (точнее повседневности пересыльного этапа), а также в плане передачи переживаний и рефлексии от испытанных ощущений. Конечно, эти воспоминания были опубликованы спустя много лет – между арестом и выходом в свет самих воспоминаний минуло почти 29 лет, что наводит на мысль о значительной литературной обработке текста. Вероятно, в момент написания текста «Тәржемә-и хәлем» автор опирался на более ранние аутен-

¹⁵ Фархитов М.Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872–1917). Власть и суфизм в пореформенной Башкирии. Сборник документов. Уфа, 2009. С. 73–76.

¹⁶ Ибрагимов Г.-Р. Тәржемә-и хәлем яки башыма килгәннәр. СПб., [1907]; Современное адаптированное переиздание кириллицей: Ибрагимов Г. Тәржемә-и хәлем. Казань, 2001; О самом Г. Ибрагимове см.: Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биография жыентык / төз. М. Госманов, Ф. Галимуллин. Казань, 2011.

тичные записи, поскольку в этой же автобиографии он упоминает, что подробнее описал свой «тюремный опыт» в произведении под названием «Тайны заключения» (или «Тюремные тайны»), подготовленном к печати. Однако скорее всего эта книга не была издана, т. к. никаких свидетельств о наличии такого издания в имперской России, а также о сохранности рукописи этого произведения в литературе нет.

Фактическая канва событий заключалась в следующем: будучи уроженцем Западной Сибири, молодой Г.-Р. Ибрагимов с весны 1877 г. находился на обучении в Казанской губернии в знаменитом медресе «Кшкар» (с. Кышкар). Летом 1878 г. он выехал на родину, но по дороге был арестован с истекшими документами по подозрению в «бродяжничестве». Естественно, полиция отправила «бродягу» по этапу в Сибирь для выяснения персональных данных. Поэтому заключенный прошел длинный путь арестанта от Поволжья до родной сибирской деревни, побывав в пересыльных тюрьмах городов Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень и, наконец, родной Тары. Именно этот этап, занявший несколько месяцев и ставший, по словам автора, «школой жизни», описан в упомянутых мемуарах¹⁷.

Автор подробно живописует состав заключенных, которые произвели на него, тогда еще молодого человека, сильнейшее впечатление. Среди арестантов было много уголовников, убийц и грабителей, пугавших своим устрашающим видом, обритыми наполовину головами и оковами. Немало было иных опасных людей, склонных к девиантному, с точки зрения правоверного мусульманина, поведению: пьянству, азартным играм и пр.¹⁸ Попав в новую, непривычную и весьма чуждую социальную среду, молодой мусульманин, с одной стороны, должен был пережить психологический шок и кризис, сродни ощущениям хаоса и «временной смерти», а уже затем адаптироваться и «приобщиться» к нетривиальной среде.

В многочисленных текстах современников тюрьма нередко описывается в категориях «жизни/смерти» (тюрьма как «мертвый дом» Ф.М. Достоевского или как «кладбище живых» Турати)¹⁹. В записках Г.-Р. Ибрагимова мы не встречаем таких сравнений и эпитетов. Вероятно, потому, что многомесячный этап выгодно отличался от тюремного заключения постоянным движением, регулярной сменой мест и лиц, что не позволяло рассуждать в категориях смерти. Наоборот, постоянное движение символизировало жизненную дорогу. Именно такая метафора использовалась автором чаще всего. Возможно, такой настрой не случаен – Г.-Р. Ибрагимов выделяется среди своих современников склонностью к постоянной перемене мест. Пожалуй, никто из соплеменников не мог состязаться с ним в количестве и качестве путешествий, а также в презентации своих странствий в литературной форме. Можно сказать, что описанный в данной автобиографии тюремный этап стал первым, хоть и вынужденным, значительным путешествием нашего героя.

На протяжении нескольких страниц описания этапа автор дает живописные портреты разнообразных заключенных, с которыми ему было суждено встретиться на длинном пересыльном пути. Например, он подробно описал историю русской девушки из Тюмени, последовавшей за возлюбленным в Нижний Новгород. Будучи брошенной, она оказалась на чужбине в сложной жизненной ситуации и без документов, а потому была вынуждена «возвращаться» на родину в числе арестантов. Также автор поведал историю некоего старика-черкеса по имени Галибек, ночи

¹⁷ *Ибрагимов Г.-Р.* 1) Тәржемә-и хәләм яки башыма килгәннәр... [1907]. С. 20–31; 2) Тәржемә-и хәләм... 2001. С. 33–46.

¹⁸ Подробнее о наиболее распространенных в российских тюрьмах развлечениях см.: *Гернет М.Н.* В тюрьме: очерки тюремной психологии. М., 1925.

¹⁹ *Ефимова Е.С.* Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. М., 2004. С. 23.

напролет рьяно молившегося. Наблюдая за таким страстным общением с Аллахом, Г.-Р. Ибрагимов замечает, что

в медресе не то, что шакирды, но даже и педагоги (мударрисы) не были так усердны в молитвах²⁰.

Показательна незавидная судьба другого арестанта-мусульманина – некоего нижегородского муллы Гайнуллы, обвиненного в незаконном миссионерстве и отправленного, после четырех лет тюрьмы, в длительную сибирскую ссылку. Слова этого седовласого старика-мусульманина прозвучали как напутствие и немного утешили взволнованного автора:

разве, когда ты был шакирдом, не читал, сколько в заключении провел наш пророк Мухаммед? Не переживай, сынок, это станет для тебя хорошим опытом. Ты получил урок от этой ситуации. Даже такие седовласые старцы, как я, могут оказаться в таком положении...²¹

Не менее колоритными выглядят другие арестанты. Увидев на тюремном балконе хорошо одетого человека, с гордым видом «вкушающего» за самоваром дневной чай, автор с удивлением узнает в нем Муртазу-бая из селения «Кшкар». Известный на всю округу богач, по-видимому, попал в тюрьму как банкрот, мошенник или по другим финансовым основаниям. При этом в описании Муртазы-бая соседствуют колкие замечания о его богатстве и вытекающем из этого особом статусе: заключенный восседал в богатом головном уборе на тюремном балконе в компании начальника тюрьмы и некой женщины. Г.-Р. Ибрагимов был не столько поражен этим фактом (как и другими поучительными знакомствами), сколько нашел резоны для самоуспокоения. Если в заключении оказываются не только убийцы и преступники, но и случайные люди, а также весьма уважаемые богачи, возможно, не стоит стыдиться своего положения? В итоге страх и мучительный стыд от того, что в Казани его могут увидеть знакомые мусульмане («*что они подумают, увидев меня в толпе арестантов?*») сменились осознанием превратностей судьбы.

Примечательно и наблюдение автора заметок о том, что практически на всем пути следования по этапу к тюрьмам и местам заключения приходили сердобольные горожане, которые подкармливали арестантов, раздавали милостыни. Пять ночей в казанской тюрьме автор сравнивает с пятью годами обычной жизни, а в отношении всего этапа, растянувшегося на несколько месяцев, неоднократно использует фразу об огромной «школе жизни». Автор с горечью замечает, что в силу молодости (20–21 год), неопытности и плохого знания русского языка он не смог в достаточной мере пообщаться со многими достойными и благородными людьми, которые встречались в пестрой толпе арестантов.

Очевидно, что с точки зрения обустройства быта заключенных пересыльные тюрьмы и этапы никоим образом не были толерантны к религиозным устремлениям мусульман. Но из упомянутого текста складывается впечатление, что значительная часть заключенных в целом была индифферентна к религии и довольно благожелательна к религиозной *инаковости*. Религиозные взгляды и убеждения не играли особой роли при выстраивании контактов среди заключенных, а также не особо беспокоили конвоиров. Гораздо большее значение имели языковые проблемы и культурные особенности различных заключенных, которые препятствовали выстраиванию правильной коммуникации, столь необходимой в закрытом сообществе.

Через четверть века, после возвращения на родину (1904 г.), Габдрашид Ибрагимов был арестован в Одессе, но провел в заключении непродолжительное время

²⁰ Цит. по: *Ибрагимов Г.-Р. Тәржемә-и хәлем... [1907]. С. 26–27.*

²¹ Там же.

и после многочисленных ходатайств и протестов мусульманской общественности был освобожден. Наконец, еще через десять лет, бывший шакирд и сельский имам, побывавший недолгое время казыем ОМДС, изрядно повзрослевший и к тому времени много повидавший в жизни²², вновь столкнется с местами заключения: в 1915–1917 гг., в ходе Первой мировой войны, он придет в Германию, где в особом лагере для военнопленных станет исполнять обязанности имама Вюнсдорфской мечети, специально отстроенной для военнопленных-мусульман и ставшей первой мечетью на немецкой земле. И хотя это уже совсем иной жизненный опыт, примечательно, что Г.-Р. Ибрагимов, пожалуй, был редким татаринном, кто имел опыт пребывания по обе стороны «колючей проволоки», но в противоположном статусе.

Очевидно, что тюремный опыт видных представителей мусульманской уммы даже в позднимперский период был явлением относительно маргинальным. Судя по всему, в заключении могли оказаться и оказывались те представители татаро-мусульманского духовенства, которых обвиняли в недозволенном «прозелитизме», особенно в период волн «отпадения» крещенных татар от православия. Также поводом для заключения могли стать прегрешения экономического характера (вспомним описания Муртазы-бая, имеющееся в проанализированной автобиографии) или же столкновения с представителями местных властей. В начале XX столетия к ним добавились обвинения в противоправных антиправительственных деяниях (имамы Галимджан Баруди, Наджип Амирханов и пр.). Но в целом, «тюремный опыт» для представителей официального духовенства был довольно маргинальным явлением. Но еще более редкими, даже единичными были случаи, когда этот опыт и связанные с ним переживания были осмыслены, отрефлексированы и зафиксированы в письменных свидетельствах «из первых рук». Малочисленность подобного рода свидетельств увеличивает ценность весьма содержательных и красочных воспоминаний Габдрашида Ибрагимова, еще более выделяя его фигуру на общем фоне представителей исламской уммы России.

Если обратиться к другим представителям татарского духовенства, «друживших с пером и словом», активных в публичном пространстве и главное имевших в своем «послужном списке» опыт заключения, можно упомянуть еще пару знаменитых персон.

На рубеже XIX–XX вв. через Вологодскую ссылку прошло не менее 10 тысяч политических заключенных²³, среди которых мусульмане составляли ничтожное меньшинство. В то же время среди ссыльных мусульман оказывались довольно именитые персоны. В марте 1908 г., в разгар борьбы с панисламизмом (1907–1910 гг.), из Казани в административном порядке были высланы имам Галимджан Баруди (Галимзян Галиев, 1857–1921)²⁴ вместе с братом Салихджаном Галиевым, а также имамом Габдуллой Апанаевым (1862–1919). Местом ссылки на два ближайших года им была определена Вологодская губерния. Проведя там четыре месяца, административно-ссыльные получили «послабление» в виде заграничного паспорта и разрешения уехать в длительное паломничество. В итоге, проехав через Вену и Будапешт, Г. Баруди оказался на Ближнем Востоке (Стамбул, Дамаск, Бейрут и Триполи), где провел остаток двухлетнего срока ссылки²⁵. В Казань опальный имам смог вер-

²² Свидетельством этого является не только упомянутая автобиография, но и знаменитый *travelogue* о мировом путешествии 1909–1910-х гг.

²³ См.: Вологодская ссылка (XIX – начало XX в.). Вологда, 2009.

²⁴ Подробнее см.: Юсуфов М. Галимджан Баруди. Казань, 2003; Хисамутдинова Л.С. Общественно-политические взгляды татарского просветителя Галимджана Баруди. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2004.

²⁵ Примечательно, что в издаваемом им журнале «Дин вэ эдэп» (Религия и нравственность) Г. Баруди опубликовал воспоминания о поездке в Стамбул в 1907 г. См.: Баруди Г. Истанбулга

нуться в 1910 г., а полностью восстановить свою религиозную и педагогическую деятельность – лишь в 1912 г.²⁶

Г. Баруди был чрезвычайно влиятельным и авторитетным казанским имамом, что позднее было подтверждено избранием его в 1917 г. первым муфтием реформированного ОМДС/ДУМЕС. Важно, что на протяжении почти всей своей жизни он вел дневники. До нас дошла и была обнародована в печати, а также включена в научный оборот лишь малая толика из возможного дневникового наследия Г. Баруди: в основном известны записи, датируемые 1920–1921 гг.²⁷ О периоде ссылки в опубликованных дневниках есть лишь несколько скупых фраз и пара абзацев, которые не передают всей полноты и остроты пережитого. Таким образом, под большим вопросом остается факт фиксации в сохранившихся частях дневников опыта четырехмесячной ссылки. Однако нет сомнений, что она оказала сильное влияние на мироощущение казанского имама-джагида и последующее его «поправление»: дипломатичный и осторожный Г. Баруди стал еще более осторожным как в своих высказываниях, так и поступках. Не случайно, что после приезда из ссылки в Казань и возвращения себе официального статуса (*имам-хатып и мударрис*) Г. Баруди проявляет себя как весьма умеренный и лояльный к властям политик, чем вызывает многочисленную критику и обвинения в отказе от позиции реформатора-джагида. В публичных своих выступлениях Г. Баруди выступает за умеренность притязаний мусульман, за сохранение лояльности и даже верноподданических настроений. Вся эта и последующая осторожность видного имама-джагида, безусловно, были следствием психологической травмы от пережитых репрессий и административной ссылки.

Таким образом, ни восьмимесячное заключение и восьмилетняя ссылка ишана З. Расулева, ни четырехмесячная ссылка Г. Баруди, случившаяся через 35 лет, не удостоились обстоятельного описания данного опыта и не стали предметом глубокой саморефлексии, несмотря на внушительный писательско-интеллектуальный опыт обоих персон. Очевидно, что и в текстах самого Г. Баруди, так и в современных новейших исследованиях его биографии, довольно подробных и обстоятельных, факт заключения и ссылки лишь обозначается бегло, пунктирно, без подробного описания или анализа²⁸.

В мае 1912 г. состоялся судебный процесс над руководителями знаменитого медресе Иж-Буби, по итогам которого братья Габдулла и Губайдулла Буби (Нигматуллины) были приговорены к шести и двум месяцам тюремного заключения с параллельным разгромом медресе, высылкой педагогического персонала и пр. Оба брата, помимо педагогической деятельности, известны своими сочинениями и выступлениями в печати. Также известно, что в период Первой мировой войны несколько месяцев в тюремном заключении провел еще один видный татарский богослов и публицист Мурад Рамзи (1853–1934)²⁹. Но и их печальный опыт пребывания в заключении не отражен в письменном виде.

саяхәтәм // Әд-дин вәл-әдәб. 1908. № 1–3, 5–7; Однако вторая, «вынужденная», поездка не нашла отражение в его дневниках или иных записках, включая и редактируемый им журнал. Хотя было бы весьма интересно сравнить эти две поездки, предпринятые с небольшим временным лагом, но осуществленных в таких разных жизненных ситуациях.

²⁶ Юсуфов М. Галимджан Баруди. Казань, 2003. С. 55–57.

²⁷ Баруди Г. 1) Хатирә дәфтәре // Казан, 1997. № 10–11. С. 71–89; № 12. С. 118–158; 1998. № 1. С. 21–48; № 2. С. 66–86; Эта публикация на русском языке: Баруди Г. Памятная книжка // Казань, 1997. № 10–11; 12. 1998, № 1, 2; 2) Хатирә дәфтәре. Казань, 2007; 3) Хатирә дәфтәре: 1920 елның 12 июненнән алып сентябрь ахырына кадәр / басмага әзерләуче А. Гайнетдинов. Казань, 2017; 4) Хатирә дәфтәре: 1920 елның октябреннән алып 1921 елның ноябренә кадәр / басмага әзерләуче А. Гайнетдинов, Р. Хәбибуллин. Казань, 2018.

²⁸ Юсуфов М. Галимджан Баруди. Казань, 2003; Хисамутдинова Л.С. Общественно-политические взгляды...

²⁹ Усманова Д.М. Мурад Рамзи (1853–1934): биография исламского ученого в свете новых исследований // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 2. С. 93–114.

Эти факты еще раз подтверждают отношение как современников, так и исследователей к тюремному опыту, вне зависимости от его причин и даже последствий, как к маргинальному и весьма постыдному эпизоду биографии, лишь омрачающему благородный облик автора. Возможно, работая над своими воспоминаниями (написанных в жанре автобиографии или «*тәрҗема-и хэл*») мусульмане, даже имевшие опыт заключения, старались не акцентировать внимание на темной стороне своего прошлого, осознавая репутационные издержки от подобного негативного опыта.

Тогда же, когда подобный опыт мог быть конвертирован в дополнительный символический капитал, преимущественно политический, он облекался в литературную форму и выносился на суд читателя. Наиболее яркими примерами такого подхода являются *кейсы* Юсуфа Акчуры и Гаяза Исхаки. И этот перелом доминирующих трендов наблюдается в период первой русской революции.

Юсуф Акчура и Гаяз Исхаки: субъективный взгляд татарского политика

В начале XX столетия среди политических заключенных казанских тюрем из числа татар-мусульман оказались две весьма важные персоны, игравшие видную роль в становлении национального движения – Юсуф Акчура (1876–1935) и Гаяз Исхаки (1878–1954). Хотя они были из разных политических лагерей – если Юсуф Акчура участвовал в либеральном движении³⁰ и даже короткое время входил в руководство партии кадетов (он был избран в ЦК кадетской партии на 2-м съезде в январе 1906 г.³¹), то Гаяз Исхаки со своими единомышленниками-тангистами³² симпатизировал социалистам и неонародникам.

Роднило их то, что оба упомянутых героя оказались в тюрьме в период избирательных кампаний. Вообще практика арестов и изолирования не только открытых революционеров, но и даже просто нежелательных с точки зрения властей оппозиционных кандидатов в 1905–1907 гг. применялась местной администрацией повсеместно. В частности, в период первой и второй избирательных кампаний в Казанской губернии наиболее известные и обладавшие максимальным шансом кандидаты арестовывались, обвинялись по 129 ст. Уголовного уложения (лишавшей избирательных прав) и изолировались в тюрьме на время выборов. Среди них были упомянутые Юсуф Акчура и Гаяз Исхаки³³.

³⁰ *Ахтямова А.В.* Политическая деятельность Ю.Х. Акчурина в годы Первой российской революции // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 127–131; *Усманова Д.М.* Политическая активность Юсуфа Акчуры в Российской империи (1904–1908): специфика российского либерализма // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 146–150; Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. Казань, 2017.

³¹ *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С. 132.

³² *Тангисты* – условное название группы татарской молодежи, разделявшей идеи российских социал-революционеров, группировавшейся вокруг Гаяза Исхаки, Фуада Туктарова и пр. и издававшая в качестве печатного органа газету «Таң йолдызы» (Утренняя звезда).

³³ См.: Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГАРТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 258, 538; Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 3; Тогда же избирательного ценза по формальному признаку были лишены не менее политически активные Фуад Туктаров и Габдрашид Ибрагимов. Об избирательной кампании в Думу 1-го и 2-го созывов подробнее см.: *Усманова Д. М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. С. 17–26. Еще можно вспомнить, что пятеро мусульманских депутатов-перводумцев были вынуждены отбывать в 1908 г. трехмесячное тюремное заключение за подписание Выборгского воззвания. Но только в отношении одного из них – А.-М.б. Топчибашева – сохранились отрывочные свидетельства о пребывании в тюрьме. См.: *Топчибашев. А.М.б.* Избранное: в 4 томах / сост. Гасан Азиз-оглу Гасанов. Т. 1: Журналистская деятельность. 1898–1914. Баку, 2014; Там же. Т. 2: Общественно-политическая деятельность. 1894–1918. Баку: 2015; Подробнее о тюремном

Таким образом, местная администрация устраняла любого потенциально успешного и значимого кандидата, а тюрьма выступала как испытанное и надежное средство для решения этой политической задачи. Однако в данном случае важен тот факт, что оба молодых человека, оставивших яркий след в татарской истории, стали авторами двух литературных произведений с описанием своего тюремного опыта. Другое общее обстоятельство, роднившее обоих авторов и оба анализируемых текста – очевидно секуляризированное и политизированное восприятие тюремного опыта, изложенное талантливим пером.

Сочинение Юсуфа Акчуры «Мәүкуфиять хатирәләре» («Воспоминания о тюремном заключении») было обнародовано через год после описываемых событий: в заключении автор провел 42 дня – с 8 марта по 17 апреля 1906 г., а сочинение было завершено и опубликовано в мае 1907 г.³⁴ Хотя, по всей вероятности, в период тюремной изоляции автор вел дневник, а само произведение выполнено в форме подневного дневника-воспоминаний, все же фактологическая часть в нем далеко не самая сильная. Текст Ю. Акчуры в большей степени наполнен переживаниями автора от ареста и пребывания в заключении, которые переплетаются с не менее эмоциональными и острыми страданиями пылко влюбленного молодого человека, тяжело переживающего вынужденную разлуку с любимой. Обращают на себя внимание и те места в записках Ю. Акчуры, где он живописует убогое убранство камер, скученность и отвратительные запахи. Эти строки отражают физические страдания автора записок, которые в целом были лишены жалоб и стремления вызвать сочувствие читателей.

В контексте основной проблемы статьи следует упомянуть еженедельные посещения тюрьмы и мусульманских заключенных имамом, молитва, проповедь и увещания. Судя по тону заметок, эти увещания духовного лица не оказывали на автора должного эффекта. В целом же Юсуф Акчура отмечает, что среди 16 заключенных его камеры за исключением одного-двух человек подавляющее большинство составляли студенты и гимназисты, то есть молодые, подчас совсем юные люди. Очевидно, что молодежь являлась не самой благодарной аудиторией для подобных религиозных увещаний служителей духовного культа.

Уже после освобождения Юсуфа Акчуры из тюрьмы в его честь был организован своего рода банкет, на котором собралось более 60 видных представителей мусульманской общественности г. Казани³⁵. По инициативе вчерашнего арестанта, на собрании был организован сбор средств для приобретения татароязычных книг и периодических изданий для последующей передачи их в тюремную библиотеку. Помимо мусульманской библиотеки оратор попросил членов «Тюремного комитета» (куда помимо военного/тюремного имама Фасаха Мухитдинова также входили Ахметзян Я. Сайдашев, М.-Рахим Исхакович Юнусов) позаботиться об учителе, который имел бы доступ к заключенным и занимался бы их образованием. Эта практика широко распространена в европейских тюрьмах и была бы весьма полезна для российской пенитенциарной системы, особенно когда среди заключенных столь велика доля молодежи. Известно, что накануне ареста Юсуф Акчура некоторое время преподавал в казанском медресе «Мухаммадия». Тем не менее, и данный текст, и последовавшие после освобождения поступки автора отражали подход вполне секуляризированного политика, имевшего дело в лице шакирдов с молодым

опыте парламентариев см.: Усманова Д.М., Шебалков С.В. Девяносто дней одиночного заключения: тюремная жизнь первоумцев, осужденных за подписание Выборгского воззвания // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 824–835.

³⁴ Акчура Й. Мәүкуфиять (тоткынлык) хатирәләре // Йосыф Акчура: әдәби, тарихи эсәрләр һәм мәкаләләр жьентыгы. Казань, 2011. С. 68–89.

³⁵ Йосыф Акчура шәрәфенә зыяфәт // Казан мөхбире. 1906. 24 апреля. № 73.

поколением мусульман с иными приоритетами, нежели традиционное исполнение религиозных культов.

Впрочем, в указанное время было одно событие, когда Юсуф Аккура позиционировал себя как консервативный мусульманский политик – на съезде кадетской партии (1906) во время обсуждения женского вопроса он высказался довольно определенно в пользу сохранения полигамии, как бы с позиции защитника прав мусульманских мужчин. Это выступление Юсуфа Аккуры можно было бы рассматривать как реверанс с целью достижения определенных политических дивидендов, если бы оно состоялось, скажем, перед публикой Сенного базара г. Казани. Однако прозвучав в европеизированной среде, оно не могло принести особых политических дивидендов, наоборот вызвало протесты феминизированной части кадетской партийной элиты. Подобные действия и высказывания Юсуфа Аккуры в некоторой степени диссонировали с отдельными пассажами его тюремных очерков, например, при описании переживаний, связанных с пасхальными днями и пр.

Автобиографическая повесть Гаяза Исхаки «Зиндан» («Тюрьма») ³⁶ была содана во время пребывания писателя в чистопольской тюрьме в период избирательной кампании в Думу второго созыва. Текст был записан в период с 27 января по 11 февраля 1907 г., во время «отсидки» автора в тюрьме в ожидании своего будущего, передавался на «волю» по частям вместе с освобождающимися сокамерниками или разными посетителями. Примечательно, что не рассчитывавший на скорое освобождение Гаяз Исхаки задумал немедленную публикацию своего произведения в татарской прессе по частям. Но в итоге сочинение вместе с обширной биографией (14 с.) и портретом писателя было опубликовано целиком в виде отдельной брошюры в самом конце мая 1907 г., став одним из наиболее известных и популярных произведений татарского классика. Об этом свидетельствует тот факт, что трехтысячный тираж брошюры разошелся практически моментально, а неоднократные попытки Департамента полиции и Главного управления по делам печати (СПб.) привлечь автора произведения по 129 ст. Уголовного уложения и конфисковать издание закончились в итоге безрезультатно ³⁷.

Если вернуться к судьбе автора, то после пребывания в Казанской губернской и Чистопольской уездной тюрьмах (в этих двух тюрьмах он отсидел чуть более трех месяцев, с 30 октября 1906 г. до середины февраля 1907 г.), Гаяз Исхаки был освобожден под обязательство отбытия ссылки в Вологодской губернии. Самовольно покинув место ссылки, он несколько месяцев провел в столице, а затем перебрался в Стамбул. Вернувшись на родину в 1911 г., он нелегально проживал в столице, но был повторно арестован и выслан в Архангельскую губернию. Только после амнистии в честь 300-летия династии Романовых (1913) Г. Исхаки смог вернуться к «нормальной» легальной жизни молодого татарского публициста.

Обстоятельства создания повести «Зиндан» предопределили его двойственный характер – автобиографического текста с элементами художественного произведения. В то же время место написания и обстоятельства публикации придали тексту некоторый налет поспешности и стилистической небрежности. Объективные обстоятельства цензурных ограничений, политические соображения и опасения, что текст может попасть в руки полиции (при обысках камеры или же при передаче на волю) также ограничили возможности автора. Анализируемый текст имеет определенную специфику: он был создан молодым человеком, увлекающимся по-

³⁶ Современное переиздание данного произведения кириллицей: Исхакий Гаяз, *Зиндан* // Эсэрләр. 15 томда. Казань, 1998. Т. 1. С. 273–328.

³⁷ Издателями брошюры были Габдрахман Хусаинов и Габдулгазиз Губайдуллин, авторами предисловия (14 с.) – Габдрахман Хусаинов и Сагит Рамиев. Первое издание сочинения арабской графикой: *Әл-Исхакий М.-Г. Зиндан: мөхәррирнең тәржемә-и хәле һәм рәсеме берлә*. Казань, 1907.

литикой и социалистическими идеями, не склонного к особой религиозности, отказавшегося от традиционного образа жизни сельского имама в пользу довольно маргинальной, но набирающей популярность литературной деятельности. Наконец, 29-летний талантливый молодой писатель ясно осознавал своего потенциального читателя и ориентировался на его вкусы, как в содержательном отношении, так и в плане подачи материала. Этим определяется полемический настрой данного сочинения. В повести есть и описание повседневной убогости уездной тюрьмы, и факты самоуправства тюремной администрации, и передача настроений оппозиционной татарской молодежи.

Собственно, религиозные аспекты тюремного заключения в этом произведении занимают не так уж много места. Особенно учитывая, что автор, по сути, был не состоявшимся сельским имамом. В то же время сокамерником автора оказался *имам-хатып и мударрис* г. Чистополя М.-Наджип Амирханов (1859–1921). В произведении он был выведен под именем «дамелла *Нэжип*». Считавшийся *джадидом* и прогрессистом, М.-Наджип Амирханов осенью 1906 г. был лишен официального статуса имама и заключен в чистопольскую тюрьму, где отсидел вплоть до 11 февраля 1907 г.³⁸ Если поначалу имам стойко сносил все тюремные невзгоды, то к концу тюремного заключения на почве переживаний за свою семью и малолетних детей у него не только пошатнулось здоровье, но и пропал сон. К тому же имам практически не знал русского языка, а потому был сильно ограничен в общении и испытывал беспомощность³⁹.

Религиозные переживания имама были описаны автором лишь при упоминании факта, что политическим заключенным-мусульманам было отказано в посещении праздничной молитвы в городской мечети. Этот отказ омрачил праздничный день (12 января 1907 г. мусульмане отмечали Курбан-байрам), который оба сокамерника Гаяза Исхаки – имам М.-Наджип Амирханов и Гариф Бадамшин (1865–1939)⁴⁰ – провели в молитвах, что не скажешь о самом авторе текста. Его скорее расстроило то обстоятельство, что оставшиеся на воле друзья и соратники позабыли поздравить его с праздником. Однако, комментируя этот случай, Гаяз Исхаки саркастически заметил, что царской бюрократии куда ближе и милее убийцы, воры и грабители, нежели сельский учитель, имам и бывший депутат, находившиеся среди 10 политических арестантов чистопольской тюрьмы⁴¹.

И еще один сюжет, связанный с проявлением религиозной позиции, касался некоего пожилого русского заключенного (белобородый дедушка, николаевский солдат), арестованного за агитацию среди крестьян «земли и воли». Показателен диалог этого дедушки с другим сокамерником. На фразу – «не переживай, старик, если попадешь в тюрьму, там есть церковь, будешь молиться каждый день» он ответил, что не видит себя в церкви, а считает своим долгом наставлять крестьян на борьбу за свою свободу и землю. Этот ответ вызвал у автора сочинения восхищение и невольное сравнение с «аксакалами» из числа татар-мусульман, которые лишь

³⁸ Интересно, что в середине 1890-х гг. мулла М.-Н. Амирханов сам исполнял обязанности тюремного имама. См.: *Шебалков С.В.* Уездные тюрьмы Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: организационное устройство и арестантский контингент // Научный Татарстан. 2014. № 3. С. 82. Буквально через десять лет, по иронии судьбы, мулла М.-Н. Амирханов сам оказался за решеткой. Неизвестно, оставил ли имам М.-Наджип Амирханов какое-либо письменное описание своего невольного опыта заключения. Вероятнее всего, нет. Поэтому свидетельства третьих лиц имеют особую ценность.

³⁹ *Исхакий Г.* Зиндан // Эсэрлэр. 15 томда. Казань, 1998. Т. 1. С. 318–319.

⁴⁰ Биографию депутата Государственной думы 1-го и 2-го созывов Мухаммед-Гарифа Бадамшина подробнее см.: *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. С. 300–302.

⁴¹ *Исхакий Г.* Зиндан... С. 306–307.

почивают на печи или же проводят все время в посиделках у ишанов соседних сел («лырт-лырт курише авыл ишанына хәтемгә йөрүен хәтеремә китереп, боларны чагыштырып карадым»), а также неизменно выступают против прогресса, против своей молодежи, тратя силы и средства на «дармоедов-ишанов» («*әрәмтамак ишаннар*»)⁴².

Очевидно, что такие пренебрежительные выражения в отношении духовных лиц и старшего поколения, незначительное внимание к религиозным вопросам (например, избирательной кампании в Думу 2-го созыва он уделяет гораздо больше времени и внимания) – все это отражает доминирующий среди молодой татарской интеллигенции дискурс, отнюдь не религиозный.

В целом, по мнению Гаяза Исхаки, тюрьма не так страшна, как видится извне «свободным людям». В сущности, заключение лишь проявляет и усиливает заложенные в человеке качества – склонные к воровству люди становятся профессиональными ворами и возвращаются к своим занятиям на второй день после освобождения; севшие за политические убеждения люди превращаются в профессиональных революционеров. Среди немногих «преимуществ» на фоне многочисленных недостатков пребывания в заключении было отмечено следующее: у творческого человека появляется побольше свободного времени для спокойного чтения и самообразования⁴³, а у юных «зеленых» шакирдов – возможность хорошо выучить русский язык в приближенной к реальности обстановке.

Интересно, что в автобиографическом произведении Гаяза Исхаки «Тюрьма» (1907) религиозный опыт и опыт религиозных переживаний самого автора не играл значительной роли. Однако в другом произведении татарского классика – художественной драме «Зулейха» (1912), ислам и религиозные проблемы занимают центральное место. Написанная еще в 1912 г. пьеса могла быть представлена широкой публике лишь в период политических свобод революционной эпохи: премьера ее состоялась в марте 1917 г. Более того, в атеистической Советской России она ставилась лишь до 1923 г., затем перейдя на какое-то время на эмигрантские подмостки. Главной фокус в произведении – на судьбе татарской женщины, испытавшей на себе за верность вере предков все превратности судьбы и тяжести царской каторги. Казалось бы, религиозная проблема является центральной, однако ее эффект был от того сильнее и действеннее, что тема веры была вписана в национальный дискурс, точнее даже прочно вплетена в доминирующий в то время дискурс национальной борьбы.

Сочинения Габдрашида Ибрагимова, Юсуфа Акчуры и Гаяза Исхаки, написанные в схожем жанре «автобиографии» («*тәрҗемә-и хал*») с элементами дневниково-воспоминания, опубликованные практически синхронно (1907) и вызвавшие живой интерес читающей публики, казалось бы, были посвящены схожим событиям – аресту и временному заключению. В то же время они отражают совершенно разное мировоззрение (по сути, преимущественно религиозное или же наоборот секулярное), а потому тюремный опыт мусульманина отрефлексирован и описан совершенно по-разному. Поколенческий разрыв проявился не только в контенте и доминирующих оценках, но и лексически.

⁴² Исхакий Г. Зиндан... С. 300–301.

⁴³ Свидетельством этого являются итоги пребывания в тюрьме «Кресты» А.-М.б. Топчибашева, который отбывал трехмесячный срок за подписание Выборгского воззвания. За время тюремного заключения бывший перводумец смог проработать и написать больше десяти текстов общим объемом более 60 листов, посвященных таким вопросам, как реформа народного образования, реорганизация духовных учреждений мусульман, вопрос об отдыхе торгово-промышленных служащих, а также заметки по различным вопросам. См.: Топчибашев А.М.б. Избранное: в 4 томах. Т. 2: Общественно-политическая деятельность. 1894–1918. Баку, 2015. С. 377–378.

Все приведенные здесь примеры литературных текстов с «тюремным подтекстом» относятся к персонам, которые имели большой литературный опыт и значительный интеллектуальный бекграунд. Г.-Р. Ибрагимов, Г. Баруди и Г. Исхаки – видные представители средств массовой информации, редактора-издатели разных татарских газет и журналов; Г. Исхаки – крупнейший татарский писатель, а Г.-Р. Ибрагимов – интереснейший мемуарист, обладающий чувством пера, литературными навыками и большими политическими амбициями. Наконец, Г.-Рашид Ибрагимов, Зайнулла Расулев, Мурад Рамзи и Галимджан Баруди были из числа татарских богословов первого порядка, оставивших значительное богословско-догматическое и религиозное публицистическое наследие. Если же обратиться к тюремному опыту «рядовых» имамов или «простых» верующих мусульман, то их голос в силу объективных обстоятельств практически недоступен. «Человек второго плана» зачастую вообще оставался в тени и забвении.

Отдельный кейс – история пребывания в местах заключения представителей так называемого «мусульманского сектантства», чье положение осложнялось не только конфликтом с властными структурами и элитами, но и противостоянием с большей частью этноконфессионального сообщества, к которому они принадлежали. Речь идет о представителях «Ваисовского Божьего полка староверов-мусульман», которые с 1880-х гг. и вплоть до конца имперского строя находились под постоянным давлением властей и регулярно оказывались в местах заключения (тюрьмах, психиатрической клинике⁴⁴, ссылке и на каторге). Очевидно, что субъективное восприятие тюремной действительности висовцами могло отличаться от картины мира как вполне «традиционного» мусульманина, так и вполне светского человека. Хотя собственно дневников, воспоминаний или автобиографий, принадлежащих перу ваисовцев, не сохранилось, тем не менее, комплекс косвенных свидетельств говорит, что в случае с ваисовцами «двойное противостояние», а также религиозно-эсхатологическое мировоззрение сказывались на тюремном опыте заключенных «сектантов», усиливая у них убежденность в собственной правоте, представления о жертвенности и обоснованности ниспосланного выше испытания⁴⁵. Однако эта тема выходит за рамки данной статьи в силу своей специфики и обширности.

Выводы

Подробный анализ трех кейсов и трех конкретных литературных текстов позволяет сделать некоторые сравнения и выводы как о положении заключенных-мусульман, так и об их восприятии своего тюремного опыта. Ни один из указанных текстов, так же как многочисленные свидетельства иного рода документов, не позволяют судить о сознательных репрессивных действиях тюремных властей в отношении иноверцев именно на религиозной почве. По-видимому, то обстоятельство, что несмотря на стремительную секуляризацию в начале XX столетия российского общества конфессиональный принцип оставался базовым в управленческой системе империи, а скрепляющая роль религии не ставилась правящей элитой и властными институтами под сомнение. Поэтому мы наблюдаем порой пренебрежение интересами и правами мусульман со стороны руководства пенитенциарной системы, но не можем утверждать о сознательной дискредитации на этой почве.

⁴⁴ Хотя формально психиатрические тюрьмы не входили в пенитенциарную систему страны, очевидно, что условия содержания, а главное предназначение психиатрических клиник и роль врачей-психиатров были сходны тюрьмам. Подробнее см.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁴⁵ Подобнее см.: Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009.

В данной статье раскрыт феномен восприятия тюремной действительности со стороны мусульман на основе ряда авторских текстов, имеющих ярко выраженное субъективистское начало. Недолгий и довольно необязательный опыт вынужденной изоляции молодого мусульманина наиболее подробно отрефлексирован в автобиографии Г.-Р. Ибрагимова («Тәржемә-и хәлем»). Неординарные личные качества, литературный талант, мобильность и высокая общественная ангажированность – все эти качества автора позволили создать интересный образец текста, в котором пребывание в заключении трактуется как «школа жизни» и нетривиальный способ познания российской действительности. Два других текста, принадлежащих перу политически ангажированных и инкорпорированных в общероссийский политический контекст молодых татарских интеллектуалов – Юсуфа Акчуры и Гаяза Исхаки – представляют иной опыт встречи с тюремной действительностью России. В их восприятии преобладает секулярность, политизированность и даже узкоклассовая ориентированность сознания молодого поколения российских мусульман. Для них религиозность перешла в область праздничного ритуала, связанного с двумя важнейшими исламскими праздниками, а в некоторых случаях лишь став частью общей культурно-национальной идентичности, но не оказывая сильного влияния на повседневные практики.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все три текста, хотя и описывают хронологически разные события, увидели свет в один год – 1907 г. Очевидно, что в условиях подъема общественной активности в период Первой русской революции и тюремный опыт мог быть успешно конвертирован в политический капитал. Поэтому субъективный взгляд автора на один из своих жизненных эпизодов облекался в завершенную литературную форму автобиографии, издавался значительным тиражом и выносился на суд публики с далеко идущими целями. Не случайно, что два из трех проанализированных текстов выполнены в форме дневника, однако со следами значительной литературной обработки, что отражает ориентированность авторов на определенную читательскую аудиторию.

Для современного же читателя эти тексты интересны не только тем, какое место в описании тюремной действительности занимает опыт религиозных переживаний, но и тем, насколько эти сочинения с ярко-выраженным субъективным взглядом отражают различный «уровень личностной, когнитивной и человеческой зрелости» автора.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 21.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2023

References

- Ahtyamova, A.V. “Politicheskaia deiatel'nost' Yu.Kh. Akchurina v gody Pervoi rossiiskoi revoliutsii [Yu.Kh. Akchurin's Political Activities during the First Russian Revolution].” *Simbirskii nauchnyi vestnik*, no. 1 (2016): 127–131 (in Russian).
- Äl-Iskhaqj, M.-G. *Zindan: möhärirnen tärjemä-i häle häm räseme berlä* [Prison: with a biography and a portrait of the author]. Kazan, 1907 (in Tatar).
- Barudi, G. *Hatirä däftäre* [Diaries]. *Kazan'*, no. 10-11 (1997): 71–89; no. 12 (1998): 118–158; no. 1 (1998): 21–48; no. 2 (1998): 66–86 (in Tatar).
- Barudi, G. *Hatirä däftäre: 1920 elnyn 12 iyunennän alyp sentyabr' akhyryna kadär* [Notebooks: from June 12 to the End of September 1920]. Kazan': TR FA Sh. Märjani isemendäge Tarih instituty Publ., 2017 (in Tatar).
- Barudi, G. *Hatirä däftäre: 1920 elnyn oktyabrennän alyp 1921 elnyn noyabrenä kadär* [Notebooks: from October to November 1920]. Kazan': TR FA Sh. Märjani isemendäge Tarih instituty Publ., 2018 (in Tatar).

- Beckford, James A., Gilliat, Sophie, and Gilliat-Ray, Sophie, ed. *Religion in Prison. Equal Rites in a Multifaith Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Efimova, E.S. *Sovremennaia tiur'ma: Byt, tradicii i fol'klor* [Modern Prison: Life, Traditions and Folklore]. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Esipov, V.V., ed. *Vologodskaja sylka (XIX – nachalo XX v.)* [Exiles in Vologda (XIX – beginning of the XX c.)]. Vologda: Izdatel'skii Dom Vologzhanin Publ., 2009 (in Russian).
- Farhshatov, M.N. *'Delo' sheikha Zainully Rasuleva (1872–1917). Vlast' i sufizm v poreformennoi Bashkirii. Sbornik dokumentov* [Case of Sheikh Zayulla Rasulev (1872-1917). Power and Sufism in post-reform Bashkiria. Collection of documents]. Ufa: IJJaL UNC RAN Publ., 2009 (in Russian).
- Filatova, N.M. “Podkhody k izucheniiu ego-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete ‘lingvisticheskogo povorota’ [Approaches to the Study of Ego-documents in Modern Historical Science in the Context of a ‘Linguistic Turn’].” In *Dokument i ‘dokumental'noe’ v slavianskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym. Sb. nauchnykh trudov*, 24–40. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999 (in Russian).
- Gajnetdinov, M., ed. *Jusyf Akchura: ädäbi, tarihi äsärlär häm mäkalälär jyentygy* [Yusuf Akchura: a Collection of Literary, Historical Works]. Kazan': Foliant Publ., 2011 (in Tatar).
- Gernet, M.N. *V tiur'me. Ocherki tiuremnoi psikhologii* [In Prison: Essays on Prison's Psychology]. Moscow: Pravo i zhizn' Publ., 1925 (in Russian).
- Gosmanov, M., and Galimullin, F., ed. *Gabderäshit Ibrahim: fänni-biografiya jyentyq* [Gabdrashit Ibragimov: Scientific and Biographical Collection]. Kazan': Jyen Publ., 2011 (in Tatar).
- Ibrahimov, G. *Tärjemä-i hälem* [Autobiography]. Kazan: Iman näshriyaty Publ., 2001 (in Tatar).
- Ibrahimov, G. *Tärjemä-i hälem yaki bashyma kilgännär* [Autobiography or Experienced]. St. Petersburg: [N.s.], 1907 (in Tatar).
- Iskhakyj, G. *Äsärlär* [Essays]. Kazan: Tatarstan kitap näshriyaty Publ., 1998–2014 (in Tatar).
- Iskhaqyj, G. “Zindan [Prison].” In *Äsärlär*. Vol. 1, 273–328. Kazan': Tatarstan kitap näshriyaty Publ., 1998 (in Tatar).
- Iskhaqyj, G. *Zindan: sajlanma proza häm sähnä äsärläre* [Prison: Selected Works and Drama]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1991 (in Tatar).
- Kangaspuro L.V. “Tiuremnaia etnopolitika i praktika v Rossiiskoi imperii posle Velikikh reform [Ethnopolitics and Practice in the Prison of the Russian Empire after Great Reforms].” *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, no. 4 (2019): 306–316 (in Russian).
- Khisamutdinova, L.S. “Obshchestvenno-politicheskie vzglyady tatarskogo prosvetatelya Galimdzhana Barudi [The Socio-political Views of the Tatar Enlightener Galimjan Barudi].” PhD diss., Kazan State University, 2004 (in Russian).
- Mihev, M.YU. *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst* [The Diaries of Russia of the XIX–XX centuries – a text or a pretext]. Moscow: [S.n.], 2006 (in Russian).
- Mubarakzyanova, A.Z. “Publicisticheskaja deiatel'nost' Gayaza Iskhaki: problemno-tematicheskii i zhanrovo-stilisticheskii aspekty [The Journalistic Activity of Gayaz Ishaki: Problem-Thematic and Genre-Stylistic Aspects].” PhD diss., Kazan Federal University, 2014 (in Russian).
- Polyakov, I.A., and Smirnova, M.A., “K istorii izucheniya russkoj memuarnoj literatury XVII–XVIII vv.: Problema sistematizacii [On the History of the Study of Russian Memoir Literature of XVII–XVIII centuries: the Problem of Systematization].” *Studia Litterarum* 6, no. 4 (2021): 400–445 (in Russian).
- Prijmak N.I., Valegina K.O. *Memuary, dnevniki, pis'ma kak istoricheskij istochnik: uchebnoe posobie* [Memoirs, Diaries, Letters as a Historical Source: Textbook]. St. Petersburg: Lema Publ., 2018 (in Russian).
- Shebalkov, S.V. “Uezdnye tiur'my Kazanskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.: organizatsionnoe ustroistvo i arestantskii kontingent [County Prisons of the Kazan Province at the End of the XIX – Early XX Centuries: Organizational Device and Prison Contingent].” *Nauchnyi Tatarstan*, no. 3 (2014): 79–88 (in Russian).
- Surzhikova, N.V., ed. *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* [History in Ego-document: Research and Sources]. Yekaterinburg: AsPUr Publ., 2014 (in Russian).
- Topchibashev, A.M.-b. *Obshchestvenno-politicheskaja deiatel'nost'. 1894–1918* [Socio-Political Activity. 1894–1918]. Vol. 2 of *Izbrannoe*. Baku: [S.n.], 2015 (in Russian).
- Topchibashev, A.M.-b. *Zhurnalistskaja deiatel'nost'. 1898–1914* [Journalistic activity]. Vol. 1 of *Izbrannoe*. Baku: [S.n.], 2014;

- Usmanova, D.M. “Murad Ramzi (1853–1934): biografiia islamskogo uchenogo v svete novykh svidetel'stv [Murad Ramsi (1853–1934): Biography of an Islamic Scientist in the Light of new Documents].” *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, no. 2 (2019): 93–114 (in Russian).
- Usmanova, D.M. “Politicheskaiia aktivnost' Yusufa Akchury v Rossiiskoi imperii (1904–1908): spetsifika rossiiskogo liberalizma [Political activity of Yusuf Akchura in the Russian Empire (1904–1908): Specifics of Russian liberalism].” *Simbirskii nauchnyi vestnik*, no. 1 (2016): 146–150 (in Russian).
- Usmanova, D.M. *Deputaty ot Kazanskoi gubernii v Gosudarstvennoi dume Rossii: 1906–1917* [Deputies from the Kazan Province in the State Duma of Russia: 1906–1917]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Usmanova, D.M. *Musul'manskii predstaviteli v rossiiskom parlamente. 1906–1916* [Muslim Representatives in the Russian Parliament. 1906–1916.]. Kazan': Fän Publ., 2005 (in Russian).
- Usmanova, D.M. *Musul'manskoe 'sektantstvo' v Rossiiskoi imperii: 'Vaisovskii Bozhii polk staroverov-musul'man.' 1862–1916 gg.* [The Muslim ‘Sectarianism’ in the Russian Empire: ‘The Vaisov God's Old Believers-Muslims’]. Kazan': Fän Publ., 2009 (in Russian).
- Usmanova, D.M., and Shebalkov, S.V. “Devianosto dnei odinochnogo zakliucheniia: tiuremnaia zhizn' pervodumtsev, osuzhdennykh za podpisanie Vyborgskogo vozzvaniia [Ninety Days of Solitary Imprisonment: Prison Life of the Patterns Convicted of Signing the Vyborg Appeal].” *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 159, bk. 4 (2017): 824–835 (in Russian).
- Yarkov, A. “Musul'mane v istorii Tobol'skoi tiur'my [Muslims in the History of the Tobolsk Prison].” *Musul'manskii mir*, no. 3 (2018): 15–18 (in Russian).
- Yusupov, M. *Galimdžan Barudi*. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2003 (in Russian).
- Zagidullin, I.K. *Musul'manskoe bogosluzhenie v uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii (Evropeiskaia chast' Rossii i Sibiri)* [Muslim Structures in Institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardžhani AN RT Publ., 2006 (in Russian).
- Zaretskiy, Yu.P., Karpenko, E.K., and Shushpanova, Z.V. *Avtobiograficheskie sochineniia v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Liudi, teksty, praktiki* [Autobiographical Writings in the Interdisciplinary Research Space: People, Texts, Practices]. Moscow: BIBLIO-GLOBUS Publ., 2017 (in Russian).
- Zaretskiy, Yu. “Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiia, metodologiya [Ego-documents of the Soviet Era: Terms, Historiography, Methodology].” *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (2021): 184–199 (in Russian).
- Zaretskiy, Yu.P. “Avtobiografiia [Autobiography].” In *Rossiiskaia istoricheskaia entsiklopediia*. Vol. 1, 104–110. Moscow: OLMA media grupp Publ., 2011 (in Russian).
- Zaretskiy, Yu.P. “Novye podkhody k izucheniiu svidetel'stv o sebe v evropeiskikh issledovaniiax poslednikh let [New approaches to the Study of Self-testimonies in European Research in the last years].” In *Avtor i biografiia, pis'mo i chtenie: Sb. dokladov mezhdisciplinarnogo issledovatel'skogo seminara Fakul'teta filosofii Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta – Vysshej shkoly ekonomiki*, 24–41. Moscow: VShE Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Диляра Миркасымовна Усманова, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России, Институт международных отношений Казанского федерального университета; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18; dusmanova2000@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1046-7945>

Diliara M. Usmanova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Institute of International Relations, Kazan Federal University; 18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia; dusmanova2000@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1046-7945>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-207-222>

EDN: IOQDPH

Научная статья / Research article

Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени Хабиба Зайни

Лилия Габдрафикова

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

Казанский научный центр Российской академии наук, Казань, Россия

 bahetem@mail.ru

Аннотация: Анализируются воспоминания и другие записи уроженца г. Троицка Оренбургской губернии, педагога Хабиба Зайни (1890–1967), переданные самим автором в 1967 г. в Научную библиотеку имени Н.И. Лобачевского Казанского университета, а также воспоминания, сохранившиеся в семейном архиве его потомков. В своих записях он пишет о родном городе Троицке и его жителях. «Семейные» и «публичные» мемуары отличались стилем изложения, в последнем варианте чаще применялись шаблонные выражения и известные имена. Данный корпус источников личного происхождения позволил выявить несколько доминант «дореволюционного мира» Хабиба Зайни: родственные связи, мусульманская община и родной город, столкновение традиций и новаций на рубеже XIX–XX вв. В эго-документах выделяется два пласта – мифологизированный мир 1870–1880-х гг. и мир детства 1890-х гг., объединенных местом действия и акторами. Создание такого текста было результатом особого воспитания, которое автор мемуаров получил в своей семье.

Ключевые слова: городские татары, повседневная жизнь татар, татарская культура, махалля, мусульманская субъективность

Благодарности и финансирование: Автор выражает благодарность редакторам журнала за внимательное отношение к рукописи и ценные замечания.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени Хабиба Зайни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 207–222. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-207-222>

Pre-revolutionary Childhood in the Texts of Habib Zaini, Tatar Teacher of the Soviet Era

Liliya Gabdrifikova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Russia

 bahetem@mail.ru

Abstract: They were representatives of the Tatar intelligentsia, born in the 1880–90s. The pre-revolutionary world with the unique urban everyday life of the early 20th century was already lost, but it occupied a central place in the Tatar memoirs of that period. Memoirs and other records of a native of the city of Troitsk, Orenburg province, teacher Habib Zaini (1890–1967) also continue this trend. In his notes, he wrote about his native city of Troitsk and its inhabitants. In the article, we analyze

the materials that the author donated to the Lobachevsky Scientific Library of Kazan University in 1967 and notebooks with memories from his family archive. “Family” and “public” memoirs differed in the style of presentation, in the second version the author used formulaic expressions and famous names more often. These ego-documents allowed us to identify several dominants of the “pre-revolutionary world” of Habib Zaini: family ties, the mahalla (Muslim community) and hometown, the clash of traditions and innovations at the turn of the 19–20th centuries. Ego-documents include two layers – the mythologized world of the 1870–80s and the childhood world of the hero of the 1890s, which are united by the place of action and actors. The author of the memoirs received a special education in his family, one of his results is the creation of such a text.

Keywords: urban Tatars, everyday life of Tatars, Tatar culture, mahalla, Muslim subjectivity

Acknowledgements and Funding: The author would like to thank the editors for their careful attention to the manuscript and valuable comments.

For citation: Gabrafiikova, Liliya. “Pre-revolutionary Childhood in the Texts of Habib Zaini, Tatar Teacher of the Soviet Era.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 207–222 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-207-222>

Введение

1960-е гг. для татарской культуры примечательны тем, что период оттепели совпал с подведением итогов условного «поколения Габдуллы Тукая» – представителей татарской интеллигенции, рожденных в 1880–1890-е гг. В это время уделялось большое внимание подготовке и публикации воспоминаний о знаменитых деятелях дореволюционной татарской культуры начала XX в. (Габдулле Тукае, Галиасгаре Камале и др.). Но эти сборники были ограничены редакционными требованиями, нацеленностью на позитивный портрет героя и т. д. Мемуары печатались и в татарском журнале «Совет эдэбияты» (с 1965 г. – «Казан утлары»)¹. Среди публикаций встречались и воспоминания, где автор писал о своем времени без привязки к определенной известной личности. Например, в 1960-е гг. были опубликованы мемуары журналиста Исмагила Рамиева (фрагменты печатались в журнале «Совет эдэбияты»), писателей Зарифа Башири и Сайфи Кудаша. Эти книги отличаются отражением разнообразных особенностей татарской повседневности². В опубликованных записках центральное место занимает дореволюционный мир с уникальной татарской городской культурой начала XX в.

Но за рамками данных публикаций остался целый пласт рукописей с воспоминаниями обычных людей, датируемых 1960-ми гг. Некоторые из них попали в музейно-архивные фонды, однако долгое время не вводились в научный оборот³. Другая часть рукописей остается в семейных архивах.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы через анализ образа дореволюционного детства, сложившегося в воспоминаниях педагога Хабиба Зайни, определить основные направления его повествования, пояснив причины данных доминант. Особое внимание к детству героя объясняется тем, что в его автобиографии этому периоду уделялось минимальное внимание. В текстах частного характера, в 1960-е гг., он, наоборот, представил любопытный образ своего детства, сына городского хальфы⁴. Для реализации поставленной цели необходимо также дать общую характеристику эго-документам Хабиба Зайни, выявить влияние советской татарской культуры на его мемуары.

¹ *Рэми И. Чэнэчкеле еллар утэ килгэндэ // Совет эдэбияты. 1960. № 8. Б. 94–111; Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Казан утлары. 1966. № 7. Б. 64–93.*

² *Рэмиев И. Истэлеклэр. Казан, 1965; Башири З. Замандашларым белэн очрашулар. Казан, 1968; Кудаш С. Незабываемые минуты. Воспоминания. М., 1964.*

³ *Габдрафиикова Л.Р. Забытая тетрадь татарского шакирда эпохи революции: 1909–1918 (воспоминания Шарифа Замилова) // Историческая этнология. 2017. Т. 2. № 2. С. 346–358.*

⁴ Хальфа – помощник мударриса, руководителя медресе, учитель.

Рукописи Хабиба Зайни можно разделить на «публичные» и «семейные». Первая группа сохранилась в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. Эти материалы (преимущественно на татарском языке) были переданы автором в научное учреждение в 1967 г. Основная часть коллекции – текст под названием «Башкортостан педагогия тарихының конспекты проекты» («Проект конспекта по истории педагогики в Башкортостане») 1964 г.⁵ Также в коллекции имеется записка фельетонного типа «Уфадагы Галия медрэсәсе турында чынбарлык» («Реальность об уфимском медресе «Галия») 1967 г.⁶, очерк об отце «Кешене хезмэт бизи» («Человека красит труд») 1966–1967 гг.⁷ и автобиография Хабиба Зайни 1966 г.⁸

Помимо «публичных» материалов четыре ученических тетради с воспоминаниями Хабиба Зайни на татарском языке сохранились в семье его потомков. Они датируются 1961–1965 гг. Одна из тетрадей имеет заголовок «Мои спасения от смерти» и объединяет экстремальные события из жизни автора⁹. Остальные три тетради обозначены заголовком «Оставшееся в памяти от услышанного, увиденного, познанного»¹⁰. В целом в «публичных» и «семейных» рукописях есть определенные схожие моменты.

Вместе с тем в «публичном» варианте имеются шаблонные подводки к основному повествованию, например, упоминаются важные для советской татарской культуры имена: Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Мажит Гафури, Мифтахетдин Акумулла. В очерке «Человека красит труд» автор пишет о встрече отца с Г. Тукаем в Троицке в 1913 г., при этом никаких подробностей данной беседы не сообщает¹¹. Показательно, что в семейных записях нет упоминаний о встрече с татарским поэтом. И в автобиографии, и в очерке о медресе «Галия» Хабиб Зайни приводит имена Г. Ибрагимова и М. Гафури, указывая, что литераторы тоже были связаны с данным уфимским медресе. Он подчеркивает также свое родство с «великим писателем Галимджаном Ибрагимовым»¹². В очерке он сообщает об учебе Халилия Зайни в одном медресе с отцом Г. Ибрагимова, и об их дружбе. Вероятно, указанное в автобиографии «родство» с писателем базировалось на этом факте. К слову, в 1964 г. в журнале «Совет эдэбияты» был опубликован текст с воспоминаниями Хабиба Зайни о Галимджане Ибрагимове¹³.

Но в его «семейных» тетрадях нет такого внимания к известным персонам. Судя по всему, в публичном пространстве имена дореволюционных деятелей татарской культуры, объединенных в советское время «демократическими» взглядами, служили для автора мемуаров некими гарантом, «охранной грамотой» собственных образов прошлого.

В исторической литературе сведения о Хабибе Зайни появляются с 2000-х гг.¹⁴ Его материалы о дореволюционном образовании были использованы в работах по

⁵ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (далее – ОРК НБЛ). 2390 т. I. 69 л.

⁶ ОРК НБЛ. 2390 т., II. 11 л.

⁷ Там же. III. 45 л.

⁸ Там же. IV. 7 л.

⁹ Зайни Х. Рукопись воспоминаний «Үлемдән калуларым» // Из личного архива И.Б. Зайни.

¹⁰ Зайни Х. Рукопись воспоминаний «Ишеткән, күргән, белгәннәрдән истә калганнар». Ч. 1–3 // Из личного архива И.Б. Зайни.

¹¹ ОРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 44.

¹² Там же. IV. Л.2.

¹³ Там же. II. Л.2.

¹⁴ Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк, 2002. С. 109–113; Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Нижний Новгород, 2009. С. 115;

истории татарских медресе¹⁵. Кроме того, были опубликованы фрагменты «Проекта конспекта по истории педагогики в Башкортостане»¹⁶. Сравнение всех биографических справок и упоминаний о Х. Зайни показывает, что они базируются на его автобиографии 1966 г.¹⁷ Данная публикация поможет взглянуть на его жизнь под другим углом и расширит знания о мире татарского ребенка 1890-х гг.

Биография Хабиба Зайни

Кем же был Хабиб Зайни¹⁸? Это имя он взял официально во второй половине 1920-х гг. Подобные имена были характерны для дореволюционной татарской письменной культуры (например, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри и т. д.). Данную традицию в советской татарской культуре продолжили многие литераторы (реже художники, например Баки Урманче), взявшие такие псевдонимы, что объединяло их и с дореволюционной книжностью, и с татарскими писателями в эмиграции. Судя по всему, для Хабиба Зайни было важно сохранить эту целостность и такое представление себя не случайно: он родился в Троицке в 1890 г. в семье учителя медресе¹⁹, сформировался под влиянием татарской дореволюционной письменной культуры, а позднее и сам стал ее субъектом.

Хабиб Зайни сочетал в себе все прогрессивные тенденции начала XX в.: помимо учебы в медресе, окончил Троицкое русско-татарское училище, получил также аттестат зрелости местной мужской гимназии. Учился некоторое время в уфимском медресе «Галия», в 1908 г. уехал в Стамбул для получения университетского образования. Это стало возможно благодаря финансовой поддержке Троицкого общества приказчиков. В столице Османской империи Хабиб Зайни изучал естественные науки – географию, биологию в Дарельмугаллиме (аналоге учительского института). 1908–1911 гг. он провел в Стамбуле, где совмещал учебу с работой наборщика в местной типографии. Вернувшись в Россию, начал преподавать в медресе «Галия». Он вел не только географию, но и физкультуру, и даже татарский язык²⁰. В 1911–1913 гг. Хабиб Зайни опубликовал в татарских журналах «Шура», «Мәктәп» ряд статей учебно-методического характера²¹.

В годы Первой мировой войны молодого преподавателя зачислили в военное училище, на фронте он стал начальником заставы 3-го полка 3-й армии. Армейская жизнь Хабиба Зайни была насыщенной: председательствовал в солдатском комитете, редактировал фронтовую газету «Голос 3-й армии». Интересным моментом его биографии является участие в «Миллэт Меджлисе» («Национальном парламенте») в Уфе осенью 1917 г., куда его направили делегатом от 3-й армии. В автобиографии он старался не акцентировать внимание на своем участии в этом собрании.

Татар педагогик фикере антологиясе. Казан, 2016. Т. 2. Б. 149; *Мортазина Л.Р.* Хәбиб Зәйни хезмәтләрендә татар мәгарифе мәсьәләләре // Гасырлар авазы. 2020. № 1. Б. 146–158.

¹⁵ *Гибатдинов М.М.* Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань, 2003. С. 6.

¹⁶ *Мортазина Л.Р.* Күрс. хезм.

¹⁷ ОРПК НБЛ. 2390 т. IV. 7 л.

¹⁸ Сначала его фамилия была Зайнутдинов (в некоторых документах ошибочно указывалось Зайнуллин, – например, в списке делегатов «Миллэт Меджлиси» в 1917 г. См.: Энциклопедия «Tatarica». URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/millet-medzhlisi> (дата обращения: 2023).

¹⁹ Халиль-хальфа, Халиль Зайни или Халиль Зайнутдинов (1853–1932), уроженец деревни Верхние Леканды Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии (совр. Аургазинский район РБ) Оренбургской губернии.

²⁰ ОРПК НБЛ. 2390 т. IV. Л. 1–2.

²¹ Татар педагогик фикере антологиясе. Т. 2. Казан: Татар. китап нәшр., 2016. Б. 149.

В первые годы советской власти Хабиб Зайни жил в Уфе и Троицке, работал в системе народного образования (был учителем и директором татарской школы, заведовал школой-интернатом, Троицким областным татарским педтехникумом). С 1925 г. Хабиб Зайни переехал в Москву, где трудился инспектором-методистом Отдела по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса, преподавателем в Коммунистическом университете народов Востока. В этот период им были написаны учебные пособия для школ на татарском языке²².

В 1934–1937 гг. Хабиб Зайни возглавлял географический факультет Уфимского педагогического института (современный Башкирский государственный университет), став его первым деканом. Аресту в 1938 г. предшествовал короткий среднеазиатский период жизни педагога (он работал в педагогических институтах Ферганы и Андижана). Хабиб Зайни был обвинен и осужден по ст. 58 на семь лет, которые он провел на Колыме. В Уфу он вернулся после реабилитации в 1957 г., умер в том же городе в 1967 г.²³ Почти все десять последних лет своей жизни Хабиб Зайни посвятил реконструкции образов своего прошлого в текстах.

Главный герой Хабиба Зайни

Хабиб Зайни рос в нестандартной городской татарской семье. Во-первых, в отличие от большинства семей того времени она состояла только из родителей и детей, у маленького Хабиба не было рядом ни дедушек, ни бабушек. Во-вторых, мальчик много времени проводил в мастерской своего отца, слушая его рассказы. В 1960-е гг. он пишет:

Если бы тогда все записывали, из его рассказов вышло бы много полезного для иллюстрации той эпохи²⁴.

При этом долгие разговоры с родителями без очевидной практической необходимости, тем более с отцом, были нечастым явлением в дореволюционных татарских семьях. Общественный деятель Юсуф Акчура рассуждал в начале XX в.:

До сегодняшней поры невозможно было увидеть отца, который взяв ребенка своего за руку, повел бы его по полям, по лесам, по улицам, магазинам, музеям <...> и другим местам, и рассказывал бы обо всем увиденном, стараясь расширить знания своего чада. Нет, это явление не из татарского мира, более того, татарские отцы никогда даже не задумывались об этом!²⁵

Спустя несколько десятилетий ситуация в образованных семьях немного изменилась, необходимость другого подхода в воспитании осознали даже сами дети. Гимназистка Фатима Кашафутдинова, дочь бугульминского фельдшера, в начале 1918 г. писала на страницах своего дневника:

Как же мог воспитать меня и моих братьев папа, получивший хотя небольшое образование, неужели он не думал совершенно о цели образования и воспитания и тем дело завершил, что выкормил, вырастил нас до известного возраста, отдал в учебные заведения и успокоился, не заботясь о нашем нравственном воспитании²⁶.

---

²² Зайни Х., Исхаков Ф. Крестьян элифбасы. Мәскәү, 1928; Зайни Х., Әхмәдов Ф. Савит мәктәбе: шәһәр һәм эшче төбәк мәктәпләренен өченче елы өчен китаб. Мәскәү, 1928; Зайни Х. Мәктәп эшләрен тормыш белән бәйләү юллары. Мәскәү, 1929.

²³ Ислам на Урале. М.-Нижний Новгород, 2009. С. 115.

²⁴ ОРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 12.

²⁵ Цит. по: Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань, 2015. С. 322–323.

²⁶ Там же.

Хабиб Зайни получил другое воспитание, был окружен отцовским вниманием. Возможно, эта практика в семье Зайни связана и с тем, что Халиль-хальфа вступил в брак в зрелом возрасте, поэтому при воспитании своих детей применял и накопленный в медресе педагогический опыт. Он много разговаривал с детьми, учил их чему-то (шить, ухаживать за животными и т. д.), и даже играл с ними в настольные игры (шахматы, домино)²⁷. Поэтому самым важным образом дореволюционного прошлого Хабиба Зайни была фигура его отца Халиля Зайни. Ему он посвятил большой очерк о пореформенном времени.

Отца он представляет как Халиля-хальфу, учителя в медресе Джамалетдина Субханкулова (1817–1892) в Троицке. Кстати, упоминание о Халиле-хальфе Зайни как об ученике Джамала-хазрата можно найти и в третьем томе свода «Асар» Риззатдина Фахреддина (рукопись была подготовлена им к 1911 г.). Еще одно упоминание о нем как о Халилулле эфенди ибн Зайнеддин аль-Лекенды есть в эпизоде о Тимербек-хазрате из Стерлитамакского уезда. Очевидно, автор «Асара» и Халиль Зайни были знакомы, так как Р. Фахреддин ссылается на письмо от него²⁸.

Но Халиль Зайни занимался не только педагогической деятельностью. Он работал в Троицке помощником портного, занимался починкой часов, ремонтом швейных машинок, ювелирных украшений. Таким образом, для своего времени это был неординарный татарин-мусульманин. Однако для татарской книжной культуры рубежа XIX–XX вв. и ее носителей была важна именно учительская работа Халиля Зайни в медресе. По словам его сына, он опубликовал также и несколько брошюр о Коране и правилах его чтения²⁹. Некоторое упоминание о Халиле-хальфе, в том числе его фотографию, мы находим и в краеведческой книге о Троицке³⁰.

Любопытна надпись на могильном камне Халиля Зайни, сохранившемся на Троицком мусульманском кладбище. Она отличается тем, что в ней дается развернутая информация об умершем, хотя такая практика не характерна для мусульманских эпитафий (тем более в 1920–1930-е гг.). В надписи на татарском языке арабской графикой говорится:

Халиль Зайни родился в 1853 году в деревне Верхние Леканды Стерлитамакского уезда, остался сиротой в 8 лет, учился в ближайших мектебах, особенно в деревне Куганакбаш в медресе Тимербека Максуди, в 1880-м году приехал в Троицк, отучился в медресе Джамалетдина Субханкулыя при 6-й мечети, изучил полностью Коран, получил право на преподавание, занимался религиозным обучением и воспитанием, портняжным промыслом и починкой часов. Умер 8 октября 1932 года в возрасте 81 года³¹.

Эпитафия была изготовлена еще при жизни Халиля Зайни. Он оставил на камне свободным лишь место для будущей даты собственной смерти³².

В тексте 1960-х гг. Хабиб Зайни в целом передает ту же сюжетную линию: жизненный путь от деревенского мальчика-сироты до уважаемого хальфы и ремесленника. К этим фактам прибавляется идея о незаурядной личности и мастере своего дела, которым двигало стремление к знаниям, трудолюбие и независимый характер. Характеристика Халиля Зайни как мастера своего дела созвучна с фрагментом мемуаров Исмагила Рамиева, где он знакомил читателей с казанским мастером музы-

²⁷ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 43–44.

²⁸ *Фахреддин Р. Асар*. Казан, 2010. Т. 3–4. С. 215.

²⁹ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 41.

³⁰ *Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р.* Историю оставить народу своему. Троицк, 2002. С. 78.

³¹ *Усманов В.М.* Исторические памятники. 5-я книга. Мусульманские эпитафии, г Троицк. Стерлитамак, 2013. С. 274–276.

³² ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 45.

кальных механизмов Гилязетдином Сайфуллиным (1873–1946), жителем Ново-Татарской слободы³³.

В детстве Хабиба Зайни рассказы отца о себе и своем окружении, судя по всему, выполняли важную воспитательную функцию – они имели мифологизированную стилистику с ярко выраженными положительными и отрицательными персонажами, длинной дорогой к далекой цели. Безусловно, главный герой Халиль-хальфа преодолевает все трудности этого пути. Согласно его нарративу, рано оставшись сиротой, Халиль лишился наследства, так как имущество отобрал родной дядя Ахметджан. В рассказе он наделен чертами отрицательного персонажа, при этом его супруга всячески заботилась о мальчике-сироте. Но подросток сбегает из дома дяди-опекуна и попадает к разным добрым людям и с их помощью открывает для себя новые знания и навыки. Его учителями были Тимербек-хазрат³⁴ из Куганакбашского медресе и один кузнец из той же деревни. Родной дядя неоднократно пытался вернуть беглеца домой, но Халиль остался в медресе и прожил в Куганакбаше до 26 лет. В доме хазрата он выполнял самые разные поручения: работал кучером, помощником кузнеца. Но эта деятельность, по его мнению, принципиально отличалась от работы в доме дяди. В его рассказах Тимербек-хазрат предстает мудрым наставником, который руководствовался интересами самого шакирда. Приехав в Троицк, шакирд Халиль продолжал изучать не только религиозные книги в медресе Джамала-хазрата, он осваивает новые навыки (работает подмастерьем у портного, часовщика). Впоследствии основным источником доходов Халиля Зайни стала починка разных предметов. Кстати, и кузнец из Куганакбаша, и портной из Троицка были согласны выдать дочерей замуж за молодого помощника, но у Халиля был свой путь.

История женитьбы отца Хабиба Зайни тоже была необычной. Согласно татарским традициям конца XIX в. жених и невеста не могли видеть друг друга до женитьбы, однако Халиль-хальфа решил посмотреть на будущую жену заранее. Для этого он приходил в гости к родственникам невесты, переодевался нищим, наблюдал за двором будущего тестя из театрального бинокля с минарета ближайшей мечети. Однако ему так и не удалось увидеть супругу заранее. Таким образом Халиль-хальфа остался в системе традиционных ценностей, но из его уст звучит критика этого обычая, и он демонстрирует сыну независимость поведения³⁵.

Халиль Зайни был типичным шакирдом старого татарского медресе, где обучение продолжалось десятилетиями. В итоге выпускники достигали 30–40-летнего возраста, а граница между старшим учеником и учителем была очень размытой. Так и Халиль Зайни покинул Куганакбашское медресе в 26-летнем возрасте, а медресе в Троицке – ближе к 40 годам. И в первом, и во втором медресе уход был связан со смертью руководителя учебного заведения.

В 1888 г. Халиль-хальфа женился на дочери троицкого муллы Шарафа – Джамиле. Возможно, у него были планы стать имамом вместо наставника Джамала-хазрата. По крайней мере, в очерке есть намек на это³⁶. Но имамом 4-й махалли г. Троицка весной 1892 г. пригласили сначала казанского муллу Габдуллу Апанаева,

³³ Рэми И. Чэнечкеле еллар утэ килгэндэ // Совет эдэбияты. 1960. № 8. С. 94–95.

³⁴ Тимербек Максуди (1787–1877) служил имамом в д. Куганакбаш Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. Был учеником А. Курсави. Информация об этом мулле в своде «Асар» дополнена сведениями от Халиля Зайни, их Фахреддин взял из его письма. Х. Зайни охарактеризовал учителя как скромного человека с сильным характером, ученого, знатока Корана, сохранившего способность к правильным рассуждениям до преклонного возраста, внимательного к процессу обучения и воспитания своих шакирдов (Р. Фахреддин. Асар. Т. 3–4. Казань, 2010. С. 97).

³⁵ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 31–34.

³⁶ Там же. Л. 30.

после его отказа троичане избрали имамом Хужажана Яруллина, другого ученика Джамалетдина Субханкулова. В отличие от Халиля Зайни, он происходил из семьи известного религиозного деятеля – муллы Джаруллы из д. Сатышево Мамадышского уезда Казанской губернии³⁷. Халиль-хальфа был вынужден оставить служение в медресе и сконцентрировался на ремесленной работе. «Отец остался как капитан без корабля, начал чинить часы и ведра», – писал Хабиб Зайни об этом. Он объяснял это интригами вокруг духовного наследия покойного Джамал-хазрата и переходом шакирдов в другие медресе³⁸.

Автор мемуаров всячески подчеркивал нежелание отца занимать должность муллы, его связь только с педагогической деятельностью в конфессиональной школе. Например, по его словам, Халиля Зайни приглашали служить имамом в мусульманские приходы Кустаная, Уфы, но он не принял эти предложения³⁹. Если кустанайская мечеть открылась в 1897 г., то Хакимовская мечеть в Уфе (4-я соборная) – в 1908 г. В целом Хабиб Зайни создает независимый образ отца, человека труда. Его стремление жить своим ремеслом и желание держаться в стороне от влиятельных покровителей особенно подробно расписано в эпизоде с купцами Яушевыми. Предприниматели, они же попечители медресе «Мухаммадия», предложили Халилю-хальфе работу преподавателя, он согласился. Интересно, что в «семейных» записях его уговаривали шакирды, а в очерке к нему приходит уже один из братьев Шариф Яушев⁴⁰. Помимо оплаты труда и других расходов купцы организовали квартиру для семьи Халиля Зайни. Этот переезд запомнился уже и маленькому Хабибу, поэтому в «семейных» записях он расписан детально⁴¹.

Если последние записи, в которые вплетены два нарратива – судьба отца Халиля Зайни и воспоминания самого Хабиба Зайни, выглядят немного хаотичными, то «публичный» очерк выполнен в определенном жанре и в соответствии с советскими приемами реконструкции прошлого. Кроме упомянутого выше стремления к независимости, отказа от религиозной службы, ориентированности на жизнь ремесленника, в очерке демонстрируются симпатии социально-демократическим идеям Халиля Зайни, вызванные общением с бывшими учениками Камалом Габитовым и Габдуллой Гисмати и проявившееся еще в 1905 г.⁴² В тексте практически отсутствует информация о советском периоде жизни главного героя.

В отличие от отца, своей матери – Джамиле – Хабиб Зайни уделил в тексте гораздо меньше внимания. Хотя она присутствует в воспоминаниях автора, но только в связи с описанием некоторых сюжетов из повседневной жизни (ухаживает за младенцем, готовит еду, стирает вещи и т. д.). Иногда Халиль-хальфа советуется с супругой (например, соглашаться ли на предложение Яушевых). Как и супруг, Джамиле была почти сиротой, росла с мачехой. По словам сына, она была для своего времени образованной женщиной: в девичестве тайком брала уроки у одной абыстай, потом ее учил Халиль-хальфа. Она читала на татарском языке, а вот научиться писать у нее так и не получилось, хотя ее пытался учить даже собственный сын Хабиб. Как и большинство татарских девочек XIX в., Джамиле осталась без этого навыка.

³⁷ Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVII – начало XX в.). М., 2011. С. 46–47.

³⁸ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 3. Л. 1.

³⁹ ОРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 36–37.

⁴⁰ Там же. Л. 38.

⁴¹ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 3. Л. 8–13.

⁴² Габдулла Гисмати (Гисматуллин) (1883–1938) – журналист, советский деятель.

Троицк глазами Хабиба Зайни

География «дореволюционного мира» Хабиба Зайни связана с Оренбургской губернией и, главным образом, с уездным центром Троицком. Автор смотрит на родной город не только своими, но и глазами отца. «Большие дома, каменные мечети, большие лавки поначалу показались мне очень огромными», – передает он слова Халилия Зайни⁴³.

В Троицк Халиль-хальфа приехал в летнее время 1879 г. Тогда еще город был важным центром русско-азиатской торговли с Меновым двором⁴⁴. Он попал на знаменитое торжище, причем Троицкую ярмарку называл совершенно по-другому, по-татарски – Кизма ярминкэсе. В «семейных» записках в описании «Кизма» также переплетаются воспоминания отца и собственные впечатления автора о раннем детстве. Для маленького Хабиба ярмарка – это праздник, где отец угощает его сухофруктами, нутом, кумысом. Особо на ярмарке ему запомнился сокол для охоты, которого он хотел его взять себе, но отец купил несколько баранов, так как они стоили намного дешевле. В ярмарочное время в предместье Троицка пригонялись из степи большие стада домашних животных (лошадей, овец, верблюдов, коров). Эта картина сохранилась в памяти автора вместе с запахами мяса из казанов, томящегося плова и мантов – приезжие торговцы жили недалеко от Менового двора⁴⁵.

В очерке информация более выдержанная. Автор также подробно перечисляет ассортимент ярмарки, подчеркивает, что мероприятие давало возможность для подработки местного населения. Так Халилю Зайни удалось устроиться на время помощником к одному узбекскому⁴⁶ торговцу. Здесь же он знакомится с местным портным и становится его подмастерьем уже после окончания ярмарки⁴⁷. Кроме того, в «семейной» тетради есть эпизод о дяде Хабиба (Жэлти абзый) – мастере, изготавливавшим на ярмарке намогильные памятники для приезжих казахов.

Если в очерке упоминается лишь двухэтажный дом на берегу реки Уй – бывшая контора Менового двора и таможенной пошлины, то в «семейной» тетради памятник связан с конкретным человеком: сообщается, что до последнего времени они называли строение «домом таможенного Мухаммеджана»⁴⁸.

В списке работ Хабиба Зайни есть методическое пособие «Краеведение в школе»⁴⁹. Возможно, он планировал написать отдельный краеведческий очерк и о дореволюционном Троицке. В «семейных» тетрадях много места отведено описанию города, при этом в центре внимания – мечети и церкви. Этот подход отражает дореволюционную картину мира, где храмы выступали основными доминантами города, центрами общественной жизни. Он пишет:

В Троицке было 7 мечетей, 5 церквей, 1 молитвенный дом, несколько книжных магазинов, отдельная для русских, отдельная для татар библиотека, один летний, один зимний клуб⁵⁰.

⁴³ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 1. Л. 9.

⁴⁴ Меновой двор в Троицке – место для введения приграничной торговли при Троицкой крепости, действовал со второй половины XVIII в. Таможня функционировала с 1745 г. В начале XIX в. деревянные постройки были заменены на каменные: Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX вв. Стерлитамак, 1999. С. 96.

⁴⁵ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 3. Л. 1–6.

⁴⁶ Интересно, что этнические обозначения упоминаемых в воспоминаниях лиц даны исключительно по советскому образцу: узбеки, туркмены, казахи и т. д.

⁴⁷ ОРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 14–17.

⁴⁸ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 3. Л. 5.

⁴⁹ ОРК НБЛ. 2390 т. IV. Л. 6.

⁵⁰ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 9.

Конечно, больше всего сведений у него о мусульманских общинах Троицка. Хабиб Зайни применял привычные для местного населения названия – мечеть «верхней махалли» или Яушевская, «средней махалли» или Бакировых, «нижней махалли», «базарной махалли». Почти с каждой общиной у автора была своя связь: в «нижней» мечети служил имамом его дед (отец матери); в базарной махалле они жил в детстве; в «верхнюю» махаллю переехали, когда отец начал работать в медресе Яушевых. Его рассказ пестрит описаниями архитектуры мечетей и медресе, а где-то их интерьеров. Конечно, это не только детские впечатления, а уже более зрелый взгляд взрослого человека. Например, он пишет, что в базарной мечети было место для женщин, о котором позаботились реформаторы («иттифакчылар»). Но в России мусульманки начали посещать мечети лишь после февраля 1917 г. Каждая махалля в Троицке имела свою специфику, в зависимости от жителей и местоположения. При этом Хабиб Зайни описывал практически исчезнувший город. «И эта улетела», как писал он о судьбе очередной мечети после революции⁵¹.

В мемуарах указаны и другие потери города: подчеркивается, что «эти черные пятна» (отдельные строения и места. – Л.Г.) сохранялись лишь до Октябрьской революции. Например, в детстве Хабиб Зайни гулял возле Царских ворот. Эта постройка появилась в Троицке в честь приезда будущего императора Николая II в 1891 г. В свой рассказ автор включил и эпизод о встрече горожанами царского наследника («их научили кричать „Ура!“»), его мать пошла туда вместе с младенцем Хабибом на руках. Интересно, что он ничего не пишет об участии отца в городском мероприятии. Автор связал с этим визитом и другие достопримечательности Троицка – церковь Александра Невского и памятник Александру II в городском саду, хотя они появились раньше, в 1880-е гг. В памяти Хабиба отложилось, что сад с памятником с тех пор называли царским⁵². Впрочем, сквер около памятника, действительно, был устроен Троицкой городской управой в 1889 г. специально перед визитом цесаревича⁵³.

Выросший в поликонфессиональном уездном городе, Хабиб Зайни в своих мемуарах демонстрировал толерантное отношение к объектам православного культа. «Пусть не обижаются, перечислим и их», – замечает он. Церкви и старообрядческий молитвенный дом были частью городской среды его детства. Для этих храмов у местных татар были свои названия: например, собор называли «церковь у воды». Монастырская церковь находилась по пути на Мусульманское кладбище (автор называет его «Татар зираты»). В женский монастырь маленький Хабиб ходил еще вместе с взрослыми, там они заказывали у мастериц одеяла и шали⁵⁴.

Весьма подробно Хабиб Зайни перечислил основных предпринимателей Троицка и род их деятельности, при этом он выделял татарских и русских купцов. Так, последних он называл по фамилиям – например, старообрядец Осипов («попечитель молитвенного дома, приюта для стариков»), Сенокосов («второй этаж его дома татары использовали для своих собраний во время городских выборов»), городской голова Кузнецов («самый прогрессивный купец», «провел электричество в Троицке», «первым купил автомобиль»), Матвеев («владелец кинотеатра»), немец Зуккер («угощал народ хорошим пивом»). В то же время татарские купцы где-то даны с фамилиями (Яушевы, Бакировы, Валеевы, Ахмедовы), а где-то – просто с именами или именами с прозвищами: Мамся Мухаммедгали, Гата мишар, бистэ Хабибулла, кара Вали, бозау Гали. Такой подход объясняется тем, что если в первом случае автор

⁵¹ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 19.

⁵² Там же. Л. 23–24.

⁵³ Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века). Оренбург, 2006. С. 201.

⁵⁴ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 19–20.

находился за рамками русского купеческого мира, то татарские торговцы являлись частью его повседневности, они проживали в одной махалле и были гораздо понятнее ему. Хабиб Зайни пояснял их происхождение:

Многие из-за них приехали в Троицк из стороны Казани, Уфы в простой рубахе и штанах, в лаптях в поисках счастья, нанимались мальчиками к купцам, а потом постепенно разбогатели и сами.

В качестве примера быстрого успеха он привел жизнь купца Гали Уразаева, который сделал себе капитал на торговле шерстью⁵⁵.

Пыльные улицы Троицка запомнились автору еще татарскими песнями маленьких водовозов. Это были недавно приехавшие «из Казани» бедные мальчишки, которые зарабатывали себе на жизнь нелегким промыслом, развозили воду по домам состоятельных горожан. По мнению Х. Зайни, водовозы скучали по своим деревням и поэтому постоянно что-то напевали. «Это придавало особую красоту улицам Троицка», – вспоминал он⁵⁶.

Помимо основной сюжетной линии о трудностях роста Халиля-хальфы и детских годах самого автора рассказы дополнялись небольшими зарисовками о некоторых жителях Троицка. Местами они имели анекдотический характер и напоминали популярный жанр татарского фольклора – мэзэклэр (юморески). Это эпизоды о старике Исхаке (Исхак бэбэи), о торговце Сабире (жөгерек Сабир). В некоторых местах мемуаров, наоборот, угадывается влияние татарской художественной литературы начала XX в. Так, трагическая история молодой женщины по имени Хадичабика, дочери купца Абдуллы Яшueva, воспринимается как сюжет из повестей Гаяза Исхаки. Подтверждается это и небольшим замечанием в очерке об отце, где говорится об «описанном в отдельном романе трагедии»⁵⁷. Конечно, всех этих людей Хабиб Зайни оценивал еще глазами своих родителей, рассказы о них стали для него своеобразными городскими легендами.

Традиции и новации

Тексты Хабиба Зайни охватывают период с конца 1860-х гг. до 1910-х гг., время серьезных изменений, модернизации повседневной жизни. Например, описывая молодость отца, он пишет об эпохе 1880-е гг., когда «еще были сильны муллы», то есть религиозные служители оказывали серьезное влияние на поведение членов общины. Некоторые из них были противниками изменений. Показателен эпизод с керосиновой лампой в медресе Джамала-хазрата Субханкулова. Халиль-хальфа покупает для себя новое устройство, но его духовный наставник для освещения разрешал использовать только свечи. Шакирдам пришлось подчиниться воле хазрата⁵⁸.

Халиль Зайни, конечно, интересовался техническими новшествами. Например, только история его женитьбы, с применением театрального бинокля, говорит о многом. Кроме того, он ремонтировал и разные механизмы. До него в Троицке не было таких мастеров из татар. Вообще слесарный промысел не получил особое распространение среди татар⁵⁹. Не боялся он и фотографироваться. Не случайно в очерк о нем сын добавил отдельный эпизод, где он рассуждал о фотографировании в позитивном ключе. Клиент-мусульманин спрашивал у него: почему он держит свой фотоснимок (1896 г.)

⁵⁵ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 7–8.

⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁵⁷ ОРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 39.

⁵⁸ Там же. Л. 22–23.

⁵⁹ Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1998. С. 64.

открытым, «отпугивая ангелов»?⁶⁰ Для мусульман это был актуальный вопрос, который обсуждался на страницах татарской прессы тех лет⁶¹.

Халиль-хальфа демонстрировал характерную для людей своей эпохи двойственность поведения. Появившиеся в его быту новые предметы и привычки соседствовали с традиционным укладом и воззрениями. Например, в начале 1890-х гг. он был пациентом троицкого врача. Однако после неутешительного врачебного вердикта о младенце Хабибе, сводившегося к тому, что «болезнь не лечится», Халиль-хальфа вместе с супругой отнес его на кладбище. По совету бабок-знахарок они провели ритуал погребения живого ребенка для «лечения» его от эпилептических припадков. Этот эпизод Хабиб Зайни включил в отдельную тетрадь воспоминаний под названием «Мои спасения от смерти». По его словам, детский недуг больше никогда не беспокоил его⁶².

В домашнем быту семья Халиля Зайни в 1890-е гг. еще сохраняла традиционные черты. Он писал:

Тогда не было мебели, вроде кровати, стола, стула. Родители стелили на полу перину. Нас укладывали на перину чуть тоньше, рядом с собой. Ели и пили чай на полу, постелив скатерть и специальные одеяла («табаклык юрганнары»)⁶³.

Менялся также и школьный интерьер. Хабиб Зайни, в частности, сравнивал парты в мектебе и в земской школе, подчеркивая удобство последних⁶⁴.

В дореволюционный период даже в условиях наступающей модернизации маркеры «своей культуры» сохранялись, прежде всего, для обозначения конфессиональной обособленности населения. Внешний вид человека оставался одним из таких маркеров. В мемуарах Хабиба Зайни много внимания уделено бритью головы, – и этот акцент не случаен. Большинство татар-мусульман до начала XX в. брили голову, отращивание волос не одобрялось традиционным обществом. Воспоминания Хабиба Зайни начинаются с описания его детских страданий: у него болела голова, но родители не могли отказаться от бритья⁶⁵. Для них было важно, чтобы сын выглядел как все мальчишки-мусульмане. Кстати, эта привычка была также профилактической мерой против вшей. Например, татары-мусульмане Уфимской губернии обвиняли крещеных татар в том, что они, «подражая русским, не бреют голову и от того стали косматыми и вшивыми»⁶⁶. Вместе с тем бритье способствовало появлению другой проблемы – распространению парши (грибкового заболевания). У автора в детстве тоже была проблемная кожа головы, лечили его специальной мазью. Спасением для него стало еще появление технической новинки – машинки для бритья⁶⁷.

Борьбу традиций и новаций можно усмотреть и в учебе Хабиба Зайни. Конфессиональные школы (мектеб и медресе) при махалле занимали центральное место в развитии любого мальчика из дореволюционной татарско-мусульманской семьи. Поэтому посещение мектеба было обязательным стандартом образования рубежа XIX–XX вв. Однако в этот период открылись и светские учебные заведения для татар (например, русские классы при медресе, русско-татарские школы). Конечно,

⁶⁰ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 39–40.

⁶¹ *Габдрафикова Л.* Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX вв.). Казань, 2015. С. 164.

⁶² *Зайни Х.* Рукопись воспоминаний «Үлемдән калуларым» // Из личного архива И.Б. Зайни. Л. 2–3.

⁶³ Там же. Ч. 3. Л. 13.

⁶⁴ Там же. Л. 17.

⁶⁵ Там же. Ч. 1. Л. 3–4.

⁶⁶ *Рыбаков С.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900. С. 9.

⁶⁷ *Зайни Х.* Рукопись воспоминаний «Үлемдән калуларым» // Из личного архива И.Б. Зайни. Л. 5.

они могли учиться и в обычных училищах и гимназиях. Хабиб Зайни рос в уездном городе, где имелись школы разного типа. Сначала он посещал мектеб⁶⁸. Если в рассказах его отца Халиля Зайни вырисовывалась жизнь татарского мектебе и медресе с книгами и религиозными дискуссиями, то в его собственной картине – это рассказ о школьных буднях (он пишет об удобстве/неудобстве парт, о детских шалостях и т. д.). Так, в первые дни учебы маленький шакирд Хабиб испытал сильнейший стресс и из-за грубой шутки старших учеников и из-за демонстративного наказания учителем самого дерзкого мальчика из класса. Но в автобиографии Хабиб Зайни пишет лишь об окончании курсов русско-татарского училища и гимназии⁶⁹. Между тем в «семейной» тетради указано, что в русско-татарской школе он учился только полтора года и по неизвестным ему причинам отец снова отправил его в мектеб⁷⁰. Возможно, это было связано с общественным мнением: большинство татарского населения не одобряло обучение в светских школах.

Пореформенная модернизация империи вела к развитию социальных коммуникаций. Например, прибывший в Троицк в 1879 г. Халиль Зайни еще с трудом изъяснялся по-русски. В 1891 г. он уже неплохо владел языком. Его семья постоянно меняла квартиры, хозяевами арендованного жилья были и татары, и русские. В отличие от Халиля-хальфы, его супруга, уроженка Троицка и дочь местного муллы, совсем не говорила по-русски, что мешало ей в непредвиденных ситуациях. Тем более клиентура Халиля Зайни была представлена людьми разных этносов и конфессий. Так, в «публичном» очерке приводится эпизод о приносимых ему на ремонт крестах, что, судя по всему, должно было свидетельствовать о терпимости мастера-мусульманина к чужой религии и косности мышления некоторых татар-единоверцев⁷¹.

Вообще и сам Хабиб Зайни писал не только о троицких церквях, но и о православных праздниках. Из любопытства в детстве он один раз вместе с другом зашел в церковь, где ему во время службы вручили зажженную свечку. Блестящая обстановка понравилась ему: «подумал про себя, почему в наших мечетях не так»⁷². Правда, тут же соседствует замечание о том, что пасхальный колокольный звон в городе весьма надоедал ему⁷³. При этом в текстах, за исключением описаний мечетей и медресе, практически нет рассуждений об исламе или Коране, воспоминаний о мусульманских праздниках, о чтении близкими автора намаза или других религиозных практиках. Единственное такое упоминание – это совершенный отцом хаджабадаль – паломничество в Мекку за другого человека, но и здесь Хабиб Зайни подчеркивает, что для него это было и путешествием, и заработком⁷⁴. Возможно, такая подача информации была выбрана специально. Допуская в эго-документах повествование о вере других, автор не мог поделиться своими мировоззренческими установками даже в частных записках. В целом, в тексте рассказы о религиозных практиках часто подаются в качестве анекдота, где иллюстрируется невежество и даже социальные девиации героев (например, их алкоголизм).

Вместе с отказом от религиозной идентичности Хабиб Зайни выстраивал для себя и своих героев новое самоощущение, связанное уже с этничностью. Он чаще применял выражения вроде «подросток-татарин», «один татарин», «крупные бога-

⁶⁸ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 5.

⁶⁹ ОРРК НБЛ КФУ. Т. 2390. Ч. 4. Л. 1.

⁷⁰ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 3. Л. 17.

⁷¹ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 40.

⁷² Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 2. Л. 20.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 41.

чи из татар»⁷⁵. Лишь при описании одного знакомого своего отца он пишет, что тот был «правоверным мусульманином, татаринoм»⁷⁶. В этой концепции как дореволюционного татарина (без привязки к исламу), так и советского татарина можно было рассматривать в одной плоскости, без учета их социально-экономических различий, а только как носителей одной культуры.

Устные рассказы Халиля-хальфы, сопровождавшие дореволюционное детство Хабиба Зайни, получили в его текстах 1960-х гг. дополнительные композиционные решения. Они были связаны с идеей противостояния традиций и новаций, победой прогресса. Так, в очерке прибывший в Троицк в конце 1870-х гг. Халиль Зайни встречает узбекского купца, который советует ему отправиться за знаниями в Бухару. Но шакирд, ссылаясь на превосходство западных технических достижений перед восточными товарами, говорит о своем желании познакомиться с миром прогресса. Однако из-за невозможности переехать в Москву Халиль Зайни остается в Троицке. Он писал по этому поводу: «Троицк все же ближе к Москве, в отличие от Бухары». Завершается очерк кратким обзором профессиональных успехов детей и внуков Халиля-хальфы, которые получили образование и стали инженерами, врачами и т. д., и констатацией правильности некогда избранного им пути. «Конечно, в этом велика роль и Советской власти», – заключает Хабиб Зайни⁷⁷.

Выводы

Представленная картина дореволюционного мира Хабиба Зайни была обусловлена как советскими реалиями жизни автора, так и его более ранним переосмыслением основных фактов этого периода. В эго-документах наблюдается два слоя: мифологизированный мир 1870–1880-х гг. – письменная версия устных рассказов отца, с идеальными духовными наставниками, и повседневность татарской общины уездного города рубежа XIX–XX в., хорошо знакомая самому автору. Но и в этом мире нет экономических трудностей, нет категорического противопоставления представителей различных социальных групп. В тексте, по сути, зафиксирован детский взгляд на прошлое с вкраплениями взрослых рассказов. Однако тщательный отказ от мусульманских маркеров идентичности в пользу этнической указывает на присутствие рациональности взрослого татарина советской эпохи. Если в нарративе Халиля Зайни лежит идея трудолюбия, стремления к знаниям и прогрессу в духе просветительской татарской литературы начала XX в., то в собственном нарративе Хабиба Зайни – идея выживаемости, несмотря на болезни и другие обстоятельства (показательны примеры с его припадками и головными болями в детстве). Общим моментом можно назвать присутствие в обоих случаях своеобразных спутников у героев: если у отца ими выступали муллы-наставники, то у самого Хабиба Зайни таким учителем являлся отец, картинки его детской жизни были связаны с ним. Судя по тексту, в их взаимоотношениях отсутствовала известная проблема «отцов и детей», не было духовного разрыва ни в условиях татарского реформаторства начала XX в., ни при советских преобразованиях. До 1917 г. отец и сын были на стороне последователей джадидов (реформаторов), это подтверждается их обоюдным стремлением к получению светского образования и прогрессу, работой в сфере народного просвещения. В советское время сын продолжал работать в этой области и в определенной степени являлся продолжателем семейных традиций. Духовное единство отца и сына – результат особого стиля воспитания в семье Хабиба Зайни

⁷⁵ Зайни Х. Рукопись воспоминаний... Ч. 1. Л. 9–10.

⁷⁶ Там же. Л. 12.

⁷⁷ ОРРК НБЛ. 2390 т. III. Л. 16–17, 45.

с родительской заботой о ребенке и личным общением с ним, что было редкостью для татарской повседневности рубежа XIX–XX в.

В целом эго-документы Хабиба Зайни являются любопытным источником для изучения социокультурных изменений в жизни не только татарского народа, но и других этнических групп как имперской, так и постреволюционной России. Записки татарского педагога советского периода демонстрируют историю неформальных взаимоотношений представителей различных конфессий и этносов в условиях российского уездного города, их жизнь в созидании и уважении к культуре «другого».

Поступила в редакцию / Submitted: 11.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.02.2023

References

- Abubakirova, M., Shamsutdinov, I., and Khasanzhanova, R. *Istoriyu ostavit` narodu svoemu* [Leave history to our people]. Troitsk: Printing house named after Syromolotov, 2002 (in Russian).
- Aitov, L. “Artistnuñ tormysh yuly [Actor's life path].” *Kazan utlary*, no. 7 (1966): 64–93 (in Tatar).
- Besedovskaya, A.V. *Sistema mestnogo samoupravleniia na Iuzhnom Urale v period modernizatsii Rossiiskogo obshchestva (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)* [The system of local self-government in the Southern Urals during the period of modernization of Russian society (second half of the 19th – early 20th century)]. Orenburg: OGPU Publ., 2006 (in Russian).
- Bəshiri, Z. *Zamandashlarym belən ochrashular* [Meetings with my contemporaries]. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 1968 (in Tatar).
- Denisov, D.N. *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Cheliabinskogo kraia (XVIII – nachalo XX v.)*. [Essays on the history of the Muslim communities of the Chelyabinsk Territory (18th – early 20th centuries).] Moscow: Marjani Publishing House, 2011 (in Russian).
- Fakhreddin, R. *Asar* [Digest]. Vol. 3–4. Kazan: Ruhiyat Publ., 2010 (in Tatar).
- Gabdrāfikova, L.R. “Zaby`taya tetrad` tatarskogo shakirda e`poxi revolyucii: 1909–1918 (vospominaniia Sharifa Zamilova) [The Forgotten Notebook of the Tatar shakird of the Revolution Era: 1909–1918 (memoirs of Sharif Zamilov)].” *Historical Ethnology* 2, no. 2 (2017): 346–358 (in Russian).
- Gabdrāfikova, L.R. *Tatarskoe burzhuznoe obshchestvo: stil' zhizni v epohu peremen (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Tatar bourgeois society in an era of change (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2015 (in Russian).
- Gibatdinov, M.M. *Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshcheobrazovatel'noi shkole: istoriia i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in a school: history and modernity]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2003 (in Russian).
- Khalikov, N.A. *Promysly i remesla tatar Povolzhya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Trades and crafts of the Volga and Ural Tatars (mid-19th – early 20th century)]. Kazan: Master Line Publ., 1998 (in Russian).
- Kudash, S. “Nezabyvaemye minuty [Unforgettable minutes].” In *Memories*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1964 (in Russian).
- Murtazina, L.R. “Xəbib Zəjni xezmətlərendə tatar məgarife məs`ələlərə [Tatar education issues in Khabib Zayni's works].” *Echo of Centuries*, no. 1 (2020): 146–158 (in Tatar).
- Rami, I. *Chanachkele ellar utə kilgəndə* [When the prickly years came to an end]. *Sovet ədəbiyatı*, no. 8 (1960): 94–111 (in Tatar).
- Ramiev, I. *Istəleklər* [Memories]. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 1965 (in Tatar).
- Rybakov, S. *Islam I provshchenie inorodcev v Ufimskoj gubernii* [Islam and the education of inorodets-people in the Ufa province]. St. Petersburg: Synod Publ., 1900 (in Russian).
- Samorodov, D.P. *Utverzhenie kapitalizma v trgovle dorevolucionnoj Bashkirii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [The assertion of capitalism in the trade of pre-revolutionary Bashkiria. Second half of the 19th – early 20th century]. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical Institute Publ., 1999 (in Russian).
- Soltanov, F.M., Gibatdinov, M.M., and Murtazina, L.R. *Tatar pedagogik fikere antologiyase* [Anthology of Tatar pedagogical thought], vol. 2. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 2016 (in Tatar).

- Starostin, A.N., Khairetdinov, D.Z. “Islam na Urale [Islam in the Urals].” *Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow; Nizhniy Novgorod: Medina Publishing House, 2009 (in Russian).
- Usmanov, V.M. *Istoricheskie pamyatniki. Musul'manskie epitafii, g Troick* [Historical monuments. Muslim epitaphs of the city of Troitsk]. Sterlitamak: Printing house Phobos, 2013 (in Tatar).
- Zaini, Kh. *Məktəp e`shlaren tormy`sh belən bəjləy yullary`* [Ways to establish a connection between school affairs and life]. Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1929 (in Tatar).
- Zaini, Kh., and Akhmedev, F. *Savit məktəbe: shəhər həm e`shche tək məktəpləreneң öchenche uly` öchen kitab* [Soviet school: a book for the third year of teaching urban and working schools.]. Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1928 (in Tatar).
- Zaini, Kh., and Iskhakov, F. *Krest`yan əlifbasy`* [Peasant primer]. Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1928 (in Tatar).

Информация об авторе / Information about the author

Лилия Рамилевна Габдрафикова, д-р истор. наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420011, Россия, Казань, ул. Батурина, 7; ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»; 420111, Россия, Казань, Лобачевского, 2/31; bahetem@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Liliya R. Gabdrāfikova, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher at Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; Leading Research Fellow at Laboratories of Multivariate Humanitarian Analysis and Cognitive Philology; Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences; 2/31, Lobachevsky Str., Kazan, 420111, Russia; bahetem@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-223-232>
EDN: HVLVBT

Научная статья / Research article

Бухара и мир в представлениях джадида и путешественника Мирзо Сироджиддина Хакима

Шамсиддин Ризоев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва

sk.rizoev@igsu.ru

Аннотация: Исследован травелог бухарского путешественника, джадида и врача Мирзо Сироджиддина Хакима – «Тухафи ахли Бухоро» («Дары бухарцам»). Текст, написанный на персидском языке и опубликованный в 1912 г., представляет собой комплекс субъективных представлений Мирзо Сироджиддина Хакима о Бухаре, Европе и России. Структура статьи обусловлена необходимостью реконструкции географии путешествий автора травелога, выявлении особенностей социального и культурного контекста, повлиявших на формирование его мировоззренческой позиции. Методологической основой исследования стали биографический и постколониальный подходы. Автор устанавливает, что представления Мирзо Сироджиддина Хакима в немалой степени обусловлены опытом и практиками, приобретенными в результате путешествий. Были выявлены нарративы, посредством которых мусульманский просветитель, врач и путешественник выстраивает свою иерархию культур, использует исламскую риторику и дискурс модерна для выражения оценки положения исламского мира в контексте соперничества с христианской цивилизацией. В то время как в Европе Мирзо Сироджиддин видит идеал прогрессивного общества, Россию он воспринимает как цивилизатора азиатских народов и связывает именно с ней надежду на прогрессивное будущее Бухары.

Ключевые слова: Мирзо Сироджиддин, религиозное реформаторство, Российская империя, Средняя Азия, общественная мысль, джадидизм

Для цитирования: Ризоев Ш.Х. Бухара и мир в представлениях джадида и путешественника Мирзо Сироджиддина Хакима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 223–232 <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-223-232>

Bukhara and the World through the Views of Jadid and Traveler Mirzo Sirodjiddin Hakim

Shamsiddin Rizoev

The Presidential Academy (RANEPA), Moscow, Russia

sk.rizoev@igsu.ru

Abstract: The article examines the combined travelogue of Bukhara traveler, Jadid and doctor Mirzo Sirodjiddin Hakim – “Tuhafi ahli Bukhoro [Gifts to Bukharians].” The text written in Persian and published in 1912, with the permission of the imperial authorities in Bukhara, combines a wide range of lexical constructions of the modern era and traditional Arabic-language structures. The purpose of the article is to analyze the subjective ideas of Mirzo Sirodjiddin Hakim of Bukhara, the West, the East, and Russia. The structure of the article is determined by the need to reconstruct the biography of the author of the travelogue and, to identify the features of the social and cultural context that influenced the formation of his worldview. The “Tuhafi ahli Bukhoro” was used as the main source in the article,

and while an additional book published in Tehran in 1990 on the text was used as an additional comparative source. The methodological basis of the research is through both biographical and post-colonial approaches. The author reveals that the ideas expressed by Mirzo Sirodjiddin Hakim are largely the result of the experience and practices acquired from his travels. These identified narratives, through which Hakim combined his own knowledge of regional cultures, uses Islamic rhetoric, as well as modern discourse to express an assessment of the position of the Islamic world in the context of rivalry with Christian civilization. Whereas Mirzo Sirodjiddin Hakim considered Europe to be the ideal of a progressive society, he perceived Russia as a more important civilizer of the Asian peoples and believed that the progressive future of Bukhara needed to be closer associated with Russia.

Keywords: Mirzo Sirodj, religious reformism, Russian Empire, Central Asia, social thought, Jadidism

For citation: Rizoev, Shamsiddin. “Bukhara and the World through the Views of Jadid and Traveler Mirzo Sirodjiddin Hakim.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 223–232 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-223-232>

Введение

В настоящее время заметным становится все более усиливающийся культурный разрыв между западными секулярными демократическими и восточными традиционалистскими религиозными обществами. Причем, в отношении последних речь идет главным образом о фундаментализме и ультраконсервативных радикальных религиозных движениях. В этой связи все более востребованной становится идеология джадидизма конца XIX – начала XX в., не противопоставлявшего научный взгляд на мир религиозному, а материальный прогресс – духовному развитию¹.

Одним из литературных памятников джадидизма является работа бухарского путешественника, мусульманского просветителя и врача Мирзо Сироджиддина Хакима (далее – Мирзо Сироджа) – «Дары бухарцам».

В этом сочинении, полном ярких впечатлений о путешествиях, о жизни и культурах разных стран, их традициях и обычаях, автор также сообщает информацию об общественно-политических, экономических и культурных событиях в Иране, Афганистане, Индии и Европе.

«Дарь» Мирзо Сироджа неоднократно становились объектом литературного анализа², лингвосемантического и этимологического исследования³, материалом для сопоставления с произведениями других джадидов Бухары, содержащих нарративы прогресса⁴, как один из образцов жанра сафарнаме в таджикской публицистике⁵ и как элемент в системе культурных факторов формирования национального самосознания⁶. Упоминает книгу Мирзо Сироджа в своей монографии историк джадидизма Центральной Азии Адиб Халид, который рассматривает Сироджа

¹ Более того, джадидизм усматривал непосредственную связь между исламом и экономическим прогрессом мусульманской уммы. См. об этом: *Корноухова Г.Г.* «Мусульмане найдут свое спасение через Коран и в Коране»: к проблеме достижения материального благополучия населения в азербайджанской богословской мысли конца XIX – начале XX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований 2011/2012. Москва, 2012. С. 125–139; *Kornoukhova G.G.* Muslim ethics and the spirit of capitalism: the characteristics of Islamic entrepreneurship development in the Russian Empire between the nineteenth and early twentieth centuries // *Social Evolution and History*. 2018. Т. 17. № 2. С. 121–139.

² *Бокиев Х.О.* Творческий путь и просветительские взгляды Мирзо Сироджа Хакима: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06. Душанбе, 2000.

³ *Ходжиев С.* Литературный таджикский язык в начале XX века: (На материалах «Тухафи ахли Бухоро» Мирзо Сироджа Хакима). Душанбе, 1987.

⁴ *Wennberg F.* On the Edge. The Concept of Progress in Bukhara during the Rule of the Later Manghits. *Studia Iranica Upsaliensia*. Uppsala, 2013.

⁵ *Бозорзода Н.Ш.* Путешествие как жанр публицистики (теоретические, исторические и эмпирические проблемы): дис. ... док. филол. наук: 10.01.10. Душанбе, 2021.

⁶ *Абдуллаев М.А.* Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике (конец XIX – первая половина XX веков): дис. ... док. филол. наук. Душанбе, 2011.

в качестве типичного представителя центральноазиатских мусульманских модернистов, генерировавших идеи и проекты реформ. «Дары», по мысли А. Халида, являются текстом, содержащим центральноазиатское виденье внешнего мира, хоть и во многом повторяющееся и поверхностное, но всегда служащее читателю напоминанием о достижениях развитых государств⁷.

Несмотря на уже достаточную изученность, текст «Даров» по-прежнему представляет интерес для исследователей, в частности, потому что содержит в себе элементы повествования, характерные не только травелогам. Эта книга скорее подпадает под определение эго-документа: по форме составленного как рассказ о странствиях, на деле же – повествование, позволяющее узнать биографию автора, выстроить его картину мира, оценок и взглядов⁸.

В рамках данной статьи предлагается проанализировать субъективные представления Мирзо Сироджа Хакима о Бухаре, Западе, Востоке и России с целью выяснить характер оценок автором комплекса проблем, с которыми столкнулась Бухара и шире – мусульманский мир на стыке XIX–XX в., а также видения им способа достижения прогресса мусульманского мира в условиях соперничества с христианской цивилизацией.

Мирзо Сиродж Хаким и его «Дары»

Мирзо Сиродж (полное имя – Мирзо Сироджиддин валад Мирзо Абдурауф Бухари – уль-асль Мирзохуруф) родился в 1877 г. в Бухаре⁹. Его отец Ходжи Абдурауф был главой купеческой гильдии Бухары¹⁰. С малых лет он освоил грамоту на персидском языке, изучал арабский язык и мусульманское право, учился в одной из русско-туземных школ Бухары, брал частные уроки французского языка и хорошо владел тюркскими языками¹¹.

5 июля 1902 г. Мирзо Сиродж отправился в путешествие по Европе, которое продлилось около полугода. После разногласий с партнерами по торговле зимой того же года он уехал в Иран, а потом нелегально пробрался в Афганистан, где был обвинен в шпионаже. После годичного заключения в тюрьме был реабилитирован эмиром Афганистана – Хабибула-ханом¹². Последующие годы Мирзо Сиродж провел в Иране, где обучался медицине и в дальнейшем работал врачом под именем доктора Собира. В 1909 г. он был экстрадирован в Бухару¹³. Здесь в 1910 г. открыл больницу, где начал практиковать европейские способы лечения болезней. Он также был одним из основателей первой ежедневной персоязычной газеты «Священная Бухара», в которой курировал рубрику «Охрана здоровья», публикуя в ней статьи по проблемам гигиены и медицины¹⁴.

Наряду с врачебной практикой М. Сиродж пишет и издает свои стихи на персидском (таджикском) и узбекском языках.

⁷ Khalid Adeeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, 1998. P. 139.

⁸ См.: Karahasanoğlu, S. (2021). Ottoman Ego-Documents: State of the Art. *International Journal of Middle East Studies*, 53(2), 301–308. doi:10.1017/S0020743821000350.

⁹ Мирзо Сиродж ал-Дин Хаджи Мирза Абд аль-Рауф. Травелог (Сафарнаме) «Дары Бухарцам». Тегеран, 1369 [1991]. С. 6 (на персидском яз.).

¹⁰ С узбекс. яз – начальник караванов См: Караван-сарай Абдурауф Карвонбоши. URL: <https://rusrav.uz/2018/01/17/karavansaraj-abdurauf-karvonboshi/#> (дата обращения: 03.05. 2022).

¹¹ Мирзо Сироджиддини Хаким. Подношение Бухарцам. Душанбе, 1992. С. 10–11, 129.

¹² Там же. С. 129.

¹³ Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А. Розенфельд. М. – Л., 1960. С. 868–875.

¹⁴ Айни С. История Бухарской Революции. Душанбе, 1987. С. 106.

15 июля 1912 г. по григорианскому календарю в г. Кагане (Новой Бухаре) с разрешения местных и имперских властей им был издан травелог «Тухафи ахли Бухоро», что можно перевести с персидского как «Дары бухарцам».

«Дары» предназначались жителям Бухары, однако ее основным адресатом был молодой эмир Бухары Сеид Алим-хан. В контексте модернизационных процессов и демократизации образования, которые имели место и в Бухаре, внимание Мирзо Сироджа было обращено к народной массе. Он понимал, что значимость активных социальных групп как фактора общественного переустройства постепенно будет возрастать. Обладающие знанием люди могли бы стать новыми агентами социальных перемен, вместе с тем ему было ясно и то, что реформы в таком государстве, как Бухарский эмират, могли быть начаты только с санкции просвещенного монарха. Поэтому в славословии Мирзо Сироджа в адрес едва вступившему на престол эмиру Бухары Сеид Алим-хану заключался определенный расчет. В указанном произведении ему были посвящены, в частности, следующие слова:

Восшествие на престол его величества султана из рода султанов, повелителя и предводителя правоверных, его благородства Сеида Эмира Мухаммада Алим-хана Бахадур Султана да увекочит Творец его правление, да руководит его воинством, да сделает вечным его пребывание, явилось для меня добрым знамением. В это счастливое время я завершил работу над рукописью, посвятив ее великому правителю...¹⁵

К тому времени в Бухаре в полной мере сложилась традиция описания путешествий. Среди современных М. Сироджу книг о путешествии можно назвать «Мунтахаб ат таварих» («Извлечение из историй») Мирза Хакимхана, «Наводир ул вакоъе» («Редкостные события») Ахмада Дониша, «Савонех-ул-масолик» («Происшествия на просторах государств») Кори Рахматулло Возеха и др.¹⁶ Мирзо Сиродж, однако, вопреки устоявшейся арабо-мусульманской традиции передачи знания не помещает свое произведение в общую цепь работ своих единоверцев, а скорее выделяет его, позиционирует как уникальное явление культуры. В частности, он пишет следующее:

Несмотря на то, что ежегодно тысячи наших сограждан посещают другие страны по торговым, промышленным делам и ради паломничества, однако до сих пор у нас нет ни одной такой книги¹⁷.

Себя же он уподобляет европейским первооткрывателям Нового Времени:

В Европе и России путешественники ради обретения знаний о жизни разных народов и сбора сведений о морях и четырех сторонах обитаемой суши в течение долгих лет странствовали из одного города в другой <...> Все европейские завоевания и достижения – это результат открытий их ученых и путешественников. Этот слуга народа тоже решил последовать примеру тех ученых и после многолетних странствий подвести итоги своего путешествия, преподнеся своему народу это сафарнаме (книга путешествий. – *Ш.П.*)¹⁸.

Европа как пространство реализации субъективности Мирзо Сироджа

Центральный сюжет «Даров» посвящен Европе, путешествие в которую начинается с поезда, следующего со станции Каган Закаспийской железной дороги до г. Красноводска. На пароходе М. Сиродж добирается до западного берега Каспийского моря, путешествует по городам южного Кавказа: Баку, Тифлиса и Боржому.

¹⁵ Мирзо Сироджиддини Хаким. Подношение Бухарцам. С. 26.

¹⁶ См: Бозоров Н.Ш. Просветители и их путешествия // Вестник таджикского национального университета. Серия филол. наук. Тадж. нац. ун-т. Душанбе. 2017. № 4. С. 292–297.

¹⁷ Мирзо Сироджиддини Хаким. Подношение Бухарцам. С. 24.

¹⁸ Там же.

Далее через порт Батуми по Черному морю, на судне плывет до причерноморских городов Османской империи – Трабзона и Самсуна, откуда держит путь в Стамбул. Из Стамбула Мирзо Сиродж по железной дороге доезжает до Вены, успев по пути остановиться в Белграде, Софии и Будапеште. Городская жизнь жителей Вены его очень впечатляет, поэтому в столице Австро-Венгрии он задерживается более чем на два месяца. По всей видимости, жизнь в Вене способствовала формированию у Сироджа представления об атрибутах развитой европейской цивилизации: упорядоченной архитектуры, насыщенной культурной жизни, где особое место занимают музыка и театр, развитость социальной инфраструктуры – дорог, школ, больниц и т. д. На эти же аспекты европейской жизни он обращает пристальное внимание, оказавшись в Берлине, Париже, Лондоне, Берне, Марселе, Варшаве и Москве.

Рассказы о столицах европейских стран – Вене, Берлине, Париже, Лондоне и Берне можно сравнить разве что с восхождением. Это своего рода михрадж современности, в котором от одного города к другому ярче проявляются атрибуты благоденствия, причина которым – последовательное развитие. Авторская позиция проявляется более явно за счет экспрессии эмоций, усиливающегося восхищения увиденным, составления панегирика европейской нации. В этой связи, конечно, сложно согласиться с утверждением А. Халида, что космополитическая буржуазная природа Сироджа не позволяла ему испытывать отчужденность в европейском пространстве¹⁹: сословная близость не является условием культурной гомогенности бухарского и европейского буржуа. Европа для М. Сироджа – это пространство невообразимого:

Что за чудесный город, от лицезрения которого не устают глаз. Что за величественные и прекрасные здания, что за радующее сердце виды, какие благоустроенные сады, красочные цветники, что за дворцы, устремившиеся к небу...²⁰

Красота росписи стен бернских дворцов, по мысли Сироджа, привела бы в смущение средневекового персидского миниатюриста Кемаледдина Бехзада. Чистоте и свежести садов Берна уступает древний Хаварнак²¹, который доисламские арабские поэты упоминали как одно из тридцати чудес света (строительство одноименного замка изобразил в своей миниатюре вышеупомянутый Бехзад²²) и коранический Ирам Зат аль-Имад²³ – прообраз рая на земле²⁴. Следует сказать, что Ирам в представлении М. Сироджа является метафорой для обозначения райского сада, он многократно обращается к этому образу. Наряду с Ирамом он использует и другое обозначение рая для сравнения с Европой²⁵:

с горькой печалью и тяжелым сердцем, глазами полными слез, расставался с этим городом, который подобен Ираму и раю²⁶.

¹⁹ Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998. P. 138.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ Encyclopaedia of Islam, 2nd edition, 12 vols / edited by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs et al. Leiden, 1960–2005. Vol. 4. P. 1133.

²² См: Строительство замка Хаварнак, Герат, Хорасан // Gallerix. URL: <https://gallerix.ru/storerroom/55255/N/927/?navi=2894> (дата обращения: 3.04.2023).

²³ Многоколонный комплекс племени адитов, сооруженный в южной Аравии. См: Коран. Аль-Фаджр (89) 6–8.

²⁴ См: Encyclopaedia of Islam, 2nd edition., 12 vols / ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs et al. Leiden, 1960–2005. Vol. 3. H–IRAM. P. 1270.

²⁵ Арабское слово «хулд» (حُلْد) обозначает рай.

²⁶ Мирзо Сироджиддини Хаким. Подношение Бухарцам. С. 63, 71.

Перенос рая Мирзо Сироджем в города Европы является одним аспектом этой шкалы прогресса. Рай находится здесь, на земле, хотя и в другом временном измерении²⁷. Таким образом, Мирзо Сиродж показывает, что посредством прогресса можно приблизить жизнь на земле к жизни в раю, а для этого требуется преобразование самого человека, которое возможно только путем получения знаний и должного воспитания. Для иллюстрации этой мысли он приводит в пример образованных и состоятельных швейцарцев, так воспитавших своих ручных питомцев, что в них не осталось и следа от дикости и животной природы: «Разве что не говорят как люди, да и только»²⁸.

Рассказывая о берлинском университете, Мирзо Сиродж восклицает:

Ах, что это за университет (дор-ул-фунун), там и дикое животное, и кочевник, и человек обретут культуру и науки²⁹.

Париж же является и вовсе фабрикой, где производят, то есть цивилизуют людей³⁰.

Коранические топосы в произведении «Дары бухарцам»

Восхищаясь прогрессом, достигнутым Европой, Мирзо Сиродж, указывает на то, что он является результатом развития здесь науки. Бухарский просветитель отмечает, что при условии приложения усилий также Бухара способна многого достичь, например в сельском хозяйстве:

Нам, жителям Азии, многие дары Творца дались без особого труда, однако мы не смогли это оценить должным образом. Если бы мы владели наукой и ремеслом в той же степени, как и европейцы, то не было бы народа богаче нас и не было бы страны, столь же благоустроенной как наша³¹.

При этом Мирзо Сиродж напоминает, что в прошлом мусульманская цивилизация являлась развитой и достойной подражания для других народов, но в настоящее время находится в упадке. Причиной исторического поражения мусульман, по мысли Мирзы Сироджа, является равнодушие к знаниям, корень чего содержится в упадке религиозности. Данным размышлениям посвящен нижеследующий фрагмент «Даров»:

Мы должны осознать свое побежденное и подчиненное состояние. Что было основанием нашего прогресса? И кто стал причиной нашего упадочного состояния? Почему из львов мы обмельчали до лис? Обладая силой и отвагой тогда, мы столкнулись с бедствием теперь, раньше мы были сведущи в знаниях, а ныне пребываем в разрухе. Мы были едины прежде, а теперь – между нами рознь. Тогда на пути веры мы прикладывали усердие и усилие, а теперь посвятили себя мирскому. Раньше мы руководствовались справедливостью, а теперь несправедливость везде. Мы обладали знанием, но оказались невежественнее всех. Весь восток и запад пытались уподобиться нам, а мы теперь в полной зависимости от власти других. И только Бог своей милостью может избавить нас от пучины гибели, в противном случае мы в большой беде³².

В целом книга Мирзо Сироджа полна отсылок к религиозным – то есть кораническим топосам, где главным субъектом действия является Бог, санкционирующий все действия и события. Автору же порой отводится позиция объекта божь-

²⁷ Wennberg F. *On the Edge. The Concept of Progress in Bukhara during the Rule of the Later Manghids*. *Studia Iranica Upsaliensia*. Uppsala, 2013. P. 98.

²⁸ Мирзо Сироджиддини Хаким. Подношение Бухарцам. С. 81.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же. С. 66–68.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 55.

ственного провидения. Это характерная черта автобиографических арабо-мусульманских текстов, где указание на Бога осуществляется посредством выражения благодарности Творцу, которое исходит из коранической традиции³³. Такой модус ярко представлен в своего рода введении второго порядка – раздела книги, который Мирзо Сиродж называет «выражением намерения»:

Во имя Бога всемилостивого и милосердного (по-арабски: Бисмиллохи-р-рахмони-р-рахим)! После прославления и воспевания Владыки вселенной, Творца людей и джинов доношу до сведения великодушных чтцов и уважаемых читателей, что этот раб Божий грешный с головы до ног, большую часть своей жизни провел в путешествиях по миру...³⁴

Религиозный дискурс ярко проявлен по отношению к традиционной географии ислама, в особенности родины Мирзо Сироджа – Бухары. Автор акцентирует внимание на том, что несмотря на все свои недостатки по отношению к развитым странам, Бухара является страной, где правит ислам. В этом состоит ее главное достоинство. Проблема же Бухары заключается в том, что сами ее жители-мусульмане являются недостаточно правоверными:

Не стоит делать из нее причину для отчаяния, а любовь к ней выкорчевывать из сердца. Не родина виновата, а ее дети, которые забыли о своих обязанностях перед ней. Ибо как сказал гордость вселенной (пророк): любовь к родине исходит из веры...

Далее Мирзо Сиродж предает своим мыслям стихотворную форму:

Блеск идолов капища – это наша вина
Единство неверных – это наше дробление
Ислам же в себе не имеет изъяна
Беда от того, что плохи мусульмане³⁵.

Формальная приобщенность к вере, по мысли Мирзо Сироджа, не является достаточным основанием благоденствия общества. Власть же должна быть ответственной в улучшении духовного состояния своего народа. Однако, с точки зрения автора «Даров», ни один из прежних ханов Коканда не заботился об этом важном вопросе:

...предаваясь низменным развлечениям, они лишь угнетали простой народ, не оставив значительного наследия³⁶.

В свою очередь на эмира Сеид-Алим-хана он возлагает большие надежды, приписывая ему философскую мудрость:

Ныне, с соизволения Творца, благодаря прозорливости нашего молодого справедливого, прогрессивного царя, чья мудрость подобна Платону, наш край на зависть другим преобразится подобно раю³⁷.

Как и остальные прогрессивные мусульманские богословы, Мирзо Сиродж считал, что знания, дающие возможность достичь прогресса, содержатся в исламе и очень важно в связи с этим изучать Коран и постигать мудрость священных писаний. Отход же от исламских принципов приводит к противоположному результату – не только к духовной деградации народа, но и к материальному упадку, и в конеч-

³³ См: *Brustad K. Interpreting the Self: Autobiography in the Arabic Literary Tradition* / ed. by Dwight F. Reynolds. University of California Press, 2001. P. 3.

³⁴ *Мирзо Сироджиддини Хахим*. Подношение Бухарцам. С. 9.

³⁵ Там же. С. 86–87.

³⁶ Там же. С. 11–13.

³⁷ Там же. С. 150–151.

ном счете к полному подчинению мусульман другими народами. Мирзо Сиродж следующим образом оценивает ситуацию в Бухаре:

Мы же не следуем установлениям нашего пророка и обязательно должны быть притеснены, презренны и растоптаны иноземцами³⁸.

На пути к новому знанию М. Сиродж считает нужным отказаться от устаревшего гносеологического инструментария религиозно-философского характера, который, по его мнению, является идеологическим атавизмом:

мы до сих пор плетемся за научными открытиями, потому что отбросили собственное религиозных наук и последовали за загнившими, древними идеями греческих философов, отчего нам нет пользы ни в этой жизни, ни в последующей³⁹.

Мирзо Сиродж призывает преодолеть укоренившуюся неприязнь мусульман не только к самим иноверцам, но и к тем изобретениям, которые они создают. Это, с его точки зрения, противоречит Исламу и мешает хозяйственному развитию уммы. Так, в он приводит в пример киргизов, отвергающих все нововведения иноверцев. Мирзо Сиродж указывает, что степняки ведут хозяйство крайне неэффективно – их земледельческая культура слишком архаична, а их образ жизни далек от того, чтобы называться цивилизованным и близким к человечности. Нежелание же степняков использовать новые методы ведения хозяйства связано с религиозным табу: новые изобретения и технологии созданы иноверцами, поэтому лучше ими не пользоваться. Подобная аргументация, по мысли Мирзо Сироджа, является ошибочной, а кочевники, очевидно, являются мусульманами только на словах⁴⁰.

Россия как империя позитивного действия

Важное место в произведении «Дары бухарцам» занимает Россия. Мирзо Сиродж вполне однозначно указывает, что благодаря ей Бухаре удастся модернизироваться по примеру Ташкента, Баку, Тифлиса и Москвы – развитых городов империи, в которых он был лично. Русские, по мнению Мирзы Сироджа, сумели примирить стихию мятежных туркмен любезностью и дружбой, построив в пустыне современные города: Ашхабад, Кызыл-Арват и др.⁴¹ Описывая Москву, автор «Даров» насыщает текст экономическими понятиями, показывая, что этого город – это крупнейший центр российской торговли. Описывая работу брокеров московской биржи, он использует термины, характерные для капиталистической экономики: акции (акси) – кредитные бумаги банков (когази эйтибори), ассигнации (искинос) и др. Среди достопримечательностей упоминает Кремль, Царь-колокол, Москву-реку, Кузнецкий мост и Большой театр, где ставились, по замечанию Сироджа, постановки «не хуже европейских»⁴².

Характеризуя Россию, он пользуется такими эпитетами, как «пристанище и укрытие бухарцев»⁴³. Имперская власть в понимании Сироджа легитимна. Прошедшее восстание Дукчи-ишана⁴⁴ (Андижанский мятеж 1898 г.) он подвергает

³⁸ Мирзо Сироджиддини Хахим. Подношение Бухарцам. С. 85.

³⁹ Противопоставление земной жизни – «дуньи» (دنیا) и загробной – «ахират» (آخرت). См: Мирзо Сироджиддини Хахим. Подношение Бухарцам. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 18–19.

⁴¹ Там же. С. 27.

⁴² Там же. С. 89.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ Имеется в виду Мухаммад Али Сабир, происходивший из деревни Минг-Тепе в Ферганской долине, неподалеку от Андижана, которого называли «Дивана» («безумец, или одержимый Богом»), но чаще «Дукчи Ишан». Дукчи значит «мастер по выделке веретен», этим ремеслом занимался его отец; Ишан – почетный титул духовных лидеров в Средней Азии. Более подробно см.: Моррисон А.

жесткой критике и даже обструкции, поскольку ведение борьбы против такой силы, как царизм, считает действием неразумным, приводящим к тяжелым последствиям:

...будучи одним из дервишей и шейхов, с группой своих дураков-мюридов, с целью джихада против русской власти, вышли из своих ханака (*хонако*)⁴⁵.

С другой стороны, он отмечает, что с приходом России, экономическая ситуация в Туркестане изменилась в лучшую сторону:

в Коканде, благодаря управлению Империи процветает торговля и земледелие, а развитие торгового оборота шелкопрядом, каракулем и хлопком происходит выше всяких похвал⁴⁶.

Выводы

Книга Мирзо Сироджа является источником нового знания, содержащим в себе описание устройства разных стран и богатый материал для сравнения и сопоставления с ними Бухары. Мирзо Сироджа поднимает вопрос о причинах отсталости мусульманского народа и указывает на упадок религиозной просвещенности и духовной чистоты мусульман. Надежду на духовное возрождение он связывает с усилиями со стороны нового правителя Бухары и указывает на тесную связь между подъемом религиозным и хозяйственным. Важным он считает отбросить ложные учения и приблизиться к истинным знаниям, которые содержит в себе Коран. Именно это позволит преодолеть этно-религиозную замкнутость и начать перенимать блага цивилизации у других народов для развития собственной мусульманской цивилизации. Идеал прогрессивного общества при этом Мирзо Сиродж видит в Европе, но путь в него, с его точки зрения, лежит через Россию, поскольку именно она способна приобщить Среднюю Азию к техническому прогрессу, распространить науку и способствовать экономическому развитию региона.

Мирзо Сиродж, очевидно при этом, не опасается утраты мусульманами своей религиозной идентичности. Сам он представляет собой человека, вобравшего в себя знания христианского мира, но при этом, безусловно, с четким мусульманским самосознанием. Путешествуя по миру и восхищаясь достижениями европейской культуры, он все равно возвращается в Бухару, к которой выражает любовь и связывает с ней надежды на прогрессивное будущее.

В определенной степени «Дары» можно типологизировать как автоэтнографический текст, где субъектом выступает представитель коренной – то есть мусульманской или бухарской культуры, а повествователь – то есть автор – синтезирует взгляд этнографа и представителя аборигенного сознания, помещая себя в зону промежутка, характерного для постколониальной позиции «цивилизованного туземца». Такое «промежуточное» культурное состояние «туземца» является транскультурацией – процессом «присвоения» языка доминирующей культуры колонизированными субъектами. Таким образом, повествование в травелоге М. Сироджа в части описания народов Востока является рассказами «цивилизованного бухарца», связывающего своим опытом Бухару с Ираном, Афганистаном, Россией и Европой.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 04.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023

Суфизм, панисламизм и информационная паника: Н. С. Лыкошин и последствия андижанского восстания // *Tartaria Magna*. 2013. Т. 2013. № 2. С. 42–87.

⁴⁵ Обитель суфиев. См: Словарь таджикского языка / под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима, Н.А. Масуми. М., 1969. Т. 2. С. 492.

⁴⁶ *Мирзо Сироджиддини Хаким*. Подношение Бухарцам. С. 11–13.

References

- Abdullaev, M.A. “Problemy evoliutsii natsional'noi identichnosti v tadjikskoi publitsistike (konets XIX – pervaya polovina XX vekov) [Problems of the evolution of national identity in Tajik Journalism: the end of the XIX – first half of the XX centuries].” PhD diss. Russian-Tajik Slavonic University, 2011 (in Russian).
- Aini, S. *Istoriia Bukharskoi Revoliutsii* [History of the Bukhara Revolution]. Dushanbe: Adib Publ., 1987 (in Russian).
- Aini, S. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1960 (in Russian).
- Bearman, P.J., Bianquis, Th., Bosworth, C.E., Donzel, E. van, Heinrichs, W.P. et al. *Encyclopaedia of Islam*, 2nd edition. Leiden: E.J. Brill, 1960–2005.
- Bokiev, Kh.O. “Tvorcheskii put' i prosvetitel'skie vzgliady Mirzo Sirodza KHakima [The creative path and educational views of Mirzo Siroj Hakim].” PhD diss., Academy of Sciences Rep. Tadjikistan, 2000 (in Tajik).
- Bozorov, N.Sh. “Prosvetiteli i ikh puteshestviia [Enlighteners and their travels].” *Bulletin of The Tajik National University. Philological sciences. Tajik National University*. Dushanbe, no. 4 (2017): 292–297 (in Tajik).
- Bozoroda, N.SH. “Puteshestvie kak zhanr publitsistiki (teoreticheskie, istoricheskie i empiricheskie problemy) [Travel as a genre of journalism: theoretical, historical and empirical problems]”. PhD diss., Tajik National University, 2021 (in Tajik).
- Brustad, Kristen. *Interpreting the Self: Autobiography in the Arabic Literary Tradition*. University of California Press, 2001.
- Khalid, Adeeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Khodzhev, S. “Literaturnyi tadjikskii iazyk v nachale XX veka: (Na materialakh ‘Tukhafi akhli Bukhoro’ Mirzo Sirodza Khakima) [Literary Tajik language at the beginning of the XX century: (Based on the materials of ‘Gifts to Bukharans’ by Mirzo Siroj Hakim)].” PhD diss., Academy of Sciences of the Tajik SSR, 1988 (in Tajik).
- Kornoukhova, G.G. “ ‘Musul'mane naidut svoje spasenie cherez Koran i v Korane’: k probleme dostizheniia material'nogo blagopoluchiiia naseleniia v azerbaydzhanskoi bogoslovskoi mysli kontsa XIX – nachale XX v. [‘Muslims will find their salvation through the Koran and in the Koran’: to the problem of achieving the material well-being of the population in Azerbaijani theological thought of the late 19th – early 20th centuries].” *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy 2011/2012*, 125–139. Moscow: Ekon-inform Publ., 2012 (in Russian).
- Kornoukhova, G.G. “Muslim ethics and the spirit of capitalism: the characteristics of Islamic entrepreneurship development in the Russian Empire between the nineteenth and early twentieth centuries.” *Social Evolution and History*, 17, no. 2 (2018): 121–139.
- Liebersohn, Harry. *The Travelers' World: Europe to the Pacific*. Harvard University Press, 2006.
- Mirza Siraj al-Din Hajji Mrza. ‘*Abd al-Ra'uf, Safarname-ye-Tohaf-e Bokhara* [Travelogue Gifts to Bukhara]. Teheran: Bū 'Ali Publ., 1369 [1991] (in Persian).
- Mirzo Sirodjiddin Hakim. *Gifts to Bukharians*. Dushanbe: Adib Publishing House, 1992 (in Tajik).
- Morrison, A. “Sufism, pa n-Isl a mism and Information Panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the Aftermath of the Andijan Uprising.” *Tartaria Magna* 2013, no. 2 (2013): 42–87 (in Russian).
- Presser, Jacques. “Memorires als geschiedbron.” *Winkler Prins Encyclopedie*, cilt. 8, 208–210. Amsterdam: Elsevier, 1958.
- Wennberg, F. *On the Edge. The Concept of Progress in Bukhara during the Rule of the Later Manghits. Studia Iranica Upsaliensia*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2013.

Информация об авторе / Information about the author

Шамсиддин Хуршедович Ризоев, старший преподаватель кафедры управления информационными процессами, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 82; sk.rizoev@igsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7770-6445>

Shamsiddin Kh. Rizoev, Senior tutor at the Department of Information Process Management, The Presidential Academy (RANEPa); 82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia; sk.rizoev@igsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7770-6445>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-233-246>
EDN: HQYLSP

Научная статья / Research article

**«Когда будет возможность,
буду стараться записать по-татарски»:
конструирование национальной идентичности в дневнике
гимназистки Фатимы Кашафутдиновой 1917–1920 гг.**

Стелла Назари

Высшая школа экономики, Москва, Россия

✉ stellanazari@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается процесс конструирования татарской гимназисткой Фатимой Кашафутдиновой собственной национальной идентичности на основе ее дневниковых записей 1917–1920 гг. в контексте социокультурных, экономических и политических изменений, происходивших на рубеже XIX–XX вв. и в результате Великой российской революции (1917–1922 гг.). Показано, как развивалось во времени использование автором дневника элементов татарского национального дискурса для осмысления себя и соотнесения себя с другими. Делается вывод, что потребность в конструировании Фатимой национальной идентичности в качестве татарки, которая отчетливо прослеживается на страницах дневника до мая 1918 г. в рамках дихотомии «русские/татары», со временем сошла на нет, так и не разрешившись до конца ввиду влияния на автора дневника как культурных и интеллектуальных процессов в татарской среде, так и русскоязычного городского культурного и социального пространства.

Ключевые слова: субъективность, национальная идентичность, татарский национализм, женские дневники, дневник гимназистки, Великая российская революция 1917–1922 гг.

Благодарности и финансирование: Я благодарна О.Ю. Бессмертной за ценные замечания, помощь и поддержку во время написания этой статьи. Я также выражаю благодарность Р.И. Тарнапольскому за предоставленную возможность ознакомиться с оригиналом дневника Фатимы.

Для цитирования: Назари С.Ш. «Когда будет возможность, буду стараться записать по-татарски»: конструирование национальной идентичности в дневнике гимназистки Фатимы Кашафутдиновой 1917–1920 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 233–246. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-233-246>

**‘When there is an opportunity, I’ll try to write it down in Tatar’:
National Identity as Constructed in the Diary
of High-School Student Fathima Kashafutdinova, 1917–1920**

Stella Nazari

HSE University, Moscow, Russia

✉ stellanazari@yandex.ru

Abstract: The author examines the process of construction of national identity by high-school student Fathima Kashafutdinova based on her diary entries of 1917–1920 in the context of sociocultural, economic and political changes at the turn of the 20th century and as a result of the Great Russian Revo-

lution (1917–1922). The author analyzes how elements of the Tatar national discourse developed in Fathima’s diary over time and how they were used to express her self-reflection and her identification with other people. Through their research, the author has discovered that Fathima’s had initially needed to construct her national identity as a Tatar, which can be clearly traced through the earlier pages of the diary. Nevertheless, by May 1918, any sign of a “Russians/Tatars” dichotomy disappeared in her text. However, this dichotomy was not completely resolved since she was influenced by both cultural and intellectual processes in the Tatar community as well as by the Russian-speaking urban cultural and social space.

Keywords: subjectivity, national identity, Tatar nationalism, female diaries, diary of a high-school girl, the Great Russian Revolution 1917–1922

Acknowledgements and Funding: I thank O. Bessmertnaya for her useful comments, assistance and support throughout the research. I also wish to express my gratitude to R. Tarnopolsky for opportunity to explore Fathima’s original manuscript.

For citation: Nazari, Stella. “‘When There is an Opportunity, I’ll Try to Write it Down in Tatar’: National Identity as Constructed in the Diary of High-School Student Fathima Kashafutdinova, 1917–1920.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 233–246 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-233-246>

Введение

В настоящее время все большую востребованность приобретает такое направление в историографии, как изучение субъективности, которое зародилось в зарубежных исследованиях о «советском человеке» сталинского периода в истории СССР под влиянием подходов Мишеля Фуко и Юрия Лотмана¹. На данный момент ведущими учеными этого исследовательского направления являются профессор Тель-Авивского университета Игал Халфин и профессор Ратгерского университета Йохен Хелльбек. В своих работах они отказались от применения либеральной концепции субъекта, которая предписывает человеку любой культуры и эпохи обладание индивидуалистическими порывами и фундаментальным стремлением к индивидуальной автономии². Вместо этого в основе их концепции лежит представление о том, что *Я* создается в процессе взаимодействия предписаний и практик, которые изменяются во времени и пространстве, направлены на индивидуумов и побуждают их к определенному образу жизни и стремлению к определенным целям³. Отказавшись также воспринимать содержание источника личного происхождения как «аутентичное свидетельство», И. Халфин и Й. Хелльбек обращаются к изучению процесса, посредством которого *Я* получает возможность высказать себя, а также тех концептов и идентичностей, на которых основывается эта способность к самовыражению⁴, а также воспринимают эти источники как материальные остатки исторических практик субъективации, которые должны использоваться историком в качестве свидетельства процесса конструирования индивидуумами себя в качестве самореплексирующих, подвергающих себя сомнению субъектов своего времени⁵.

Самым подходящим историческим источником для исследования субъективности, как заметил Й. Хелльбек, является дневник, так как этот жанр может оказывать помощь человеку в социальной адаптации, выступая инструментом конструирования собственного *Я* в соответствии с требованиями конкретной культуры⁶. Об этом говорит и профессор кафедры славистики Калифорнийского университета в Беркли Ирина Паперно, подчеркивая, что дневники не представляют собой за-

¹ Могильнер М. Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 218–220.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2021. С. 11–31.

стывшие отражения культуры эпохи, а служат «активными воплощениями одного из ее организующих принципов: ее темпоральности»⁷, так как одной из главных характеристик повествовательной формы дневника является то, что она позволяет автору непрерывное самоконструирование во времени.

Именно эти изменения в субъективности интересуют автора статьи, который ставит целью выяснить, как татарская гимназистка Фатима Кашафутдинова конструировала собственное *Я* – и особенно свою национальную принадлежность – в автокоммуникации в контексте социокультурных, экономических и политических изменений, происходивших на рубеже XIX–XX вв. и в результате Великой российской революции 1917–1922 гг.

Оригинал источника сохранился благодаря родственникам Фатимы. На данный момент он находится в Казани в семейном архиве Р.И. Тарнапольского – ее племянника. В 2013 г. Тарнапольский осуществил публикацию всех собранных им семейных документов, в том числе и дневника Фатимы, в сборнике под названием «Наш двадцатый век. Семейные хроники»⁸. В публикации оригинальный старотатарский текст был заменен переводом на русский язык, выполненный матерью автора сборника – Х.А. Тарнапольской, в связи с чем автор статьи обратился к оригиналу источника и сверил его содержание с публикацией, включая записи, которые в оригинале выполнены на старотатарском языке арабским шрифтом.

История семьи Кашафутдиновых в контексте модернизировавшейся Российской империи

Фатима Кашафутдинова родилась в 1899 г. в селе Карабашеве Бугульминского уезда Самарской губернии. Она была первым ребенком в семье. Ее отец Мифтах был выходцем из семьи крестьян-отходников. В пореформенную эпоху в Российской империи отходничество было распространенной практикой среди малоземельных крестьян, в том числе и крестьян из числа татар Бугульминского уезда⁹, которые из-за бедности отправлялись на заработки на сельскохозяйственные работы к русским помещикам. Так отец Фатимы, который с малых лет работал вместе с отцом, вероятно, осваивал русский язык в прямом общении с русскоязычными крестьянами. Более того, Мифтах получил начальное образование не в медресе, а в русской приходской школе, несмотря на то что его семья по вероисповеданию оставались мусульманами¹⁰.

Знание русского языка оказало большое влияние на жизнь Мифтаха осенью 1881 г. – летом 1892 г., когда Самарскую губернию охватил неурожай, вызванный засухой. Кашафутдиновы оказались не готовы к такому кризису: в год засухи они не могли собрать зерно, а запасов с маленького надела было либо недостаточно, либо их не было совсем. Помимо этого они, скорее всего, остались без работы, так как помещичьи владения пострадали не меньше, чем крестьянское хозяйство, а вместе с тем уменьшился и объем работ, к которым привлекали крестьян. В таких условиях Мифтах принял решение переехать на поиски заработка в Бугульму, где, как и во многих других городах Российской империи в конце XIX – начале XX в., включая города Урало-Поволжья, появлялись рабочие места в новых сферах занятости, чему способствовала индустриализация и развитие сферы услуг. В тот голодный год в города устремились и другие крестьяне, часть из которых, так и не найдя работы, возвращалась обратно в деревни. Однако Мифтах все же смог устро-

⁷ *Paperno I.* What Can Be Done with Diaries? // *Russian Review*, Vol. 63. № 4 (Oct., 2004). P. 566.

⁸ *Тарнапольский (Кашафутдинов) Р.И.* Наш двадцатый век. Семейные хроники. Казань, 2013.

⁹ *Халиков Н.* Отходничество // *История татар с древнейших времен*. Казань, 2013. Т. 6. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. С. 292–295.

¹⁰ *Тарнапольский Р.И.* Наш двадцатый век... С. 10.

иться посыльным в аптеку. Ключевым фактором в везении Мифтаха, как можно думать, являлась не столько возросшая необходимость в посыльных из-за вспышки инфекционных заболеваний, вызванных голодом, сколько знание Мифтахом русского языка. Именно этим он выделялся среди других претендентов на эту работу татарских крестьян и даже части татарских горожан¹¹, кто не мог прочитать названия лекарств на русском языке. Между тем в Бугульме татарское население было немалым, составляя, по разным источникам, на 1897 г. (всего лишь по прошествии пяти лет после описываемых событий) от 5,6¹² до 15 %¹³ по отношению ко всему населению города, где большинство были русскими.

Этот опыт определил судьбу Мифтаха, а вместе с ним и семьи Кашафутдиновых. В 1895 г. Мифтах женился на крестьянке из родного села Михизиган Хамидуллиной; у них родилось четверо детей, включая Фатиму. В дальнейшем Мифтах окончил фельдшерские курсы в Самаре и связал свою жизнь с медициной. Такой выбор профессии для мусульманина в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. был нечастым явлением, несмотря на то что татары, особенно в сельской местности, нуждались в медицинских работниках-единоверцах, так как с крайним недоверием относились к имперским врачам¹⁴. Так Мифтах стал частью имперского института, где большинство его коллег составляли русскоязычные подданные. Более того, из-за возрастающего участия женщин в жизни общества и расширения их образовательных возможностей Мифтах часто контактировал и с женщинами-медиками, число которых в Самарской губернии стремительно увеличивалось в начале XX в.¹⁵

Это обстоятельство и меняющаяся имперская социокультурная среда в целом оказали влияние на выбор Мифтахом учебного заведения для своей старшей дочери. В 1913 г. он попросил перевести его работать из сельской больницы Альметьево в уездный центр Бугульму, где он определил Фатиму, которой на тот момент было 14 лет, в русскую женскую гимназию. Точно неизвестно, где и как училась Фатима до этого возраста, но ее образованием определенно занимались, судя по ее воспоминанию:

в детстве я была лучше и способнее, я помню, мне тогда учение давалось очень легко...¹⁶

Роль учителя могла отводиться абыстай¹⁷, о которой Фатима упоминала, проживая уже в Бугульме:

Мы зашли на Съезд, и я там встретила абыстай и девчат – Камилу и Амину из Альметьева. ... Мы с Камилей когда-то вместе учились, она была моей подругой¹⁸.

¹¹ Согласно Габдрафиковой Л.Р., многие из татар, проживавших в городах на рубеже XIX–XX вв., не знали русского языка, особенно старшее поколение. См.: *Габдрафикова Л.Р.* Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань, 2015. С. 43.

¹² *Хамитбаева Н.* Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Приуралья в конце XIX в. // *История татар с древнейших времен...* Т. 6. С. 69.

¹³ Бугульма // *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб, 1907. Т. 1. С. 595.

¹⁴ *Габдрафикова Л.Р.* Татарское буржуазное общество... С. 136.

¹⁵ Рост числа женщин-медиков в Российской империи можно проследить на основе статистики. Так, например, в 1902 г. в Самарской губернии насчитывалось 5 женщин-врачей и 113 женщин-фельдшеров (для сравнения – мужчин-фельдшеров на тот момент числилось 255 человек), а в 1913 году в местных органах здравоохранения работали уже 24 врача-женщины и 253 женщины-фельдшера (мужчин-фельдшеров – 351 чел.). См.: Управление главного врачебного инспектора МВД. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению в России... [по годам]. СПб., 1902–1915.

¹⁶ *Кашафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 33.

¹⁷ Абыстай – грамотная религиозная женщина, часто супруга муллы или муэдзина, которая занималась у татар обучением девочек и служила передатчиком религиозного знания. См.: *Kefeli A.N.* *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy.* Ithaca, N.Y., 2014. P. 140–141.

¹⁸ *Кашафутдинова Ф.* Дневник [Рукопись]... С. 113–114.

Нельзя исключить, что Фатима также могла посещать новометодную исламскую школу для девочек, открытую в Альметьево тем самым Х. Атласовым¹⁹ – известным татарским общественным и политическим деятелем, к фигуре которого мы еще вернемся. Школа Х. Атласова, однако, закрылась за четыре года до переезда Кашафутдиновых в Бугульму. Возможно, она посещала русскую земскую школу, однако об этом нет прямых свидетельств.

В то время получение образования в имперских учебных заведениях не было распространенной практикой в мусульманских семьях: по статистике численность мусульман Урало-Поволжья в таких учебных заведениях в среднем, несмотря на отсутствие специальных ограничений (и, наоборот, особых поощрений), на протяжении второй половины XIX – начала XX в. оставалась низкой из-за отсутствия запроса у самих мусульман²⁰. Семья Кашафутдиновых представляла в этом отношении меньшинство. В Бугульме Кашафутдиновы влились в новую татарскую городскую культуру (некоторые исследователи называют ее «буржуазной»²¹), которая адаптировала европейский (русский, имперский) образ жизни. Особенно заметно это проявлялось в нормах, относившихся к внешнему облику и поведению женщины. Например, Кашафутдиновы привыкли одеваться на европейский манер, о чем свидетельствует то, что Фатима носила «платья с коротким рукавом и открытым воротником»²², то есть более открытую одежду, чем предписывалась мусульманкам в рамках ханафитского мазхаба, принятого у поволжских татар. Характерно, что, несмотря на открытие новометодных женских мектебов и медресе, а также более видимое участие татарских мусульманок в жизни общества, даже к 1917 г. на публике в большинстве случаев в татарских городских кругах все же старались сохранить разделение на женскую и мужскую сферы²³. Тем не менее Кашафутдиновы и их круг общения этим ограничениям в публичном пространстве не следовали: так, Фатима в дневнике рассказывала о том, как свободно общалась с молодыми юношами и со взрослыми мужчинами – друзьями ее родителей. Таким образом, решение Кашафутдиновых отдать свою старшую дочь в имперское образовательное учреждение было связано, вероятно, и с личным опытом Мифтахы в получении образования, и со степенью сближения Кашафутдиновых с имперскими институтами, городской культурой и с новыми гендерными нормами, в рамках которых женщины в Российской империи после окончания средних и высших учебных заведений могли заниматься квалифицированным трудом.

Татарский и русский языки дневника: татарский национализм и кризис идентичности

Свой дневник Фатима начала вести 7 (20) июня 1917 г., то есть после Февральской революции. В это время активизировалась политическая жизнь в стране, в частности и среди татар Урало-Поволжья. Созывались новые Всероссийские мусульманские съезды, в татарской прессе, издававшейся местными политическими элитами, начали появляться публикации с призывом создания культурно-национальной автономии, провозглашались декларативные национальные органы власти²⁴.

¹⁹ Мухаметдинова А.Х. Татарские интеллектуалы Бугульминского уезда в конце XIX – начале XX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 31–35.

²⁰ Саматова Ч., Юсупова А. Институты распространения русского языка и светского образования среди татар и башкир. Пореформенный период // История татар с древнейших времен... Т. 6. С. 833–834.

²¹ Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество...

²² Кашафутдинова Ф. Дневник Гимназистки... С. 19.

²³ Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество... С. 292.

²⁴ Хабутдинов А. Значение всероссийских мусульманских съездов 1917 г. // История татар. Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. С. 220–223.

Однако серьезные политические вопросы Фатиму в то время не волновали, судя по отсутствию записей на эти темы. Возможно, дома никто из членов ее семьи это не обсуждал, или же Фатима не придавала этой информации значения. Ей совсем недавно исполнилось 18 лет (1 (14) июня), и она переходила в 6-й класс женской гимназии.

Институционально женская гимназия не только побуждала девушку говорить, читать и писать на русском языке, но и определяла частично круг общения Фатимы и ее досуговые практики. У нее были подруги из числа одноклассниц – Соня и Лиза, с которыми Фатима проводила свободное время, о чем часто писала летом 1917 г. Фатима также посещала литературные вечера, на которых присутствовала русскоязычная молодежь. С воспоминания о таком вечере и начался ее дневник, так как девушка хотела выразить свою тоску по одному из гостей – юноше Боре²⁵. Гимназия также повлияла на формирование у Фатимы такой формы досуга, как чтение. Все лето Фатима посещала городскую библиотеку, где хранились книги русских или переведенных на русский язык европейских авторов и русскоязычные периодические издания, судя по тому, что оттуда брала Фатима (например, Л.Н. Толстого и журнал «Мир приключений») ²⁶. Таким образом, под влиянием гимназии и сопутствующих факторов именно русский язык Фатима чаще всего использовала для письменной речи.

Фатима периодически писала летом 1917 г., но после 29 августа (11 сентября) ее записи прекратились на некоторое время. В этот период она использовала татарский язык, которым на письме владела довольно хорошо, для кратких записей на религиозную тематику, связанных с мусульманским постом или праздниками, или с ее размышлениями по поводу ислама в целом (при этом на русском языке она на эти темы тоже писала)²⁷. Среди этих записей на татарском языке выделяется запись от 29 августа (11 сентября) 1917 г., где Фатима рассказывала о том, что участвовала в спектакле «Беренче театр»²⁸, так как ее позвали играть роль отказавшейся играть девушки Асма-апы²⁹. Вероятно, с этого момента Фатима вошла в круги татарской молодежи, которая занималась проведением спектаклей для местной татарской публики. Следует учесть, что в целом театр был видом искусства, который татарами в начале XX в. разрабатывался под влиянием русского театра, как и новый для татарской литературы жанр – драматургия³⁰. Эта культурная сфера была связана с реформистскими идеями, которые драматурги из числа татарской интеллигенции закладывали в свои пьесы. В большой мере эти идеи определялись стремлением определить татар как нацию в европейском романтическом смысле. Театр также влиял на эмансипацию мусульманских женщин как содержанием пьес, так и складыванием практики нахождения мужчин и женщин в одном помещении, а также предоставлением возможности женщинам заниматься актерским мастерством³¹. В целом вхождение Фатимы в эту культурную среду оказало на нее влияние, о котором будет сказано далее.

²⁵ *Кашафудинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 16.

²⁶ Там же. С. 17–18.

²⁷ Об использовании мусульманами (татарами) Российской империи русского языка в высказываниях об исламе см.: *Бессмертная О.Ю.* Только ли маргинали? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // *Islamology*. 2017. Т. 7. С. 139–179.

²⁸ «Беренче театр» («Первый театр») – спектакль драматурга Галиасгара Камала, сюжет которого строится вокруг открытия первого спектакля для татарского зрителя.

²⁹ *Кашафудинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 20.

³⁰ *Габдрафикова Л.Р.* Татарское буржуазное общество... С. 224.

³¹ Там же. С. 232.

Фатима возобновила ведение дневника в ноябре 1917 г. В это время в Петербурге уже произошла Октябрьская революция, а местные татарские политические объединения в Поволжье продолжали работу над проектами национальных автономий в рамках уже созданных, но более декларативных, чем имеющих реальную политическую власть. Фатима на тот момент все еще не была озабочена политикой. Тем не менее, вскоре это начало меняться.

4 (17) ноября 1917 г. в гости к отцу Фатимы пришел Х. Атласов. В 1917 г. он находился в Бугульме и сосредоточился на воплощении джадидских реформистских идей³² в области образования путем преподавания в открытой им вместе с Габдрахманом Сагди³³ учительской школы для татар.

В тот день он не дождался Мифтаха, однако побеседовал с Фатимой. В записи она оценила его как «хорошего человека» и выразила желание, чтобы было больше «таких людей, таких татар»³⁴. Под впечатлением от разговора с Х. Атласовым Фатима впервые сконструировала для себя предмет национальной гордости в виде наличия образованных (не в рамках традиционной религиозной учености, а на европейский манер) и деятельных представителей именно среди татар.

В записи от 7 (20) декабря 1917 г. Фатима рассказала, что у нее ночевала Асма – та самая девушка, которая отказалась от роли в спектакле, но в целом была частью татарской молодежи, занимавшейся театральными постановками. В ту ночь они с Асмой читали драму татарского писателя и публициста Гаяза Исхаки «Мугаллима», в которой представлен образ новой независимой татарской девушки-учительницы. Впечатление о пьесе было дополнено рассказами Асмы об образовании в женском медресе. Вот как об этом писала Фатима:

У меня ночует Асма, мы с ней прочитали очень интересную книгу «Мугаллима» и много говорили. Она говорила мне о своем учении. Я ужасно рада тому, что у нас, у татар, так скоро и так энергично принялись за просвещение. У них проходят все, что проходят у нас в гимназии. Я не могу сказать, как я рада. Ведь (я) мы об этом даже мечтать не смели. И я совершенно не ожидала, что мы так можем³⁵.

Здесь интересны несколько дискурсивных моментов, которые на страницах дневника Фатима использовала впервые. Дело в том, что, выражая свою реакцию на пьесу и на то, что она узнала об образовании Асмы, Фатима начала исходить из того же прогрессистского дискурса, который использовал в своих суждениях Х. Атласов в стремлении, по его словам,

распространить вначале среди неграмотной, необразованной нации (имеются в виду татары. – С.Ш.) науки, ознакомить ее с политической литературой, дать детям знания, потребные для современности³⁶.

Как видно на уровне дискурса, этот джадидский проект повторял сконструированную европейскими странами дихотомию «отсталый восток – развитый запад»³⁷, которую в данной записи и позаимствовала от Х. Атласова Фатима. Для нее

³² О джадидах и подходах к их изучению в историографии см.: *Бустанов А., Дородных Д.* Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133>; *Бессмертная О.Ю.* Только ли маргиналии?.. С. 139–179.

³³ Гибдрахман Сагди (1889–1856) – филолог, специалист в области истории татарской и узбекской литературы.

³⁴ *Кашафудинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 20.

³⁵ Там же. С. 23.

³⁶ Цит. по: *Хабутдинов А.Ю.* Концепция государственности у Хади Атласи // *Studia Türkologia.* Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2008. Вып. 7–8. С. 8.

³⁷ *Said E.W.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. New York, 1978.

татары, хоть и выступали в качестве своей собственной референтной группы, были общностью «отсталой», «просвещением» которой необходимо заниматься, причем обучать их знаниям, выработанным европейцами, – ведь мы видели, что Фатима была «рада», что «у них проходят все, что проходят у нас в гимназии»³⁸. При этом в данном сравнении отчетливо заметна и ассоциация Фатимы с гимназией по подразумеваемой противоположности татарским медресе. Важно, что девушка в целом начала выражать интерес к культурным процессам той общности, к которой она в восприятии окружающих должна была себя относить. Вероятно, это было связано с одновременными факторами, которые начали влиять на Фатиму именно в это время, судя по хронологии дневника: с идеями, заложенными в татарской драматургии, с общением с театральной татарской молодежью и с Х. Атласовым.

На влияние последнего хотелось бы обратить особое внимание в связи с дальнейшими записями дневника, в которых он был упомянут. 14 (27) декабря 1917 г. Х. Атласов снова был в гостях у Кашафутдиновых и посоветовал Фатиме и ее брату Ильясу читать татарские газеты, чтобы «воспитывать в себе национальное чувство», так как «только тогда нация движется вперед»³⁹. По оценке, которую в тот день Фатима дала Х. Атласову, видно, что она отнеслась к нему с уважением и восхищением, а к его мировоззрению проявила любопытство:

Человек практический, но такой, каких дай Бог больше среди татар. Мне очень хочется знать его взгляд на жизнь, очень хочется⁴⁰.

О том, насколько серьезно Фатима воспринимала слова джадида, свидетельствует то, что Фатима запомнила и записала его совет не «читать романы (даже хорошие) и вообще книги, которые не дадут никакой практической пользы»⁴¹, и вскоре, действительно, хотя и ненадолго, отказалась от чтения русской художественной литературы, заменив ее научно-популярной, о чем упоминала в записи от 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.): «За эти дни читала „Паскаль и его философия“, мне понравилось»⁴².

В записи от того же числа Фатима описывала общение с Х. Атласовым и Г. Сагди, с которыми она встретила в гостях у общих знакомых. Тогда Фатима со своей подругой Зухрой попросили у мужчин разрешения посещать вольнослушательницами учрежденную ими школу, что свидетельствует об интересе, который зародился у девушек к образованию, которое Х. Атласов и Г. Сагди считали нужным дать мусульманским юношам и девушкам. Под влиянием событий вечера запись в этот день начиналась на татарском языке, которому, возможно, Фатима уже начала придавать значение как составной части национальной идентичности. Более того, в тот день Фатима написала о своем отказе от участия в театрализованном представлении в гимназии, объясняя это тем, что среди гимназисток она чувствовала себя «чужой» и ей было «почти всегда не по себе»⁴³. Однако из этой записи нельзя сделать однозначного вывода о том, начала ли это чувствовать Фатима, так как начала конструировать свою инаковость по отношению к ним как татарка, или по какой-то другой причине.

Записи о посещении девушкой учительской школы встречаются с декабря 1917 г. по март 1918 г. Содержание занятий включало чтение Корана и перевода

³⁸ Кашафутдинова Ф. Дневник Гимназистки... С. 23.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 24.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

его на татарский язык, лекции о женском образовании и воспитании, сопровождавшиеся комментариями Фатимы с заимствованными элементами прогрессистского и национального дискурсов, воспроизводимых на этих занятиях:

Это учебное заведение меня очень радует тем, что ведется большая работа по развитию культуры татарского народа!⁴⁴

Таким образом, Фатима попала под влияние этого учебного заведения и начинала подстраиваться под принятые там нормы, по крайней мере, в аспекте использования татарского языка устно и письменно, в том числе и потому что занятия шли на татарском. Все записи Фатимы, которые описывали проходившие там занятия, были выполнены на татарском языке, за исключением одной, о которой будет сказано позднее.

Прямо выраженная рефлексия по поводу национальной идентичности впервые была записана Фатимой 25 февраля (10 марта) 1918 г. В начале записи Фатима выражала свою печаль из-за того, что в женской гимназии на чтение, назначенное литературным кружком, почти никто не пришел, в связи с чем оно не состоялось⁴⁵. В этот день Фатима пришла в «дурном расположении духа», «особенно чувствовала свое одиночество, свою необщительность», и очень бранила себя за «неестественность, мелочность, раздражительность»⁴⁶. В этом порыве чувств она вспомнила о Х. Атласове, вслед за чем перешла в записи на татарский язык и нашла объяснение тому, почему никто не пришел на чтения:

...не буду читать романов, Атласов прав, они очень вредны (на рус. яз.). <...> Товарищи от меня отстраняются. Наверно потому, что я татарка. Газиза тоже говорит, потому что татарка (на татарском яз.)...⁴⁷

Интересно здесь то, что Фатима начала задумываться о своей инаковости по отношению к русским гимназисткам, в среде которых она провела несколько лет, а с некоторыми и вовсе была подругами, и находила сквозь призму этой инаковости объяснение тем событиям, которые могли быть с этим и не связаны. Помимо этого важно отметить, что она говорила об этом со своей подругой Газизой и, вполне вероятно, что та могла подтолкнуть ее к этой мысли или же помочь ей ее сформулировать в рамках дихотомии мы/они, где «они» обладали властью не принимать «нас», а не наоборот. Но ощущала ли Фатима в полной мере принадлежность к этому «мы»?

В конце февраля 1918 г. (по старому стилю) Фатима приняла участие в городском параде, посвященном годовщине Февральской революции, и написала, что «нас опечалило то, что татары шли в самом конце»⁴⁸. В этой фразе выражено ощущение, которое Фатима считала коллективным для национальной общности, а также ее восприятие национальной группы, свою принадлежность к которой она начала выражать на страницах дневника местоимениями 1-го лица множественного числа. Причем, по крайней мере, в этом конкретном случае, она ставила «нас» в неравное, ущемленное положение по отношению к другим.

Помимо указанных выше институций и мероприятий Фатима стала участвовать в собраниях женщин-мусульманок, на которых присутствовала ее подруга Асма. Судя по записям, Фатима участвовала в них всего лишь дважды – 26 февраля (11 марта) и 3 (16) марта 1918 г., так как спросом такие собрания среди бугульмин-

⁴⁴ *Кашафудинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 25 (татарский яз.).

⁴⁵ Там же. С. 33.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же (татарский яз.).

⁴⁸ *Кашафудинова Ф.* Дневник [Рукопись]... С. 68 (татарский яз.).

ских мусульманок не пользовались. Однако участие в мероприятиях, где главными агентами являлись татары и татарки, побуждало Фатиму все больше осознавать себя татаркой; так, в той же записи она поделилась тем, что «начала понимать, что значит любить свою нацию»⁴⁹, впервые употребляя на татарском слово «миллэт»⁵⁰, которое в джадидской периодической печати в последней четверти XIX в. обрело значение, аналогичное русскому термину «нация», например, у известного джадида Исмаила Гаспринского⁵¹. В этот же день Фатима на этот раз сама взяла у Асмы татарскую периодику, хотя прежде по собственной инициативе читала только на русском языке. Вполне возможно, что Фатима работала над конструированием собственной татарской идентичности путем восполнения пробела в познании того, что она воспринимала в качестве продукта национальной культуры, приобщенность к которому была необходима для того, чтобы Фатима чувствовала себя татаркой. Более того, в данной записи впервые проявился интерес Фатимы к национальной политике:

Нафиса-апа рассказывала: на днях в Казани по случаю присвоения Татарской Республике автономии были с большевиками столкновения⁵².

Именно в таком контексте и появляется уже прочитанная нами дневниковая запись от 7 (20) марта 1918 г., где Фатима по памяти пыталась законспектировать лекцию Х. Атласова, прочитанную им в учительской школе, на которой он, судя по записи, транслировал элементы татарского национального исторического нарратива. Несмотря на то, что лекция была проведена на татарском языке, Фатима передавала в дневнике услышанное в пересказе на языке русском. Завершая эту запись, она написала одно предложение на татарском языке, в котором заявила, что она «эту лекцию хотела записать на родном языке, но не получилось, написала на русском языке», и что «когда будет возможность», она будет стараться «записать по-татарски»⁵³.

Из этой лекции она вынесла мысль о том, что татары

со всех сторон окружены русскими и находятся все время под их влиянием, что между татарами есть люди, которые забыли свой язык, свои обычаи...⁵⁴

Также ею было отмечено, что татары в изменившейся постреволюционной ситуации

должны как можно <...> избегать влияния русских, учиться, но брать только науку без примесей⁵⁵.

И следом за этой частью записи, выполненной на русском языке, она сразу же, воспринимая, видимо, этот тезис как укор в свою сторону, постаралась оправдать себя тем, что хотела записать ее «на родном языке, но не получилось», и то, что она впредь, когда будет возможность, будет стараться писать на татарском⁵⁶. Таким образом, под влиянием авторитета Х. Атласова и транслируемых им националистических идей Фатима начинала придавать особое значение использованию татарского языка

⁴⁹ *Каиафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 36 (татарский яз.).

⁵⁰ *Каиафутдинова Ф.* Дневник [Рукопись]... С. 78.

⁵¹ Это можно видеть, например, в письме И. Гаспринского востоковеду А.Н. Самойловичу. См.: *Зайцев И.В., Котюкова Т.В.* «Шейх» и «мугаллим-устан»: письма Исмаила Гаспринского Александру Самойловичу // *Minbar. Islamic Studies.* 2020. № 13 (3). С. 513–537.

⁵² *Каиафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 36 (татарский яз.); О событиях, упомянутых Фатимой, см.: *Усманова Д.* Попытки провозглашения штата «Идел-Урал» и судьба национальных проектов весной 1918 г. // *История татар...* Т. 7. С. 243–248.

⁵³ *Каиафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 37.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

в своих дневниковых записях как манифестации своей принадлежности к татарской нации даже в автокоммуникации. Но после этих слов Фатима, вероятно, поняла и свое отличие от тех характеристик, которыми татары должны обладать или которые они должны, наоборот, отвергать, ведь она находилась на перекрестье двух культур. Вставал вопрос, кем же тогда являлась Фатима в рамках этих координат?

После этого эпизода Фатима стала называть знакомых ей людей по их национальной принадлежности, чего до этого ни разу не встречалось. Например, в записи от 9 (22) марта 1918 г. Фатима отзывалась о своих одноклассниках как о ее «русских товарищах»⁵⁷, выделяя тем самым то, что для нее они стали другими, не такими, какой была она. Помимо этого, принадлежность к «русским» и к чему бы то ни было «русскому» начала обретать на страницах дневника негативную коннотацию в контексте заимствования черт этой «русскости» Фатимой:

Если судить по себе и еще по нескольким примерам, то воспитание в русских учебных заведениях, среди русских девочек на нас оказывает нехорошее влияние. Ну что, например, из меня вышло? Бог знает, что <...> Что-то непригодное к жизни⁵⁸.

Это повторяло тезис Х. Атласова, воспроизведенный в более ранней записи самой Фатимой, несмотря на то что с момента лекции прошло почти два месяца, так как эти слова появились в дневнике 6 мая 1918 г. Это свидетельствует о том, что националистический дискурс Х. Атласова стал для Фатимы важной культурной доминантой, которую она стала использовать для описания себя не только в момент коммуникативной ситуации, а постоянно. Эта доминанта также подвигала Фатиму рефлексировать над своим положением между двумя культурными мирами, которые стали для нее полярными. Например, в этой же записи она встраивала отрицательные воспоминания об опыте в гимназии в эту парадигму:

Причиной же моего одиночества было то, что я воспитывалась среди русских, а они меня чуждались как татарки и смотрели на меня сверху вниз, я же по своей врожденной гордости и самолюбию не могла при таких обстоятельствах сдружиться с ними⁵⁹,

и тем самым использовала дихотомию «мы/они» для конструирования своей национальной идентичности. Однако при соотнесении себя с той общностью, которая должна была выступать как «мы», она также чувствовала себя другой для них:

Правда, это так печально: от своих отстанешь и к чужим не пристанешь. Я особенно отстала от своих, и меня у нас чуждаются. Вот положеньице! <...> Я, кажется, слишком холодна и меня все сторонятся, считают меня гордой ужасно, ставящей себя выше всех и не любящей мусульман-татар. Но ведь это неправда! Кого же мне любить, как не моих бедных несчастных сородичей! Они меня не понимают. Я не могу им доказать ошибочность их мнения насчет того, что я не люблю их...⁶⁰

После вышеприведенной записи прямо выраженная рефлексия по поводу собственной национальной идентичности на страницах дневника больше не появлялась. Фатима тем не менее продолжала участвовать в татарских театральных постановках, писать иногда на татарском языке и интересоваться татарской литературой, однако с не меньшим интересом продолжала читать и художественные произведения русскоязычных авторов, что являлось продолжением прежних ее культурных практик. В записях Фатимы закрепились термин «нация» и другие характерные элементы национального дискурса, такие как «настоящий татарин»⁶¹, «татарки должны быть

⁵⁷ *Кашафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 37.

⁵⁸ Там же. С. 47 (на татарском яз.).

⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 66.

такими»⁶², «в гостях у одних татар»⁶³ и др. В то же время специальные указания на то, что кто-то из ее окружения является «русским», из записей Фатимы исчезли. Это могло быть связано с тем, что она, если даже не помещала себя с ними в одну общность, то хотя бы перестала рассматривать их как кого-то настолько чуждого и отличного от нее самой, что это нуждалось в отдельном проговаривании. Учтем также, что она продолжала тесное общение со своими русскими подругами. Судя по последним страницам дневника, Фатима перестала придавать значение тому, в зоне какого культурного влияния она находилась и элементы чьей культуры усваивала и воспроизводила. Следует также отметить, что с мая 1919 г. прекратилось влияние Х. Атласова на Фатиму, так как ему пришлось покинуть г. Бугульму вместе с отступающими под предводительством А.В. Колчака белогвардейскими войсками, при власти которых Х. Атласов был председателем уездной земской управы. В целом можно предположить, что потребность Фатимы в конструировании национальной идентичности в рамках дихотомии «русские/татары» со временем сошла на нет, так и не разрешившись до конца. Произошло это, вероятно, из-за ограниченности данной рамки для описания социального круга и выражения субъективности девушки, а также в связи с тем, что Фатиму начали волновать другие аспекты конструирования собственного Я, связанные с выпуском из учебного заведения и вступлением во взрослую жизнь.

Выводы

Фатима выросла в семье, вполне успешно встроенной в имперские институты и перенявшей социальные и культурные нормы русской городской среды, особенно в гендерном аспекте. Осенью 1917 – первой половине 1918 г. она начала находиться не только под влиянием имперских институтов, а в частности – женской гимназии и ее круга общения оттуда, но и под влиянием современных ей джадидских просветительских и национальных идей, которые приобрели особую актуальность в контексте революции и Гражданской войны. Она усваивала их через татарскую драматургию, дружбу с театральной татарской молодежью, а также посредством общения с известным татарским интеллектуалом и политиком Х. Атласовым, подтолкнувшим ее к посещению на правах вольного слушателя учительской школы для мусульман, которая и служила реализацией джадидских просветительских идей ее основателей – самого Х. Атласова и татарского филолога Г. Сагди. Именно из-за этого влияния Фатима на страницах дневника постепенно начала употреблять элементы татарского национального и прогрессистского дискурсов, ставшими для нее культурными доминантами, а также рефлексировать над собственной национальной идентичностью. Однако в конечном счете, несмотря на попытки Фатимы, у нее не получилось вписать свою национальную идентичность в дихотомию «мы/они» из-за ее положения на стыке двух культур, которые стали полярными в ее восприятии. На страницах дневника Фатима так и не разрешила это противоречие и со временем перестала придавать ему значение, что могло быть связано с прекращением авторитета Х. Атласова в связи с его отъездом из г. Бугульмы в мае 1919 г., с окончанием гимназии и вступлением Фатимы во взрослую жизнь, а также с осознанием ограниченности дихотомии «свои/чужие» для выражения ее субъективности.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 13.03. 2023

⁶² *Кашафутдинова Ф.* Дневник Гимназистки... С. 49.

⁶³ Там же. С. 63.

References

- Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokah i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2016 (in Russian).
- Bessmertnaya, O. “Mere Marginalia? Three Cases of ‘Muslim Russian’ in the late Russian Empire (the 1890s–1910s).” *Islamology*, no. 7 (1) (2017): 139–179, <http://doi.org/10.24848/ismlg.07.1.08> (in Russian).
- Bustanov, A., Dorodnykh, D. “Jadidism as a Paradigm for Studying Islam in the Russian Empire.” *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 35(3) (2017): 112–133, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133> (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R. *Tatarskoe burzhuznoe obshchestvo: stil' zhizni v epokhu peremen (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)* [Tatar bourgeois society: Lifestyle in an era of change (the second half of the 19th – early 20th century)]. Kazan: Tatar Book Publishers, 2015 (in Russian).
- Hellbeck, J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. Moscow: NLO Publ., 2021 (in Russian).
- Kashafutdinova, F. “Dnevnik gimnazistki [The diary of a high-school girl].” In Tarnapol'skii, R.I. *Nash dvadtsati vek. Semeinye hroniki* [Our Twentieth Century. The Family Chronicle]. Kazan: [N.s.], 2013 (in Russian).
- Kefeli, A. N. *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2014.
- Khabutdinov, A. *Organy natsional'noi avtonomii tatar v 1917–1919* [Organs of Tatar National Autonomy in 1917–1919]. Vol. 7 of *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).
- Khabutdinov, A. Yu. *Kontsepsiia gosudarstvennosti u Khadi Atlasi* [Hadi Atlasi's Concept of Statehood]. *Studia Türkologia. Voronezh Turkological Collection*, no. 7-8 (2008): 7–22 (in Russian).
- Khabutdinov, A. *Znachenie vserossiiskikh musul'manskikh s"ezdov 1917* [The importance of the All-Russian Muslim Congresses of 1917]. Vol. 7 of *Istoriya tatar s drevnejshih vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).
- Khalikov, N. *Otkhodnichestvo* [Seasonal work]. Vol. 6 of *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).
- Khamitbaeva, N. *Sotsial'no-soslovnyi sostav i obshchestvennoe razdelenie truda v tatarskikh obshchinakh gorodov Povolzh'ia i Priural'ia v kontse XIX v.* [Social and class composition and social division labour in city Tatar communities in the Volga and Ural region in the late 19th century]. Vol. 6 of *Istoriia tatar s drevneishih vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).
- Mogilner, M. *Interv'iu s Igalom Khalfinym i Jokhanom Khell'bekom* [Interviews with Igal Halfin and Jochen Hellbeck]. *Ab Imperio*, no. 3 (2002), 217–260 (in Russian).
- Mukhametdinova A. *Tatarskie intellektualy Bugul'minskogo uezda v kontse XIX – nachale XX vv.* [Tatar Intellectuals of Bugulma District at the end of 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki: gumanitarnye nauki*, no. 12 (2018): 31–35 (in Russian).
- Paperno I. “What Can Be Done with Diaries?” *Russian Review* 63, no. 4 (2004): 561–573.
- Said, E.W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New York: Vintage books, 1978.
- Samatova, Ch., and Yusupova, A. *Instituty rasprostraneniia russkogo iazyka i svetskogo obrazovaniia sredi tatar i bashkir. Poreformennyi period* [Institutes of Russian Language and Secular Education for Tatars and Bashkirs. Post-reform Period]. Vol. 6 of *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).
- Usmanova, D.M. *Popytki provozglasheniia shtata 'Idel'-Ural' i sud'ba natsional'nykh proektov vesnoi 1918* [Attempts at proclaiming the «Idel-Ural state» and national projects in the spring of 1918].

Vol. 7 of *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The History of the Tatars since Ancient Times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History Publ., 2013 (in Russian).

Zaytsev, I.V., and Kotyukova, T.V. 'Sheikh' i 'mugallim-ustad': pis'ma Ismaila Gasprinskogo Aleksandru Samoilovichu ['Sheikh' and 'mugallim-ustad': Letters from Ismail Gasprinsky to Alexander Samoilovich]. *Minbar. Islamic Studies*, no. 13 (3) (2020), 513–537, <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-3-513-537> (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Стелла Шокур Назари, магистрант истории Института классического Востока и античности, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20; stellanazari@yandex.ru

Stella Shokur Nazari, undergraduate student of Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia; stellanazari@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>
EDN: HJOYHV

Научная статья / Research article

«Жизнеописание» Ибрагима Махмудова: советский партийный деятель о сельской мусульманской общине начала XX века

Марина Имашева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

imaschewa@yandex.ru

Аннотация: Проведен ретроспективный анализ воспоминаний Ибрагима Махмудовича Махмудова (1893–1970), астраханского юртовского татарина, одного из активных участников советского строительства в татарских селах Астраханской области. Незадолго до своей смерти, в 1969 г., И.М. Махмудов закончил рукописный вариант воспоминаний, в котором отразил аспекты повседневной жизни мусульманской общины юртовско-татарского села Зацарево в 1900–1914 гг. На основании личных наблюдений Махмудов составил воспоминания о последних полутора десятилетиях спокойной жизни татаро-мусульманской общины провинциального российского города, предшествовавших бурным событиям войн и революций, которые закончились установлением советской власти. Автор воспоминаний всесторонне и глубоко, порой скрупулезно освещает события этих лет, с позиций человека, являвшегося неотъемлемой частью этой традиционной общины. Несмотря на то, что специальной задачи историко-этнографического анализа И.М. Махмудов не ставил, его взгляд как носителя описываемой культурной традиции по степени «погружения» в материал превосходит любые сторонние наблюдения профессионалов. В этом состоит главная ценность исследуемого источника.

Ключевые слова: астраханские татары, махалля, шариат, ислам, мусульманское духовенство, социальное неравенство

Для цитирования: Имашева М.М. «Жизнеописание» Ибрагима Махмудова: советский партийный деятель о сельской мусульманской общине начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 247–262. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>

‘Biography’ by Ibrahim Makhmudov: a Soviet Party Leader Views on a Rural Muslim Community of the Early 20th Century

Marina Imasheva

Kazan Federal University (Volga Region), Kazan, Russia
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

imaschewa@yandex.ru

Abstract: The author analyzes the memoirs of Ibrahim Makhmudovich Makhmudov (1893–1970), an Astrakhan Yurt Tatar, one of the active builders of the Soviet system in the Tatar villages of the Astrakhan region. Shortly before his death, in 1969, I.M. Makhmudov completed a handwritten version of his

memoirs, in which he reflected aspects of the daily life of the Muslim community of the Yurt-Tatar village of Zatsarevo in 1900–14. Based on the personal observations, Makhmudov compiled memories of the last decade and a half of the quiet life of the Tatar-Muslim community of a provincial Russian town before the turbulent events of wars and revolutions that ended with the establishment of Soviet power. The author of the memoirs, as an eyewitness and bearer of cultural tradition, comprehensively and deeply, sometimes scrupulously, covers the events of the early 20th century in a closed Muslim community – the mahalla. However, his assessments to these events and lifestyle area also assessments of a Soviet party leader, who both was an atheist and a person with a huge life experience in the struggle for the ideals of Soviet power as well as a convinced supporter.

Keywords: Astrakhan Tatars, mahalla, Sharia, Islam, Muslim clergy, social inequality

For citation: Imasheva, Marina. “‘Biography’ by Ibrahim Makhmudov: a Soviet Party Leader views on a Rural Muslim Community of the Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 247–262 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>

Введение

Начало XX в. – это последние годы существования традиционной мусульманской общины в Российской империи со всеми присущими ей характеристиками изолированности от православного российского социума¹. Возглавляемые представителями буржуазии и мусульманским духовенством российские мусульмане в течение веков сохраняли этноконфессиональную замкнутость. Но вместе с тем первые полтора десятилетия XX в. – это время «пробуждения» мусульман Российской империи, формирования новых общественных форм развития, в том числе и тех, которые с критических позиций стали относиться к религиозным институтам².

Исследователи истории российского ислама в имперский период в своем распоряжении имеют значительный комплекс письменных опубликованных и неопубликованных источников. Они непосредственно отражают процессы, происходившие в развитии уммы на протяжении длительного периода времени. Это и делопроизводственная документация, и законодательные акты, и материалы периодической печати, и различные документы личного происхождения. Все эти исторические свидетельства составлены, в основном, в тот период истории, который они отражают в своем содержании. В поле нашего зрения как раз оказался источник личного происхождения – воспоминания («Жизнеописание») астраханского татарина И.М. Махмудова о его юности, которая прошла в татарском селе Зацарево.

В документах личного происхождения – письмах и дневниках, написанных в то же время, которое в них освещается, присутствуют субъективные оценки, но они носят характер современного переживания и оцениваются с современных мировоззренческих установок автора. Есть также документы личного происхождения, которые составлены спустя какое-то время, часто через десятилетия, когда человек, уже прожив значительную часть жизни, хочет рассказать о событиях былого. И эти документы, которые называют мемуарами (воспоминаниями), уже несут в себе субъективность иного рода. Автор пишет о событиях прошлого, ориентируясь на реальность, которая его окружает в настоящем. В этом отношении воспоминания И.М. Махмудова представляют большой исследовательский интерес: автор пишет о дореволюционной мусульманской общине в последние годы ее существования (1900–1914 гг.) и всех аспектах ее жизни с позиций советского человека, атеиста, члена ВКП(б). Махмудов твердо верит в светлое будущее, он считает, что идеал

¹ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в к. XVIII – нач. XX вв. Казань, 2001. С. 26.

² Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань, 2005. С. 22.

общественного устройства – это отсутствие социального расслоения, гендерного неравенства и частной собственности, без какого-либо влияния «темной религиозной» идеологии. Именно с этих позиций он оценивает все происходившее в его юности в мусульманской общине, членом которой он был.

При этом в центре внимания автора – важные вопросы общественной жизни, которые радикально и эффективно (с точки зрения коммунистических представлений о социальной справедливости) были «перестроены» советской властью. В их числе образование, здравоохранение, отношение к религии и суевериям, женский вопрос, социальное неравенство. Касаясь весьма подробно этих вопросов, И. Махмудов всячески демонстрирует неправильность их постановки и решения в досоветский период.

Феномен советской субъективности стал предметом научного осмысления в исторической науке не так давно. Долгое время он вообще был вне исследовательского поля историков, и изучался психологией и философией. Благодаря работам западных исследователей субъективность в последние десятилетия стала изучаться историками-советологами. В этом отношении особое место занимает работа Ш. Фицпатрик «Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века», в которой она затронула вопрос переосмысления советскими людьми, родившимися и повзрослевшими до установления советской власти, своего дореволюционного прошлого³. Также эта проблема была исследована в работах С. Коткина⁴ и Й. Хелльбека⁵. Авторы рассматривают «советскость» человека как социальный продукт эпохи через его собственное конструирование советской субъективности. Также анализируется то, как у советских людей первого поколения, имевших дореволюционное прошлое, произошла трансформация мировоззренческих основ.

Что касается работ по истории астраханских мусульман, то их перечень крайне мал. Еще до революции о муллах и организации духовенства в Астраханской губернии писал В.В. Дремков⁶. В советский период данная тема не рассматривалась, и только в постсоветский период вышли работы по истории разных этнических групп астраханских мусульман. Наиболее значимой является работа Д.М. Исхакова, посвященная этнографии астраханских татар⁷. В 2008 г. вышла в свет работа В.М. Викторина «Ислам в Астраханской области»⁸, большая часть которой посвящена проблеме восстановления исламских институтов в регионе в конце 1980 – начале 1990-х гг. Автор настоящей статьи исследовал социально-экономическую историю мусульман Астраханской губернии в дореволюционный период⁹.

Ни в одной из опубликованных работ «Жизнеописание» И.М. Махмудова не изучалось ни с исторической, ни с этнографической точек зрения. Также не исследовался феномен советской субъективности среди астраханских мусульман. Поэтому задачей автора данной статьи является исследование воспоминаний как исторического источника с точки зрения субъективного подхода. Целью исследования является ответ на вопрос, как проявляется субъективность советского человека 1960-х гг., атеиста и коммуниста, при оценке жизни татаро-мусульманской сельской общины начала XX в., членом которой он был в юности.

³ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

⁴ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995.

⁵ Hellbek J. Revolution on My Mind: Writing on Diary under Stalin. Harvard, 2006.

⁶ Дремков В.В. О муллах Астраханской губернии. Астрахань, 1912.

⁷ Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. Казань, 2002.

⁸ Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. М., 2008.

⁹ Имаева М.М. 1) Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX – начале XX вв. Казань, 2020; 2) Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в кон. XVIII – нач. XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015.

«Жизнеописание» И.М. Махмудова как исторический источник

«Жизнеописание» И.М. Махмудова – это пример советской субъективности. Система мышления советского человека в воспоминаниях является определяющей. Период взросления автора сопряжен со многими трудностями тяжелой жизни крестьянина-батрака, получившего лишь начальное мусульманское религиозное образование. Законы шариата, праздничная культура, социальное неравенство, недоверие к религиозным авторитетам – главные темы, которые затрагивает И.М. Махмудов. При этом он последовательно демонстрирует свою мировоззренческую позицию, свойственную для эпохи 1960-х гг.: «так жить нельзя, неправильно», это темное прошлое, в котором хозяева жизни – «богатеи и муллы» управляли «бедняками».

Воспоминаниями своими И.М. Махмудов решил поделиться с родственниками, прежде всего с молодежью уже в глубокой старости, прожив долгую и интересную жизнь. В печатном варианте отмечено, что воспоминания автор составил в 1969 г., а в следующем, 1970 г., его уже не стало. Автор искренне верил, что описание порядков, которые царили в татарском обществе в условиях «несправедливого» социального строя, «засилия баев и мулл», будет «полезно для воспитания подрастающего поколения». Это – воспоминания человека советского по духу и восприятию действительности. При этом, воспитанный в духе этноконфессиональных традиций, он дает оценки «изнутри», основываясь на своей включенности в происходящие события.

Написанные от руки на русском языке мемуары И.М. Махмудов в конце своей жизни передал своим внукам, которые в конце 1960-х гг. вступали во взрослую жизнь. Один из них – астраханский редактор и издатель Н.З. Баширов, после окончания вуза в конце 1970-х гг. начал журналистскую деятельность в Астрахани и посчитал, что воспоминания деда являются значимым этнографическим материалом по истории и этнографии астраханских татар и передал их для изучения молодому тогда астраханскому историку и этнографу В.М. Викторину.

Последний осуществил небольшую обработку текста, в контексте уточнения татарских и исламских терминов, перепечатал письменный текст, использовал небольшие выдержки из него в своих этнографических исследованиях и порекомендовал к печати. Следует отметить, что текст подвергся самым небольшим изменениям, лишь в части лексических и орфографических ошибок. Стиль изложения, деление на разделы (например, «„Махалля“ – районы села»; «Религиозные школы – мектебе», «Призыв и проводы» и т. д.), некоторые повторы сюжетов в документе остались оригинальными. Всего разделов в «Жизнеописании» – 16. Они существенно отличаются по объему. Самые развернутые разделы содержат описание «классовой борьбы», по определению самого автора. Это сюжеты, связанные с имущественной дифференциацией внутри общины и отдельными попытками ее неимущих членов самоорганизоваться и «восстановить классовую справедливость», а также критикой царских властей, поддерживавших этот «несправедливый строй». Мы сознательно не останавливались на этих темах в мемуарах, так как они выходят за рамки поставленной нами цели.

К сожалению, в виде отдельного издания «Жизнеописание» так и не было опубликовано. Небольшие выдержки из воспоминаний И.М. Махмудова появились лишь в 1984–1985 гг. в районной газете «Коммунист Приволжья» (Приволжский район Астраханской области). Нам данный документ предоставлен внуком автора Н.З. Башировым.

На более чем тридцати страницах печатного текста предстает жизнь астраханской татарской сельской мусульманской общины начала XX в. Автор описывает тяжелую жизнь крестьян-садоводов, традиционные способы хозяйствования юртовских татар, систему конфессионального образования, способы врачевания, празд-

ничную культуру, роль шариата в системе половозрастных и семейно-брачных отношений и т. д. Освещение всех этих аспектов делает воспоминания важным этнографическим источником, особенно если учесть степень непосредственной «включенности» автора во все эти процессы и события.

При всем обилии этнографического материала «Жизнеописание» имеет ярко выраженную советскую идеологическую окраску. Автор описывает жизнь махалли через призму социального неравенства, апеллирует к различиям в уровне жизни богатых (баи и муллы) и бедных (крестьян, батраков, разнорабочих) татар, несправедливости общественного устройства татарского села в предреволюционный период (1900–1914 гг.). Также он постоянно подчеркивает, что такое положение было обусловлено невежеством и необразованностью людей, что стало следствием слепой веры в исламские религиозные догмы. И этим, как пишет И.М. Махмудов, пользовались «богатеи», беззастенчиво «эксплуатировавшие народ – бедняков».

Сравнительно-исторический анализ данного источника в контексте истории татарской махалли предреволюционного периода позволяет составить целостную картину того, какие серьезные сущностные трансформации она претерпела. Ведь несколько десятилетий советской власти с ее атеизмом и интернационализмом, коренным образом изменили духовную жизнь татар-мусульман, их отношение к религии и «пережиткам» традиционной культуры.

Воспоминания И.М. Махмудова представляют собой один из видов эго-источников, а именно – мемуаров. Мы видим воспоминания человека, который был воспитан в замкнутом этноконфессиональном окружении, получил образование в примечательном медресе, являлся составной частью махалли с ее этнокультурным традиционализмом, но под влиянием социалистических идей резко перестроил свое мировоззрение. Все, что окружало человека с детства, составляло смысл и образ жизни многих поколений предков, подверглось переосмыслению. Автор с позиций коммуниста и атеиста дает оценки жизни в традиционной мусульманской общине, частью которой он был с момента рождения.

В этом большая ценность анализируемого источника – он дает своеобразную «двойную проекцию» и представляет для историка интереснейший материал с точки зрения изучения социально-экономической истории и религиозной жизни российской татаро-мусульманской общины начала XX в.

Биография И.М. Махмудова

Ибрагим Махмудов родился 27 июня (9 июля) 1893 г. в с. Зацарево Зацаревской волости Астраханского уезда и губернии, в семье юртовского татарина Махмуда и его жены Бибижан, причисленных к приходу «Исай-аул». В 1918 г. он стал первым председателем сельсовета этого села. Сегодня территория села входит в г. Астрахань. Ибрагим Махмудович стал убежденным сторонником советской власти, участвовал в Гражданской войне на стороне большевиков, закончил курсы партхозактива и был непосредственным организатором советских органов власти, а затем и колхозов в татарских селах современной Астраханской области в 1920–1930-е гг. Несмотря на то, что он был репрессирован в 1949 г., в 1953 г. – амнистирован, И. Махмудов до конца своих дней оставался последователем идей коммунистической идеологии.

Автор начинает свои воспоминания с начала XX в. и заканчивает 1914 г. Почему? В 1900 г. нашему герою исполнилось семь лет, и с этого момента он включается в жизнь махалли, в трудовые будни. В два года И.М. Махмудов остался сиротой, в тяжелых родах его младшего брата умерла мать. Отец – Махмуд, бедный зацаревский крестьянин, оставшись один с пятью детьми на руках, женится на молодой вдове. Но та оказалась злой мачехой, маленький Ибрагим и его братья

и сестра материнского тепла не получили. Вскоре отец, подрабатывавший грузчиком на пристани, не уберегся и стал инвалидом, наступили совсем «черные времена». Дети вынуждены были сами кормить себя, обрабатывая небольшой участок земли и продавая урожай с него. Ибрагим и его братья занимались на любую подработку, батрачили с малого возраста.

Красной нитью через все повествование проходят две взаимосвязанные темы: социальное неравенство и критика ислама и шариата. Ибрагим Махмудович красочно описывает национальные и религиозные обряды, комментируя их с позиций советского человека. При этом автор неплохо разбирается в мусульманской догматике. Это обусловлено тем, что, заметив способности мальчика, семья (братья и отец) решила дать ему, единственному из всех детей, достойное по меркам того времени образование. В семь лет мальчика отдали в мектебе в соседней махалле, а через год перевели в мектебе при мечети своего прихода «Исай-аул».

Также Ибрагим упоминает о знаменитом астраханском новометодном медресе «Низамия», руководил которым богослов и просветитель Абдурахман Умеров¹⁰. В «Низамии» он не учился, а писал с завистью, что там дети из многих регионов страны получали полноценное образование, в том числе и знание устного и письменного русского языка. Медресе было одним из передовых в Российской империи. И.М. Махмудов подтверждает это, он пишет, что здесь учились не только астраханские татары, но и шакирды из Казани, Оренбурга, Среднего Поволжья и из Казахстана.

Об обучении в мектебе Ибрагим писал, что освоил лишь основы шариата, по сути, оставаясь безграмотным до 1920-х гг. В своей биографии никогда не учитывал религиозное образование в мектебе, которое «сводилось лишь к заучиванию Корана». Достигнув возраста 20 лет, в начале 1914 г. он был призван в царскую армию, попав сразу в пекло Первой мировой войны. И этим событием он и заканчивает свои воспоминания, так как с этого времени началась другая жизнь автора – войны и революция, становление советской власти, когда устои старой жизни были разрушены и татарская, достаточно закрытая, махалля, стала составной частью советского общества.

Село Зацарево Астраханской губернии: население, религиозная организация, система образования

Как полагают историки, с. Зацарево было основано в конце XVIII – начале XIX в. юртовскими (астраханскими) татарами, перешедшими от полукоочевого к оседлому образу жизни на месте традиционных зимовий.

Само село Зацарево, являвшееся центром волости, накануне революции насчитывало 323 двора, 1254 жителя – татар-магометан обоюбого пола¹¹. И. Махмудов пишет, что село было разделено на семь частей (приходов) – махаллей, каждая вокруг своей мечети: «Сабунчи», «Исай-аул», «Агай-аул», «Тирякмель», «Кинегас», «Бишагаш» и «Мирза-аул». При этом только две были соборными, а остальные пять – пятывременными. При соборных мечетях были две приходские мусульманские школы – мектебе.

Во главе приходов стояли муллы-имамы и муэдзины¹². Первые «назначались духовным главой всех мусульман, так называемым «муфтием» по «указу», после

¹⁰ Рахимов И.С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова: 1867–1933. Казань, 2013. С.124.

¹¹ Шперк Ф.Ф. Зацарево // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XII. СПб., 1894. С. 340.

¹² Муэдзин – служитель при мечети, возглавляющий с минарета часы молитвы.

окончания «специальной духовной семинарии». Причем Ибрагим Махмудович ошибается, считая, что «диплом» об окончании медресе, это и есть «указ» о назначении на должность имама. Муэдзинов назначал уже мулла. Муэдзину уже никаких

указов иметь не обязательно, кроме лишь обладания способностью читать по-арабски и хорошего голоса, чтобы так звонко каждый день пять раз с высоты минарета мечети призывать верующих к установленному времени явиться на моление богу по законам Корана¹³.

Таким образом, автор объясняет людям, живущим в советском атеистическом обществе, принципы назначения на духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX в.

В рассматриваемый период в с. Зацарево действовали две мусульманские школы – мектебе, в которых обучали только мальчиков, всего до 60 чел. ежегодно. Отсутствие женского образования автор объясняет нормами шариата:

По законам мусульман, предусмотренным Кораном, шариатом, категорически запрещалось учиться в школе, быть грамотными женщинам-мусульманкам, в том числе женщинам-татаркам. Они оставались абсолютно неграмотными, так как школ для них в селе Зацарево не было как запрещенных Кораном¹⁴.

Качество и уровень знаний, которые получали ученики в мектебах, как и система и принципы обучения, у автора нашли исключительно отрицательные оценки. В мектебе изучались только коранические науки. Обучение сводилось к механическому запоминанию арабских молитв, правилам совершения различных ритуалов. При этом учителя-мугаллимы (муллы и их хальфы, старшие ученики) сами были людьми малограмотными, владевшими грамотой «лишь настолько, что могли читать, хорошо освоив точно установленное правило, по тажвиду» и кроме этого «никакого образования не имели»¹⁵. И. Махмудов описывает кадимистскую систему образования. Он пишет, что школы находились на первых этажах домов мулл, здесь,

в комнате находились П-образные татарские нары и в несколько рядов горбатые деревянные парты; за ними можно было сидеть, согнув только ноги под себя.

Часто учеников наказывали. Целям воспитания служили полуметровые палки. Но особый страх внушало «особое приспособление, четырехгранное, зубчатое, висевшее около двери на стене – бальдак». Им били по голым пяткам провинившегося,

отчего обе ноги превращались до кости в кровавое безобразное опухшее пугало, а мальчик после такого наказания почти без сознания сползал на нары, как обезьяна, на четвереньках.

Попав под такую расправу, Ибрагим перешел в другое мектебе, при мечети «Исай-аул», где порядки также были строгие, но учитель «был человечнее»¹⁶.

В первые годы советской власти И.М. Махмудов стал одним из проводников решений новой власти по борьбе с религией в мусульманской среде, отделению церкви от государства и созданию светской системы образования у астраханских татар-мусульман. Главным огорчением своей жизни автор считал то, что сам так и не получил светского систематического образования, оставшись «полуграмотным». А русский язык выучил в армии и на советской работе в 1920-х гг.

¹³ Махмудов И.М. Жизнеописание. Астрахань, 1969. Неопубликованная рукопись. С. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Там же.

О социальном расслоении

Воспоминания И.М. Махмудова помогают реконструировать социально-экономическую жизнь села. Основным занятием татарского населения в Зацарево было оседлое земледелие – садоводство, бахчеводство, огородничество. Основаны они были на так называемом лиманном орошении. При этом близость города и прибрежное положение села привело к появлению новых форм предпринимательства. Здесь было несколько лесопильных заводов, принадлежавших русским хозяевам.

Социальную организацию села И.М. Махмудов описывает исходя из своих представлений о справедливости. Сам он – сын бедняка, вынужденный с раннего детства много работать, с явно выраженным неприятием перечисляет местных богатеев – баев и описывает источники их благосостояния, которые считает нечестными. Первым перед нами предстает местный «голова» – волостной старшина Аятбай. Он владелец «собственного торгово-промышленного предприятия». В период половодья на деревянных баржах – «белянах», принадлежавших Аятбаю, в село доставляли готовые обработанные строительные, хозяйственно-бытовые товары. Затем хозяин «сбывал их как на самой пристани, так и оптовым порядком»¹⁷.

Еще один «богачей» – Шамардан-Хаджи Мусякаев был владельцем трех больших садовых участков, которые обрабатывались батраками с помощью «двигателей внутреннего сгорания», которые осуществляли полив. Выращенную продукцию – садово-ягодную, виноград, бахчевые и огородные культуры, Мусякаев продавал оптом и в розницу товары на астраханских базарах. Благосостояние позволило ему совершить хадж, отсюда и приставка «Хаджи» к имени кулака.

Практически не уступал Мусякаеву в богатстве и еще один крупный садовладелец (владевший двумя садами) Махмуд Аджиниязов. Только хадж совершил не он сам, а его отец Аджинияз-Хаджи. Создается впечатление, что И. Махмудов считает, что совершение хаджа – это атрибут социальной несправедливости, поскольку совершать его могли позволить себе люди, несправедливо нажившие богатство. При этом из текста неясно – это убеждение пожилого Махмудова-коммуниста или вывод, который он сделал, будучи юношей-батраком Ибрагимом.

Батраками к баям нанимались юртовцы, как односельчане, так и из других сел (всего их в Астраханском уезде в начале XX в. было 13) и другая группа астраханских татар – карагаши, проживавших на тот момент в нескольких селах Красноярского уезда губернии. Также бедняки обрабатывали и свои небольшие участки, с которых кормились. И. Махмудов так описывает тяжелый труд астраханских татар на земле:

Свои клочки земли они не могли обработать как следует, качественно, по-человечески: пахали землю примитивным способом – деревянными сохами, бороновали деревянными боронами, копали землю деревянными и железными лопатами, обрабатывали простыми железными мотыгами. Выращивая урожай плодоовощей, орошали земли простым способом: ручными водокачками и чигирями. Чигири крутили при помощи лошадиной силы: лошади повязывали мешковиной оба глаза, чтобы у нее не кружилась голова от долгих кругооборотов, таким образом, выкачивали воду из прудов-водоемов и перекачивали в водосточные каналы и арыки¹⁸.

Видно, что автор с этим трудом знаком не по наслышке, он сам много и трудно работал.

¹⁷ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 6.

Религиозные суеверия

Особое место в «Жизнеописании» И.М. Махмудова занимают вопросы, связанные с отношением жителей села к различным религиозным суевериям, составлявшим органическую часть их повседневной жизни. Его семья и он сам до революции жили в соответствии с шариатом, были верующими мусульманами. И суеверия, о которых спустя десятилетия пишет Махмудов-коммунист, в начале его жизни составляли значимую часть его мировоззрения, он верил и следовал им, так же как и все члены общины.

Прежде всего, эти «суеверия» были связаны с вопросами здравоохранения. Жаркий климат Астрахани в сочетании с несоблюдением элементарных требований гигиены способствовал частым вспышкам различных заболеваний: оспы, холеры, сибирской язвы и др. Да и другими болезнями люди болели часто.

К врачам обращаться не спешили. Мусульман-врачей не было, к христианам не шли, боясь, что навредят. Женщинам вообще лечение у мужчин-врачей было запрещено. Поэтому главными специалистами в деле врачевания были знахари-лекари, в качестве которых часто выступали муллы, суфийские проповедники – ишаны, и другие «божьи» люди. Эти лекари, с помощью молитв «вроде бы отгоняли от больных злых духов, шайтанов-чертей».

Муллы же лечили таким образом: на клочке бумаги писали одну из сур Корана, затем сворачивали его в

треугольный талисман, рекомендуемый больным для ношения на шею с уверенением, что Аллах даст возможность вернуть потерянное здоровье обратно¹⁹.

Среди астраханских тюрок-мусульман и в настоящее время такой способ «оберега» от различных негативных событий, могущих произойти в жизни, активно практикуется, чему автор настоящей статьи является свидетелем.

Еще один метод, предлагавшийся священнослужителями, заключался в том, что больного просили принести тарелку, на которой писали химическим карандашом одно из изречений Корана, так называемое «аятолькорсип»²⁰, и знакомили своих пациентов со способом применения: туда, где сделана надпись лично муллой, следовало налить немного воды, предварительно прополоскать, а потом проглотить «святую воду», делать это три раза в день²¹.

Фиксированных ставок оплаты такого лечения не было, но как правило расплачивались пациенты «серебряными чеканными монетами». После такого «лечения» часто «наступало ухудшение и даже смерть пациента».

Большим почитанием у астраханских тюрок-мусульман пользовался (и пользуется до сих пор) культ святых мест – аулие или авлия. И. Махмудов пишет:

Такие места с так называемыми святыми могилами назывались «авлия»; их на территории Зацаревской волости насчитывалось много – на самой территории с. Зацарева имелась могила святого, недалеко от села Карагали, на самой вершине холма «Паязтубе» – авлия «Сархуджабаба», на бугре Сабан-сияр – авлия «Хаджер-Ися», а в самом центре Зацарева, т. е. на окраине аула Сабанчи, имелась святая могила – авлия Мугульсун, недалеко от села Осыпной бугор – авлия «Акрам Машаякль», на территории села Мошаик – авлия «Абдурахим Ишангазы» (и несколько других), на территории села Солянки – авлия «Гузель Нур-Бибяханым» и др.²²

¹⁹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 3.

²⁰ Аят аль-Курси (آية الكرسي) – букв. аят Престола) – 255-й аят суры аль-Бакара (2, «Корова»). Аят назван так по причине того, что в нем упоминается слово *kursi* («престол»), который олицетворяет могущество и абсолютную власть Аллаха над творениями. Один из самых известных аятов Корана.

²¹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 23.

²² Там же.

И.М. Махмудов, которого призвали в армию весной 1914 г. вместе с 28-ю другими татарами-одногодками из Зацаревской волости Астраханского уезда и губернии, вспоминает, что все уходившие в армию призывники обязательно посещали аулие «Эйрак-Хаджи» близ села Янго-Аскер («Новый Воин» в переводе с татарского). Несмотря на дальнейшее расстояние, которое и сегодня при наличии автотранспорта преодолеть не просто, призывники отправились к святому месту.

Это место было вообще почитаемо среди астраханских мусульман. Само аулие находилось на окраине села Янго-Аскер (ныне – Наримановский район АО), около небольшого пруда с мутной илистой водой. В начале лета, в жаркую погоду, ежегодно здесь собиралось большое число паломников-мусульман со всей губернии. Заранее договаривались с хранителями аулия – муджавирами и назначали день «большого молебна» – зиярат-байрама. В приходских мечетях для проведения этого мероприятия заранее собирали деньги – садака, на которые закупали скот (коз, баранов, крупный рогатый скот) для приготовления угощения после коллективной молитвы. Молитву читал сначала мулла Янго-Аскера, а затем по очереди все присутствовавшие «авторитетные» муллы. Священнослужители «расхваливают чудотворство авлие «Эйрак-Хаджи» и имеющуюся полезность целебного и оздоровительного значения, призывают всех присутствующих пожертвовать в фонд святого и заканчивают словами

«садака аль газым», утверждением, что «садака», подаяние освобождает от разных неожиданностей, несчастий, преступлений и их последствий, удлиняет жизнь садакодателей на земле²³.

По окончании молитв все присутствующие подходили к муджавиру, у которого был сундук и бросали туда «золотые, серебряные, медные монеты», в результате чего собиралось много денег. Затем начинался праздник-угощение, из мяса животных, приобретенных на садака.

В заключении все паломники направлялись к пруду – совершали омовение и набирали «святую» воду из «чуда-пруда» в разную посуду. С молитвами эту воду «набирают в рот, глотают, мажут пальцами на лицо, брови и по глазам». Набранную воду везут домой – для родственников и соседей. Воду эту использовали как лекарство «от разных внутренних и наружных болезней, в том числе как вроде полезное средство для фантастического колдовства»²⁴. Автор осуждает эту практику, он считает, что грязная вода из пруда способствовала распространению различных инфекционных болезней, включая туберкулез, трахому и холеру, и, конечно же, никаких чудодейственных свойств не имела. Напротив, употребление этой воды могло превратить человека в калеку или даже привести к смерти²⁵.

Но весной 1914 г. молодой призывник Ибрагим со своими друзьями – сыновьями зацаревских бедняков, которым также предстояло идти в царскую армию, отправился в паломничество к аулие «Эйрак-Хаджи» у села Янго-Аскер. Путь проделали на лодках – по Волге и ерикам, захватив с собой саратовскую гармонику. Юноши были уверены, что молитва на святом месте позволит им избежать воинской повинности, что святой защитит их. Также старшие порекомендовали им набрать воды из пруда при аулие, а во время призывной медкомиссии «окропить» этой «святой водой» ворота и двери здания, где она проходит. Предполагалось, что «тогда будет воздействие на психологию членов призывной комиссии, начальника и врача, у которых отуманятся глаза, помутится разум и сознание, и механически

²³ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 21.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

на белой бумаге призывного листа они подпишут «не годен на военную службу из-за порока сердца» или «не годен как невменяемый»²⁶.

Автор описывает само аулие, которое показалось ему тогда обыкновенным, ничем не примечательным местом:

Поднялись на небольшой бугор, на самой вершине которого стоит небольшой из самана сарай, на крыше этой святой хижины подняты на пяти-трехметровых шестах флаги – из белой материи. Мы, рекруты, согнувшись через маленькую дверку вошли в этот дом святого «авлия». А там в самой середине виден небольшой земельный бугорок, этот-то бугорок, оказывается, и есть могила святого Эйрак-Хаджи. Около могилы постлан небольшой ковер из чакана (вид камыша, здесь подстилка из высушенных веток), на этих чаканах разбросано несколько штук молитвенных четок («тасьбих») и стоит небольшой железный сундучок, кроме этого ничего не имеется, царит абсолютная тишина, на самой могиле видны следы разных насекомых, муравьев²⁷.

Прочитав несколько сур Корана, в надежде «избавиться от призыва и царского деспотизма», ребята оставили в сундучке монеты, набрали воды из пруда и песок с могилы Хаджи и отправились домой. Здесь их встретила бабушка Ибрагима, которая

посадив нас около себя, читала религиозно-фантастические наставления; особенно она оставалась на полезности, чудодейственности святой могилы и всего, что к ней относится, якобы, имеющей воздействие на любое страдание, горе и разные беды²⁸.

Уже во время медосмотра один из призывников-друзей автора, Ярулла, по кличке «Коновал», решил воспользоваться советом старших и начал «кропить святой водой» членов комиссии. Но, рассмешив присутствующих, своей цели не добился – его признали годным к службе. Хотя молодой человек, что только не предпринимал «по совету мулл», чтобы избежать призыва: «молился все последнее время, давал муллам по возможности садака»²⁹.

Вообще татары, подлежавшие призыву в царскую армию, в отличие от других мусульманских народов империи, всегда воспринимали службу как трагичное событие. Существовало устойчивое представление, что служба в армии вредит нравственности мусульман, и может даже привести к их обрусению, отказу от ислама и христианизации³⁰. Боязнь эта была свойственна и астраханским татарам.

И.М. Махмудов свидетельствует, что

некоторые рекруты в преддверии призыва занимались членовредительством: капали в оба уха нашатырный спирт, 3 раза в день натошак пили разболтанный на холодной воде табачный сок и махорку, чтобы повлиять на сердце, купались зимой в ледяной воде, потом босиком шагали по льду, чтобы получить воспаление легких, вызывали у себя искусственную бессонницу, самоистощение, делали себе уколы шприцом из капель, приготовленными знахарями из гноя и нечистот, чтобы до призывной комиссии довести себя до язвы, рака или заразных болезней³¹.

Но все эти ухищрения были напрасными. Всех призывников признавали годными, за исключением сыновей «богатеев и мулл». Этих И. Махмудов прямо обвиняет в даче взяток и подкупе комиссии³².

Спустя десятилетия, руководствуясь советскими взглядами на религию и ее роль в обществе, автор пишет о «суевериях» с большой долей скепсиса. Видно, что он в годы, о которых пишет, был верующим мусульманином. Но уже спустя десятилетия кон-

²⁶ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 21.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 68.

³¹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 25.

³² Там же.

струирует новую реальность своей юности – приписывает себе переживания неприятия этих обрядов, сомнений в их эффективности. При этом очевидно, что такими понятиями, как «инфекция, бактерии, гигиена, антисанитария» и др., неграмотный юноша-татарин в 1910-е гг. оперировать не мог. Это – взгляд из 1960-х гг.

О религиозных обрядах, муллах и баях

И.М. Махмудов подробно объясняет, почему для мусульман так важны пятничные (праздничные) намазы, основываясь на знаниях, полученных им в мусульманской школе. Он пишет, что согласно правилам, установленным в Коране, во время пятничной молитвы – «жумга-намаза»

никто из присутствующих и молящихся не имеет права выходить из мечети, прерывать продолжающуюся молитву, не доведя до установленного конца, хотя бы было землетрясение, набег вражеских войск, бушующий пожар³³.

Эти правила для верующих, продолжает автор,

предусмотрены так называемыми правилами «фарыз», то есть совершение которых обязательно даже при угрозе какой-либо катастрофы. Если при совершении правил «фарыз» по каким-то причинам, вроде «подвига» во имя Аллаха, верующего постигнет смерть, то его душа («жан») вроде прямо окрыляется, превращается в райскую птицу, попадает безо всякой остановки в небесный «рай». За такое терпение и страдание сам Аллах награждает его дипломом «Шагид», то есть званием героя Ислама, представляет его на самую седьмую часть неба, где самим богом построено наподобие дома, вечное место отдыха, называемое вечным «жаннатом». Там, якобы установлен порядок по желаниям, по потребностям: «в нем реки из воды, не имеющей смрада, реки из молока, которого вкус не изменяется, реки из вина, приятного для пьющих, реки из очищенного меда»³⁴.

И опять мы слышим голос коммуниста-атеиста:

Все эти фантастические описания и небылицы надуманы исламским шариатом для одурманивания трудовых мусульман, чтобы самим этим эксплуататорским элементам жилось и было спокойно за счет трудового народа. А тем наплевать было на божий «жаннат», лишь бы им жилось хорошо, сыто на земном «жаннате»³⁵.

Ключевое слово здесь – «было». Очевидно, что во времена своей юности таких терминов в контексте социального устройства мира и религии молодой татарин не знал.

Вообще, И.М. Махмудов, описывая религиозные обряды и обычаи, постоянно останавливается на том, что они являлись средством обогащения мусульманских священнослужителей, оперируя идеологическими клише советского времени. Любое действие со стороны последних, неоднократно отмечает автор, сопровождалось сбором денег – «монет», которые шли на личные цели. Это осуждение мздоимства мулл – один из главных лейтмотивов «Жизнеописания».

Мы помним, что автор – коммунист, посвятивший свою сознательную жизнь утверждению и отстаиванию идеалов советской власти, с неизбежным атеизмом. Отсюда и восприятие событий молодости, как непрерывной «классовой борьбы». И одним из главных источников социальной несправедливости он считает «религиозные предрассудки», а их проводниками – мусульманское духовенство, которое служило лишь интересам богачей-баев. Их он называет «бессовестными аксакалами и мечетными крысами»³⁶.

³³ Махмудов И.М. *Жизнеописание*. С. 25.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 16.

В тексте воспоминаний И.М. Махмудова зафиксированы многие «нарушения» священнослужителями норм шариата, совершения ими несправедливых действий. Одно из главных – распитие спиртных напитков. При этом алкоголь употребляли и там, где никто не видел – в русской части города, в кафе; и во время религиозных праздников.

Во время празднования «суннат-туя» (праздника в честь обрезания мальчика) внука зацаревского бая Махмуда Аджиниязова И. Махмудов наблюдал эти нарушения. Праздник и процесс подготовки к нему очень подробно описан автором. При этом он уверяет, что главная цель организаторов – это сбор денег, очередной способ «обогащения». Подтверждением тому явилось то, что после праздника Махмуд Аджиниязов отправил своего отца в Мекку, в хадж, а для этого нужны были солидные средства. Сам же Махмуд-бай после праздника записался во вторую гильдию астраханского купечества. Сам обряд обрезания автор воспоминаний называет «вредным ненужным пережитком, который калечит психику и тело ребенка»³⁷.

Между тем «суннат-туй» представлял собой очень грандиозное событие. В процессе подготовки для угощения собравшихся было забито 28 лошадей, несколько коров и множество баранов. Подготовка блюд заняла неделю. В большом дворе были собраны несколько усталых коврами шатров для гостей.

Особым списком, индивидуальными пригласительными билетами пригласили: знатных борцов («пальванов»), наездников со своими скакунами, рысаками, иноходцами, стрелков со своим оружием, татарских певцов («куша»), казахских («акынов»), туркменских («нагыльчи») со своими инструментами национальной музыки – «домбрами», с просьбой, чтобы они приняли участие в этой «национально-мусульманской свадьбе»³⁸.

Подробно описан сам обряд обрезания, который включал катание на лошадях мальчика по селу, в честь которого устраивался праздник, чтение Корана, одаривание родственников подарками и монетами, саму процедуру обрезания. Затем начинается угощение. В конце вечера все идут на майдан – луг за селом, где начинаются состязания в народных играх, скачки, борьба специально приглашенных борцов – «пальванов».

Во время угощения гостям, а в шатрах сидели только мужчины, подавался кумыс. Но Ибрагима, который нанялся на праздник официантом-подручным, посылают в лавку за четвертью спирта. Спирт подливается в кумыс, и все присутствующие дружно делают вид, что не чувствуют спиртного. В конце вечера много пьяных, среди которых и муллы. У юноши это вызывает недоумение и сомнения в праведности присутствующих священнослужителей. Ведь он твердо усвоил в мектебе, что алкоголь по шариату – «харам».

Вызывает у автора глубокое негодование и то, как под видом благочестия, муллы обирали бедняков «от того малого», что они сумели приобрести с помощью своих талантов и удачи. Во время праздников – «туев» устраивались различные состязания, победители получали призы – предметы одежды или баранов, телят, коз. И вот выигравший, а участвовали в основном бедняки, после победы подходил за благословением к мулле. А тот говорил, что победа пришла не сама по себе – она следствие благословения Аллаха и надо дать садака. В итоге все выигранное, в качестве садака, переходило к мулле. Мулла Абдунасыр же при приеме таких подарков ограничивался благословением от имени Аллаха, «дай, мол, бог этому джигиту

³⁷ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 11.

³⁸ Там же.

доброе здоровья, долгих лет жизни». Не один раз наблюдал такое Ибрагим, в итоге появились первые сомнения в истинности догматов ислама, шариатских законов.

Продолжая свой рассказ, он с возмущением и обидой говорит:

неужели этот мулла считается современным «святым» человеком, т.е. <...> он всегда и всюду выступает с трибуны мечети («минбара») и на разных маджлисах от имени Великого Аллаха с разными наставлениями, чтобы они были честными, не касались, не трогали и не присваивали чужого добра³⁹.

И вот перед нами предстают две мировоззренческие системы. С одной стороны – переживание верующего юноши начала XX в. В его системе жизнепонимания столь кощунственное нарушение норм шариата вызывает целую бурю сомнений в праведности религиозных авторитетов. С другой – спустя десятилетия советский партийный деятель объясняет все происходившее уже с точки зрения коммунистической идеологии. Для Ибрагима Махмудовича – коммуниста, все описанное – закономерный результат «разложения» буржуазного общества и его религиозных устоев.

Женский вопрос

И.М. Махмудов с явным осуждением говорит о положении женщин в его селе и вообще в мусульманском мире. Его возмущает, что до революции в Зацарево отсутствовало женское образование, что женщин считали недостойными быть грамотными, иметь право самостоятельно строить свою судьбу. Автор объясняет:

По законам Корана, женщинам, девушкам запрещено показываться мужчинам и вести с ними всякие громкие и открытые разговоры⁴⁰.

Также И.М. Махмудов добавляет, что женщин, которые осмеливались нарушать многовековые правила, обряды, обычаи, представители религиозного культа обзывали «кэи кара» – «черномазой»⁴¹.

Не одобряет автор и обряды, связанные со вступлением в брак. Выкуп за невесту ее родителям – калым и обязательный свадебный дар – махр, подарки родственникам, садака муллам за обряд бракосочетания – никах, проведение самого праздника – свадьбы, были связаны с большими затратами. В итоге многие бедняки в связи с этими расходами или оставались неженатыми, или начинали семейную жизнь с огромных долгов, которые выплачивали всю жизнь.

А вот состоятельные татары, в том числе и муллы, могли позволить себе взять не одну, а несколько жен, ни в чем себе не отказывая. Это тоже вызывало негодование автора. Он считал, что многоженство, вообще недопустимо, и прямо противоречит человеческим законам, додумавшись в итоге до осознания того, что нормы шариата противоречат нормам общечеловеческой морали. Кроме того, многоженство ущемляет права женщин и оскорбляет их чувства.

И опять И.М. Махмудов-коммунист пишет, что все эти обычаи придумали богатые, в том числе и муллы, которые учили, что

сам Аллах не стал творить жену Адаму, поручил это ангелу Джабраилу, и тот якобы во время сладкой дремоты сотворил ему из ребра приятного товарища – Еву (Хаву). А затем, утвердили несправедливые обычаи: укоренились многоженство, выдача замуж малолетних, продажа невест – взимание калыма, разные формы женского затворничества, требование не учиться грамоте⁴².

³⁹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 16.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 25.

Выводы

Главный посыл «Жизнеописания» заключается в том, что благодаря советской власти татары живут совсем по-другому в справедливом обществе, где нет богатеев и мулл, где нет места невежеству и религиозным суевериям и обманам, где открыты все пути для счастливой жизни. А само это общество стало возможно благодаря строителям новой советской жизни, к которым причислял себя и Ибрагим Махмудович.

И.М. Махмудов свое субъективно отрицательное отношение к образу жизни махалли и господству в нем баев и имамов основывает в том числе на своем знании коранических наук, усвоенных в дореволюционном мектебе. Свободно оперирует терминами коранических наук, объясняет читателю забытые к началу 1970-х гг. мусульманские обычаи и догмы. С позиций прожитых лет и убеждений он искренне удивляется тому, как он мог верить «этим шариатам», «фантастически-религиозным заблуждениям», которые использовались муллами и баями для «утверждения своего господства» над мусульманской беднотой. В этом его отличие от советского поколения людей, родившихся после революции в атеистическом обществе и получивших светское образование.

Безусловно, тяжелая трудовая жизнь крестьянина-батрака, собственные наблюдения за несправедливой жизнью духовенства в детстве и юности, полвека жизни, отданные служению социалистическим идеалам, все это нашло отражение в документе. При анализе данного источника следует понимать, что написаны они человеком с устоявшимся атеистическим мировоззрением и неприятием социального неравенства, одной из главных причин которого, по его мнению, был ислам. Не случайно свои воспоминания Ибрагим Махмудович заканчивает словами: «Зачем же ислам и «ясный путь» – шариат, народу?». Автору воспоминаний казалось, что религия навсегда ушла из жизни людей.

Но прошли десятилетия, пал советский строй и наступили времена, когда тысячи людей возвращаются к религии своих предков. Они ищут идеалы в прошлом. При этом некоторым современникам свойственна чуть ли абсолютная идеализация жизни российских мусульман в дореволюционный период. И в этой ситуации «Жизнеописание» И.М. Махмудова имеет большое значение сегодня.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.05.2023

References

- Amirkhanov, R.U. *Tatarskii narod i Tatarstan v nachale XX veka: Istoricheskie zarisovki* [The Tatar people and Tatarstan at the beginning of the twentieth century: Historical sketches]. Kazan: Tatknigizdat Publ., 2005 (in Russian).
- Dremkov, V.V. *O mullakh Astrakhanskoi gubernii* [About the mullahs of Astrakhan province]. Astrakhan: Gubernskaia tipografiya Publ., 1912 (in Russian).
- Ficpatrik, Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and Imposture in Twentieth-century Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Georgieva, N.G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskij istochnik* [Memoirs as a cultural phenomenon and a historical source]. *RUDN Journal of Russoan History* 11, no.1 (2012): 126–138 (in Russian).
- Hellbek, J. *Revolution on My Mind: Writing on Diary under Stalin*. Harvard: Harvard University Press, 2006.
- Imasheva, M.M. *Musul'manskoe predprinimatel'stvo Astraxanskoi gubernii v kon. XVIII – nach. XX vv.: ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty razvitiia* [Muslim entrepreneurship of the Astrakhan pro-

- vince in the end of the 18th – early 20th century: economic and social aspects of development]. Astrakhan: Roman Sorokin Publ., 2015 (in Russian).
- Imasheva, M.M. *Tatarskoe obshhestvennoe dvizhenie v Astraxani v kontse XIX – nachale XX vv.* [Tatar social movement in Astrakhan in the late 19th – early 20th century]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. *Tatary: kratkaia etnicheskaia istoriia* [Tatars: a brief ethnic history]. Kazan: Magarif Publ., 2002 (in Russian).
- Khabutdinov, A.Yu. *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo obshhestva v k. XVIII – nach. XX vv.* [Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the 18th century – early 20th centuries]. Kazan: Idel'-Press Publ., 2001 (in Russian).
- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Rahimov, I.S. *Obshhestvennaia i prosvetitel'skaia deiatel'nost' Abdurakhmana Umerova: 1867–1933* [Public and educational activities of Abdurakhman Umerov: 1867–1933]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2013 (in Russian).
- Shperk, F.F. *Zatsarevo* [Zaczarevo]. In *Enciklopedicheskii slovar' Brokgauza i E'frona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 12. St. Petersburg, 1894 (in Russian).
- Viktorin, V.M. *Islam v Astrakhanskom regione* [Islam in the Astrakhan region]. Moscow: Logos Publ., 2008 (in Russian).
- Zagidullin, I.K. *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii: Mecheti v Evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic Institutions in the Russian Empire: Mosques in the European Part of Russia and Siberia]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Маратовна Имашева, д-р истор. наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18; ведущий научный сотрудник, Институт истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; imaschewa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>

Marina M. Imasheva, Dr. Habil. Hist., Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University; 18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia; Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; imaschewa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
HISTORY OF CULTURE AND ITS REFLECTION IN THE PRESS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-263-274>
EDN: HMCSQF

Научная статья / Research article

Публикационная деятельность «Русской музыкальной газеты»
в годы Первой мировой войны

Наталья Логачёва

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

logacheva-nv@rudn.ru

Аннотация: Проведен анализ содержания публикаций «Русской музыкальной газеты» за 1914–1918 гг., издававшейся в Петрограде и служившей рупором деятелей культуры России начала XX в. Особое внимание обращено на восприятие газетой событий Первой мировой войны. Раскрывается влияние военного лихолетья на развитие музыкальной культуры не только в двух столицах – Санкт-Петербурге и Москве, но и в провинции. Проанализировано отношение русской музыкальной интеллигенции к войне. На конкретных примерах выявляется, с одной стороны, уровень патриотизма российских музыкантов, с другой – их отношение к немецкой культуре. Подчеркивается воздействие патриотических настроений на творчество русских музыкантов, на их осознание роли музыкальной культуры в деле сплочения народа и оказания духовной поддержки русской армии.

Ключевые слова: Н.Ф. Финдейзен, музыкальное искусство, периодическая печать, общественные настроения, массовое сознание

Благодарности и финансирование: Автор выражает благодарность редакторам за работу с текстом рукописи, а также двум анонимным рецензентам за их вклад и комментарии.

Для цитирования: Логачёва Н.В. Русская музыкальная газета: публикационная деятельность в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 263–274. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-263-274>

The Newspaper *Ruskaia Muzykal'naia Gazeta's*
Publishing Activities during World War I

Natalia Logacheva

RUDN University, Moscow, Russia

logacheva-nv@rudn.ru

Abstract: Through their work, the author conducts a content analysis of the materials of the “*Ruskaia muzykal'naia gazeta*” between 1914–18, a newspaper which served as the mouthpiece of Russian cultural figures in the early 20th century, and a periodical which reflected the events of World War I both in military territories on the frontline and in the rear. The article shows from various points the development of musical culture during the First World War, not only in the two capitals – St. Petersburg and Moscow, but also in the provinces. The attitude of the Russian musical intelligentsia to the war is analyzed in the text. Specific examples provided by the author show the high level of patriotism of Russian musicians and the attitude of Western European musicians to the events of the period. In addition, there is emphasis on the influence of patriotic sentiments on the work of Russian musicians including their awareness of the role of musical culture in uniting the people and providing spiritual support to the Russian army.

Keywords: N.F. Findeisen, musical art, periodicals, public mood, mass consciousness

Acknowledgements and Funding: I would like to thank the journal's editors, for their editing and helpful comments and the two anonymous peer-reviewers for their input and comments.

For citation: Logacheva, Natalia. "The Newspaper *Russkaia Muzykal'naiia Gazeta*'s Publishing Activities during World War I." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 263–274. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-263-274>

Введение

В современных условиях растет интерес к изучению места и роли России в мировой истории, ее участию в международных глобальных конфликтах, включая Первую мировую войну. Особое звучание теме придает отражение связанных с войной событий в средствах массовой информации¹, а также в различных видах его-документов².

Общественные настроения в России периода войны и революции, были всесторонне проанализированы в работах О.С. Поршневой³, В.Б. Аксенова⁴ и ряда других авторов. Еще одну группу составляют работы, посвященные развитию отечественной культуры и жизни российской интеллигенции в годы Первой мировой войны⁵, восприятию военных событий русскими писателями, художниками, публицистами⁶. Следует отметить и публикации, посвященные деятельности музыкальных обществ в годы войны⁷.

События Первой мировой войны освещались на страницах различных периодических изданий Российской империи. Заметное место тема войны занимала и на страницах «Русской музыкальной газеты», которая вносила в ее освещение определенную специфику. Всем содержанием своих материалов газета не только опровергала знаменитую поговорку: «когда говорят пушки, музы молчат», но и свидетельствовала о том, что в годы войны культура становилась одним из орудий борьбы. Музыканты оказывали гуманитарную помощь солдатам, проводили благотворительные концерты, собирали военные и народные песни, пытаясь тем самым внести

¹ Гужва Д.Г. 1) Русская военная печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 37–41; 2) Информационное противоборство за влияние в русской армии. По материалам военной печати 1917–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 47–50; 3) Русская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны // Макушинские чтения. 2009. № 8. С. 140–142; 4) Военная периодическая печать русской армии в годы первой мировой войны 1914–1918 гг.: монография. Новосибирск, 2009; Надёхина Ю.П. События Первой мировой войны в освещении московских журналов // Вестник университета. 2014. № 7. С. 285–288; Черепенчук В.С. Российская периодическая печать времен Первой мировой войны как исторический источник // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 1. С. 169–177 и др.

² Подробнее см.: Аксенов В.Б., Журавлёв С.В. Архивы между терапией «исторических травм» и «войнами памяти» // Российская история. 2022. № 2. С. 218–222.

³ Поршнева О.С. Концепт справедливой войны в российском общественно-политическом дискурсе (1914–1916 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 112–120.

⁴ Аксенов В.Б. 1) Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145; 2) Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 годах: к природе слухов и фобий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 119–133 и др.

⁵ Иванов А.И. Первая мировая война и российская художественная интеллигенция: современные проблемы изучения // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 3. С. 860–869; Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2004; Семенова Е.Ю. Культура Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны, 1914 – начало 1918 гг.: по материалам Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Самарский государственный педагогический университет, 2001 и др.

⁶ Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013.

⁷ Зима Т.Ю. 1) Российская периодическая печать как зеркало деятельности отделений Императорского русского музыкального общества во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 75–83; 2) Императорское русское музыкальное общество в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 80–87.

свой вклад в подъем народного духа. На страницах газеты был открыт конкурс по созданию нового народного гимна.

Следует отметить, что сама история «Русской музыкальной газеты» не получила специального освещения в научной литературе, хотя деятельность ее главного редактора вызывала определенный интерес у исследователей культуры⁸.

Таким образом, при всем наличии работ, посвященных отражению Первой мировой войны в периодической печати, в историографии до сих пор не получила достаточного освещения проблема ее восприятия деятелями музыкальной культуры того времени, что и делает обращение к теме актуальным.

Изучение публикаций, появившихся на страницах «Русской музыкальной газеты» в годы Первой мировой войны, позволит рассмотреть деятельность представителей музыкальной культуры, проанализировать их взгляды на события военного времени. В итоге разработка темы статьи дает возможность выявить и осмыслить всю гамму настроений людей, с одной стороны, наиболее остро ощущавших трагичность войны, а с другой, – пытавшихся с помощью музыки поддержать армию. Актуальность поставленной проблемы заключается также в определении степени влияния войны на творчество и общественную позицию музыкантов, их понимание задач, вставших перед музыкальным искусством в годы суровых испытаний.

Русские музыканты на службе культуре и народу

Культурно-просветительское издание «Русская музыкальная газета», созданная русским музыковедом, музыкальным критиком и общественным деятелем Н.Ф. Финдейзеном в Санкт-Петербурге в январе 1894 г., выходила в свет вплоть до декабря 1918 г.

Первый номер открывала статья «Несколько слов о русском музыкальном журнале», в которой провозглашалось распространение музыкального искусства в качестве основной задачи издания. Главный редактор писал:

Русское музыкальное искусство (помимо народной музыки) уже имеет свою историю, но не имеет еще даже простой летописи, в которой были бы отмечены все выдающиеся явления русского творчества и русского искусства. <...> в России издаются журналы, посвященные даже шахматной игре, разные технические, ремесленные газеты, даже животным посвящен целый ряд изданий, но журнала, посвященного одной музыке, вы в России в настоящее время не встретите!⁹

Различные рубрики газеты – «Хроника», «Разные известия», «Периодическая печать о музыке» – знакомили читателей с музыкальными новостями не только двух столиц, но и других крупных российских городов. В них были созданы отделения Императорского русского музыкального общества, открывшегося в 1868 г. в Санкт-Петербурге под покровительством Великой княгини Елены Павловны и возглавляемого композитором и музыкантом А.Г. Рубинштейном. Кроме того, в газете печатались статьи по музыке, неизданные ранее письма композиторов, анонсировалась продажа музыкальных инструментов и др. В 1915 г. появилась отдельная рубрика «Музыка и война», в которой освещались различные военные события, а также печатались объявления о проведении концертов для русских солдат и союзников.

При этом русские музыканты, воспитанные в духе гуманизма и признания ценностей мировой культуры, всячески подчеркивали, что

мы воюем с немецким милитаризмом и с немецкими варварами, но мы должны помнить, что немецкие ученые, философы, поэты и композиторы в этом варварстве неповинны!¹⁰

⁸ См.: Космовская М.Л. «Русская музыкальная газета» и архив Н.Ф. Финдейзена о деятельности А.Н. Скрябина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. С. 181–184.

⁹ Несколько слов о русском музыкальном журнале // Русская музыкальная газета. 1894. № 1. С. 1–3.

¹⁰ Фатов Н.Н. Искусство врагов // Русская музыкальная газета. 1914. № 38–39. Стб. 728.

Возникла эта мысль не случайно и, в определенной степени, она была созвучна настроениям европейской культурной элиты. Так, в то время как официальная Германия призывала бойкотировать русскую музыку, немецкий композитор Рих. Штраус утверждал, что

Воюют государства, а наука и искусство должны стоять вне политики, вне войны, и нам, представителям искусства, не следует становиться посмешищем всего мира. Ведь смешно и глупо бойкотировать Шекспира, Виктора Гюго, Дарвина, Льва Толстого, Достоевского, Глазунова, Рахманинова, Скрябина, Антокольского и т. п.¹¹

Данные слова звучат весьма актуально в свете современной «культуры отмены», которую провозгласили европейские государства в отношении России.

Сама «Русская музыкальная газета» осуждала факты разрушения памятников культуры немецкого происхождения. Например, в газете сообщалось о действиях общества трезвенников Ивана Чурикова в Вырице, публично на костре сжигавшего граммофоны и пластинки и осуждавшего тех, кто приобретал и хранил эту «германскую мерзость и нечисть»¹². О протестах против традиций, имевших немецкие корни, сообщалось в рубрике «Хроника»:

Киевский учебный округ предписал не устраивать предстоящими рождественскими праздниками в сельских школах елок. Мотивом распоряжения выставлено то обстоятельство, что рациональнее будет использовать для раненых средства, отпускаемые на елки¹³.

Тут же приводились сведения о том, что за один день в Киеве в рамках мероприятий «артисты – солдату» было собрано 17 482 руб. и масса вещей¹⁴. Таким образом, антигерманский контекст мероприятия был сопряжен с его гуманистическим содержанием. Несомненно, что рождественский праздник, тем более в селах, все равно бы прошел, поскольку Рождество и Пасха оставались главными православными праздниками, особенно в глубинках, а собранные средства солдатам были необходимы.

В России во время войны, по сообщениям газеты, продолжались концерты, которые организовывало Императорское русское музыкальное общество:

Там грохочут орудия, там льется кровь, там ужас, там война, здесь жизнь идет своим чередом, здесь люди занимаются, как и раньше, наукой, искусством, торговлей, здесь – мир¹⁵.

При этом в самой газете происходящее на фронте воспринималось не только как противостояние армий, но и культур: «Мощь нашего народного духа» столкнулась на поле боя с

мощью духа наших противников и на полях битвы решится спор не о тактическом превосходстве армий, а о месте двух рас в истории человечества и культуры¹⁶.

Такое восприятие сущности столкновения двух стран подтолкнуло автора заметки к призыву:

на время войны воздержаться от апофеоза некоторых, пусть даже гениальных, произведений германского творчества, т.к. в них, кроме личности их творца, принадлежащей всему человечеству, присутствует и тот самый дух его народа, который в эти дни таинственно вдохновляет враждебные полки в их кровавой борьбе против нас¹⁷.

¹¹ Фатов Н.Н. Искусство врагов // Русская музыкальная газета. 1914. № 38–39. Стб. 728.

¹² Хроника // Русская музыкальная газета. 1916. № 3. Стб. 78.

¹³ Там же. 1914. № 51–52. Стб. 977.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фатов Н.Н. Искусство врагов // Русская музыкальная газета. 1914. № 38–39. Стб. 728.

¹⁶ И-ов Л. По поводу статьи «Об искусстве врагов» // Русская музыкальная газета. 1914. № 44. Стб. 783.

¹⁷ Там же. Стб. 784.

В ответ на этот призыв в газете прозвучало и иное «единственно приемлемое» для русской интеллигенции» мнение:

Зачем становиться нам на путь «духовной борьбы»? Борьба должна вестись исключительно против крайностей материальной немецкой культуры, а ни коим образом не против духовных ценностей. Мы не должны забывать о конечных целях этой войны. Она должна нас приблизить к будущему братству народов, а не к разъединению <...>, а разве есть что-нибудь, что могло бы более объединять людей, чем плоды духовной культуры, философские идеи, научные открытия, творения искусства?¹⁸.

Представляется, что именно такой общегуманистический подход доминировал в среде музыкальных деятелей России. Об этом свидетельствует и анализ программы симфонических концертов военного времени. В этот период продолжала исполняться музыка различных композиторов, в том числе немецких. Но все же, что и понятно, превалировала русская музыка. Например, программа концертов в ноябре 1914 г. состояла только из произведений русских композиторов¹⁹.

На страницах газеты публиковались материалы о жертвах войны, гибели «величайших памятников искусства»²⁰. При этом сравнивалось отношение двух воюющих сторон к культурным ценностям: «самоослепление и тупое презрение ко всему не немецкому» – в Германии, и «неподдельное восхищение», признание достижений германского искусства», – со стороны союзников²¹. Музыка великих немецких композиторов И.С. Баха, Л. Бетховена, особенно его Симфония № 3 «Героическая», И. Брамса продолжала исполняться на концертах в различных уголках Российской империи и в военное время. Авторы газеты не раз подчеркивали несовместимость духовных ценностей, культивируемых великими музыкантами, с милитаристской практикой их потомков. В одной из статей с публицистическим пафосом говорилось:

как далеки от предначертанных ими (т. е. немецкими музыкантами. – Н.Л.) высоких идеалов современные гунны... (курсив Ф.А.)²².

В различных городах России консерватории своими силами устраивали концерты, в которых принимали участие преподаватели, студенты, а также артисты. Например, в Нижнем Новгороде был организован ряд концертов, сбор от которых был направлен на нужды раненых. Концерты давали и в лазаретах:

В тиши больничных палат <...> совершается то же большое дело, требующее незаурядной энергии и затрат сил. <...> в дни войны концерт, как удовольствие и наслаждение, вероятно, известным образом затрагивает моральное чувство и потому-то все нижегородские общественные организации направили свою деятельность на пользу жертв войны. Так и музыка несет свою дань войне²³.

Подобные концерты проходили в Екатеринославле, Тамбове, Томске и других крупных городах империи.

Естественно, что часть артистов была призвана на военную службу. Но в начале 1917 г. был окончательно решен вопрос о том, что они не имеют права в это время выступать в театрах. Исключение было сделано только для артистов Императорских театров и ряда петроградских театров – театра А.В. Суворина, оперного и драматического театров Народного дома, театра Музыкальной драмы²⁴.

¹⁸ Фатов Н.Н. Еще по поводу «искусства врагов» // Русская музыкальная газета. 1914. № 46. Стб. 844–845.

¹⁹ Хроника // Русская музыкальная газета. 1914. № 46. Стб. 846.

²⁰ Акименко Ф. Искусство и война // Русская музыкальная газета. 1914. № 46. Стб. 835.

²¹ Там же. Стб. 836.

²² Там же. Стб. 837.

²³ Н. С-в. Хроника. Нижний Новгород // Русская музыкальная газета. 1915. № 6–7. Стб. 146.

²⁴ Хроника. Разные известия // Русская музыкальная газета. 1917. № 5. Стб. 143.

На фоне царивших в стране антигерманских настроений в августе 1914 г. Санкт-Петербург указом императора Николая II был переименован в Петроград. Буквально сразу, 1 сентября, по настоянию городской Управы из-за большой численности музыкантов, входивших в штат и не являвшихся пожарными, был расформирован оркестр Петроградской пожарной охраны, просуществовавший 38 лет. Однако, как сообщалось на страницах «Русской музыкальной газеты», в ноябре того же года, благодаря руководителю оркестра, а также председателю комиссии по народному образованию П.А. Потехину, градоначальнику А.Н. Оболенскому и членам городской Думы был создан новый городской оркестр и в Думе было рассмотрено предложение о

необходимости приступить к устройству на средства города полезных развлечений для народа, дабы таким путем приучить народ к восприятию здоровой духовной пищи взамен пищи, которую он вкушал в виде «монопольки» (казенная винная лавка. – *Н.Л.*)²⁵.

Это предложение свидетельствует о том, что городские власти стремились обеспечить рабочих доступными формами развлечений, которые могли бы поднять их культурный уровень²⁶.

В целом, можно заключить, что на страницах «Русской музыкальной газеты» уделялось значительное внимание развитию музыкальной культуры в народной среде. Так, вышеупомянутый оркестр должен был участвовать в общедоступных мероприятиях в зале городской Думы не менее двух-трех раз в неделю; проводить концерты-лектории, исполняя лучшие классические произведения; устраивать общедоступные музыкальные вечера для горожан. При этом плата за входные билеты назначалась минимальная. Эти мероприятия способствовали приобщению широких масс к музыкальному искусству в условиях войны.

«Музыка и война»

Русские композиторы второй половины XIX в. часто организовывали экспедиции в отдаленные регионы для сбора музыкального материала, фольклора и пр. Во время Первой мировой войны эта работа продолжилась. Так, на первой полосе газеты за июнь 1915 г. появилась статья, призывающая собирать народные и солдатские песни. Мотивировалось это тем, что песня

является живым свидетелем переживаний народа или известной его группы, <...> является показателем его художественного уровня²⁷.

Война нашла свое отражение в песнях и частушках, тексты которых стали появляться в периодической печати. Газета призывала присылать не только тексты, но и записанную мелодию для того, чтобы

сохранить солдатскую песню, – песню ближайших участников великой войны народов²⁸.

Представляется, что в этих предложениях авторов музыкальной газеты прослеживается стремление не только отразить и сохранить память народа о войне, но и соединить его патриотический порыв с культурным воспитанием.

На страницах газеты можно было встретить и утопические предложения по поводу сочинения новых песен для фронта. Ссылаясь на опубликованную в «Биржевых новостях» статью, в которой предлагалось отправить на фронт квартет инструкторов-певцов для обучения солдат правильному пению, знаменитый писатель

²⁵ Владимирова М. О формировании в Петрограде городского оркестра // Русская музыкальная газета. 1914. № 46. Стб. 842.

²⁶ Разные известия // Русская музыкальная газета. 1914. № 46. Стб. 976.

²⁷ Собирайте народные и солдатские песни // Русская музыкальная газета. 1915. № 23–24. Стб. 393.

²⁸ Там же. Стб. 394.

и публицист В.Е. Чешихин предложил «...прежде чем совершенствовать *исполнение*, <...> создать *репертуар*»²⁹. Далее он выдвинул идею проведения двойного конкурса – стихотворного и музыкального – с последующим изданием самых удачных вариантов песен. Организацию этих конкурсов он планировал возложить на Военное министерство и Министерство Императорского двора. По его словам,

учреждение (конкурса. – *Н.Л.*) должно быть организовано усилиями двух министерств и располагать казенными средствами.

Автор надеялся также на то, что

население поддержит государственную инициативу частными пожертвованиями. Средств потребуется не мало: на премии для песен, на напечатание их (в виде нотных изданий) и на распространение среди войск премированных песен. А затем уже придет пора и для посылки на фронт инструкторских кварталетов³⁰.

Оба предложения не получили отклика ни в министерствах, ни в музыкальном сообществе. Конечно, хорошие песни были нужны солдатам, но сочинялись и распространялись они иначе.

В заметке «Современная война и народная песня» за 1915 г., например, сообщалось:

г. Вятка, стоящий на пути из Сибири к боевым позициям на западе России, за год войны видел у себя бесчисленное количество храбрых русских войск. По установившемуся обычаю, все почти войсковые части проходят по городу со своими лихими песнями. Содержание этих песен и их напевы производят глубокое впечатление. Теперь их знают не только взрослые, но и дети. Но пройдет, Бог велик, война, минуют годы, и эти песни со временем могут забыться, а между тем, для характеристики переживаний эпохи они имеют огромное значение³¹.

Как бы выполняя собственный призыв, «Русская музыкальная газета» в последующих номерах стала публиковать тексты песен. Затем появились и граммофонные пластинки с такими песнями, как «Галицкие поля», «Холодно, сыро в окопах», «Ревет и стонет мортира вдали» и др. Пластинка «Повесть о юном прапорщике» имела большой спрос и разошлась тиражом в 70 тыс. экземпляров³². Песни, слагаемые самими участниками войны, композиторами и поэтами, воспринимавшими, как и солдаты на фронте, происходившие события, становились популярными не только среди военных, но и у гражданского населения.

В появившейся в 1915 г. новой рубрике «Музыка и война» рассказывалось о концертах, проводимых для раненых. Наряду с разнообразной информацией в этой рубрике сообщалось, что Министерство внутренних дел рекомендовало высылать в отдаленные губернии как военнопленных артистов труппы, имеющих германское или австрийское подданство³³.

Помимо культурных и политических новостей, в газете печатались сообщения, отражающие веру русских людей в духовную силу музыки. Так, нижние чины Закатальского полка обратились к жителям Симбирска с просьбой выслать на Пасху гармошку-двухрядку.

²⁹ Чешихин В. К вопросу о песне на фронте // Русская музыкальная газета. 1916. № 34–35. Стб. 624. (624); Василий Евграфович Чешихин (псевд. Ч. Ветринский) – историк русской литературы, общественной мысли, музыкальный критик.

³⁰ Там же.

³¹ Игнатьев А. Современная война и народная песня // Русская музыкальная газета. 1915. № 37–38. Стб. 555.

³² Солдатские песни времен Первой мировой войны // Подмосковный краевед. URL: https://trojza.blogspot.com/2014/01/blog-post_11.html (дата обращения: 22.08.2022).

³³ Музыка и война // Русская музыкальная газета. 1915. № 2. Стб. 44.

Такую, – пишут просители, – чтобы ее слышно было подальше, – не только нашим, но, чтобы и германцы с австрийцами слышали, как веселится русский солдат. Пусть знают, что в русском солдате еще много духа³⁴.

Или:

Я покорнейше прошу не отказать мне в просьбе прислать в нашу казацкую компанию одну гармонию, вятскую, 12 клапанов и с двумя колокольчиками, однорядную. Так как мы находимся на немецком фронте и приходится без устали бить нашего противника, то мы, не щадя своих сил, и бьем их каждый день, но бывают после боев передышки, что нам дает несколько свободного времени, которое мы проводим в разных развлечениях. Но, так как у нас не имеется никакой музыки, то это все не так весело³⁵.

Эти письма, отражавшие солдатские настроения, свидетельствовали о трепетном отношении народа к музыке, которое лишь укрепилось в суровые годы войны.

«Русская музыкальная газета» обращала внимание не только на содержание, но и качество исполнения музыкальных произведений. Так, газета публиковала заметки, в которых отмечалась бедность репертуара и низкий уровень профессионального исполнения в ряде городов. Так, из Саратова, делая поправку на «мировые военные события», сообщали, что

текущий музыкальный сезон нашего города <...> оказался чрезвычайно бедным и отчасти монотонным. Военное время вызвало не мало разного рода концертов и музыкальных вечеров, не отличавшихся ни хорошо подобранными программами, ни составом участвовавших артистов³⁶.

Аналогичными были известия из Харькова: «За последнее время музыкальная жизнь окончательно замерла...»³⁷ Из Перми тоже приходили известия, что

Вторая половина истекшего года была для нашего города в музыкальном отношении небывало глухим временем <...> Трудно сказать, чем объясняется такой упадок музыкальной жизни в Перми, отстоящей от театров войны достаточно далеко...³⁸

Эти тревожные заметки свидетельствовали о сохранении в обществе, несмотря на военное лихолетье, запросов на талантливые и профессионально исполненные музыкальные произведения.

В нескольких номерах газеты за 1917 г. был опубликован очерк В.Е. Чешихина, в котором автор обратился к теме сочетания революции и патриотизма в музыке. В частности, он подчеркивал, что «определенно-революционную, если не всегда по музыке, то обязательно по тексту, становится музыка демократических композиторов лишь с эпохи великой французской революции, с 1789 г. – точнее, с 1792 г. (дата «Марсельезы»)»³⁹. В.Е. Чешихин, разбирая творчество композиторов того времени, пришел к выводу, что в 1789–1827 гг. в Европе был только один убежденный композитор-республиканец и революционер в музыке, как И. Шиллер в поэзии, это – Л. ван Бетховен⁴⁰.

На страницах газеты особое место к концу войны заняла тема создания нового гимна. Естественно, что после отречения императора Николая II официальный гимн Российской империи «Боже, Царя храни»⁴¹ утратил свое значение. Поэтому редактором газеты, исходя из пожелания «населения иметь новый гимн», было

³⁴ Музыка и война // Русская музыкальная газета. 1915. № 14. Стб. 268.

³⁵ Там же.

³⁶ *Липаев И.* Хроника. Саратов // Русская музыкальная газета. 1915. № 1. Стб. 26.

³⁷ *Тюпьев Б.* Хроника. Харьков // Русская музыкальная газета. 1915. № 2. Стб. 41.

³⁸ *Попов Б.* Хроника. Пермь // Русская музыкальная газета. 1915. № 5. Стб. 116.

³⁹ *Чешихин В.* Композиторы и революции // Русская музыкальная газета. 1917. № 13–14. Стб. 285.

⁴⁰ Там же. Стб. 289.

⁴¹ Официальный гимн с 1833 г., на муз. А.Ф. Львова, текст В.А. Жуковского.

предложено присылать варианты текста «хотя бы временного, до установления Учредительным собранием формы правления»⁴². Тут же были даны рекомендации, которых должны были придерживаться авторы текста:

1. Гимн не может превышать 8 стихов. 2. По содержанию слов он должен быть патриотичен и внепартиен; какие-либо указания на форму правления недопустимы. 3. Текст гимна должен подходить к какой-либо популярной на Руси мелодии торжественного характера (*maestoso*); выбор мелодии старого львовского гимна, по своей форме напоминающего немецкий хорал, исключается. Подходящими для цели наиболее известными мелодиями признаются, например, древняя русская «Слава» и хор «Славься» Глинки. Не допускается вторичного подбора нового текста к мелодии, указанной автором текста, напечатанного в РМГ⁴³.

В этих пожеланиях были оговорены основные положения, присущие тексту гимна в целом. Следует заметить, что в условиях деятельности в стране различных партий, автор предложений ратовал за создание текста, прославляющего государство в целом. Тут же был опубликован один из вариантов текста на мелодию Д. Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе», – «Ты победишь весь мир, Россия!»:

Ты победишь весь мир Россия!
Ты – третий и последний Рим.
Паси, люби стада земные
Последним пастырем земным.
Затем воскликнет мир: Мессия!
Тысячелетье церкви с Ним!
Земля сольется с небосклоном
И станет русский Рим – Сионом!⁴⁴

Естественно, что подобный текст не мог быть принят в новой России, ищущей слова и музыку, соответствующие эпохе революционных потрясений.

В последующих номерах газеты продолжилось обсуждение проекта гимна. Так, в № 11–12 за 1917 г. автор рассуждал о том, какая из уже написанных мелодий может быть достойной, чтобы стать гимном. Мотив Д. Бортнянского «Коль славен», подходил, по его мнению, лучше всего

в торжественных случаях, требующих вызвать благоговейное настроение, а не порыв, увлечение толпы <...> К тому же он создан, слава Богу, русским композитором⁴⁵.

Автор предполагал, что когда-нибудь именно по вдохновению, а не по заказу будет создан новый русский народный гимн. Далее он указывал, что для него подошла бы «народная марсельеза» «Эй, ухнем» в обработке для оркестра А. Глазунова. По его мнению,

сам народ в минуту тяжелой невзгоды, непосильного труда, создал этот угрюмый, но сильно колоритный мотив. В нем живет душа народа и, быть может, в минуты борьбы, в ночной тьме, этот мотив удивительно прекрасно и жутко передает всю силу народного переживания⁴⁶.

Вместе с тем этот мотив не соответствовал гимническому складу. Предлагались древнерусская «Слава» в различных обработках, хор «Славься» М. Глинки, ликующе-торжественная мелодия которого в маршевом ритме вполне могла бы претен-

⁴² Анкета о новом народном гимне // Русская музыкальная газета. 1917. № 10. Стб. 227–228.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Чешихин В. Ты победишь вест мир, Россия! // Русская музыкальная газета. 1917. № 10. Стб. 228.

⁴⁵ Петроний. По поводу анкеты о народном гимне // Русская музыкальная газета. 1917. № 11–12. Стб. 259.

⁴⁶ Там же. Стб. 260.

довать на гимн. Кроме того, было еще одно предложение использовать гимн берендеев из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка»:

чудесная, вполне народная музыка Римского-Корсакова безусловно достойны перейти в русский гимн⁴⁷.

Однако свои размышления автор заканчивает следующим выводом: «Или мы до такого художественного создания „гимна свободы“ не доросли?»⁴⁸.

В № 15–16 был опубликован очередной вариант текста, положенного на древнерусскую «Славу», который, по мнению редакции, был «вполне пригоден»:

Слава, слава, слава Богу на небе, слава!
Слава, слава Русской святой земле, слава!
Слава нашей богохранимой державе, слава!
Слава всем народам братской свободной России! Слава!⁴⁹

Но и этот вариант не получил одобрения. В итоге в январе 1918 г. национальным гимном был утвержден «Интернационал», слова которого были написаны французом Э. Потье в дни Парижской коммуны в 1871 г., а музыка – П. Дегейтером в 1888 г. Вместе с тем нельзя не отметить стремление редакции газеты оказать помощь в творческом процессе создания нового национального гимна России.

В 1918 г., в год своего 25-летия, газета, по понятным причинам, стала выходить нерегулярно. Каждый выпуск начинался словами: временно выходит неперIODически. В конце последнего выпуска в рубрике «От редакции» было размещено объявление:

В №№ 5–6 РМГ редакция заявила о временной приостановке издания. Все-таки нам удалось с тех пор выпустить еще 3 номера Русской музыкальной газеты, несмотря на все материальные и технические затруднения. <...> в виду сложившихся обстоятельств, редакция не имеет возможности предвидеть срока возобновления печатания дальнейших номеров и самого продолжения издания...⁵⁰

Таким образом, «Русская музыкальная газета» стала заложницей изменений не только в музыке, но и в политической обстановке в стране.

К 20-летию существования «Русской музыкальной газетой» было получено большое количество поздравлений. В одном из них говорилось, что

20 лет стоять во главе музыкальной печати, приветствовать и отмечать все лучшие и высокие проявления музыкального искусства, бороться с вредными явлениями, мешающими расцвету культуры, – воистину славная и великая деятельность⁵¹.

Именно такое направление выбрал в момент создания газеты ее редактор-издатель Н.Ф. Финдейзен, сохранив его до последнего номера, несмотря на сложные условия военного времени.

Выводы

Как показывает проведенное исследование, издательская деятельность редакции и характер публикаций «Русской музыкальной газеты» в годы Первой мировой войны свидетельствовали о стремлении деятелей культуры приобщить к музыкальному искусству широкие слои общества. С помощью музыки они надеялись укрепить дух русского народа, запечатлеть его патриотические настроения. В свою оче-

⁴⁷ *Петроний*. По поводу анкеты... Стб. 261.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Слава // Русская музыкальная газета. 1917. № 15–16. Стб. 313.

⁵⁰ От редакции // Русская музыкальная газета. 1918. № 11–12. Стб. 191–192.

⁵¹ К 20-летию «Русской музыкальной газеты» (1894–1914) // Русская музыкальная газета. 1914. № 1. Стб. 17.

редь, записи солдатских песен, в которых отражалась душа народа в годы испытаний, служили сохранению национального музыкального наследия. При этом газета осуждала тех, кто оценивал музыкальные произведения сквозь призму национальной принадлежности их авторов. На ее страницах анонсировались и рецензировались концерты из сочинений композиторов различных европейских стран, в том числе Германии.

В условиях войны и начавшихся революционных изменений газета пыталась внести свой вклад в процесс национальной консолидации. Одно из средств преодоления раскола в обществе виделось в создании нового гимна. Однако все предложенные варианты были отвергнуты самой революционной эпохой, поставившей точку и в истории «Русской музыкальной газеты». И все же, как представляется, ее культуртрегерская деятельность в годы войны имела чрезвычайно важно значение, способствовала приобщению народа к русскому искусству и сохранению ряда музыкальных памятников в стране.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.01.2023

References

- Akimenko, F. “Iskusstvo i voina [Art and war].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 46 (1914): 835–837 (in Russian).
- Aksenov, V.B. “Sotsial'no-psikhologicheskaiia atmosfera rossiiskogo obshchestva v 1914–1917 godakh: k prirode slukhov i fobii [Socio-Psychological Atmosphere of Russian Society in 1914–1917: On the Nature of Rumors and Phobias].” *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriiya, Filologiya* 14, no. 1 (2015): 119–133 (in Russian).
- Aksenov, V.B. “Voina i vlast' v massovom soznanii krest'ian v 1914–1917 godakh: arkhetyipy, slukhi, interpretatsii [War and Power in the Mass Consciousness of Peasants in 1914–1917: Archetypes, Rumors, Interpretations].” *Rossiiskaia istoriia*, no. 4 (2012): 137–145 (in Russian).
- Cherepenchuk, V.S. “Rossiiskaia periodicheskaia pechat' vremen Pervoi mirovoi voiny kak istoricheskii istochnik [Russian periodical press during the First World War as a historical source].” *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 16, no. 1 (2015): 169–177 (in Russian).
- Cheshikhin, V. “K voprosu o pesne na fronte [On the question of the song at the front].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 34–35 (1916): 624 (in Russian).
- Cheshikhin, V. “Kompozitory i revoliutsii [Composers and revolutions].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 13–14 (1917): 281–292 (in Russian).
- Cheshikhin, V. “Ty pobedish' ves' mir, Rossiia! [You will win the world, Russia!].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 10 (1917): 228 (in Russian).
- Fatov, N.N. “Eshche po povodu ‘iskusstva vragov’ [More about the ‘art of enemies’].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 46 (1914): 843–845 (in Russian).
- Fatov, N.N. “Iskusstvo vragov [More about the ‘art of enemies’].” *Russkaia muzykal'naia gazeta*, no. 38–39 (1914): 728–729 (in Russian).
- Guzhva, D.G. “Informatsionnoe protivoborstvo za vliianie v russkoi armii. Po materialam voennoi pechati 1917–1918 gg. [Information confrontation for influence in the Russian army. According to the materials of the military press 1917–1918].” *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 1 (2008): 47–50 (in Russian).
- Guzhva, D.G. “Russkaia voennaia pechat' v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian military press during the First World War].” *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 12 (2007): 37–41 (in Russian).
- Guzhva, D.G. “Russkaia voennaia periodicheskaia pechat' v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian military periodicals during the First World War].” *Makushinskie chteniia*, no. 8 (2009): 140–142 (in Russian).
- Guzhva, D.G. *Voennaia periodicheskaia pechat' russkoi armii v gody pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.* [Military periodical press of the Russian army during the First World War 1914–1918]. Novosibirsk: Novosibirskoye vysshee komandnoe uchilishche Publ., 2009 (in Russian).

- Ignat'ev, A. "Sovremennaia voina i narodnaia pesnia [Modern war and folk song]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 37–38 (1915): 553–555 (in Russian).
- Ivanov, A.I. "Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia khudozhestvennaia intelligentsiia: sovremennye problemy izucheniia [World War I and the Russian artistic intelligentsia: modern problems of study]." *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* 10, no. 3 (2004): 860–869 (in Russian).
- Kosmovskaia, M.L. "'Russkaia muzykal'naiia gazeta' i arkhiv N.F. Findeizena o deiatel'nosti A.N. Skriabina [Russian musical newspaper' and the archive of N.F. Findeisen on the activities of .N. Scriabin]." *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2008): 181–184 (in Russian).
- Kuptsova, I.V. *Khudozhestvennaia zhizn' Moskvy i Petrograda v gody Pervoi mirovoi voiny (iiul' 1914 – fevral' 1917 g.)*. [Artistic life of Moscow and Petrograd during the First World War (July 1914 – February 1917)]. St. Petersburg: Nestor Publ., 2004 (in Russian).
- Lipaev, I. "Khronika. Saratov [Chronicle. Saratov]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 1 (1915): 23–30 (in Russian).
- Nadyokhina, Iu.P. "Sobytiia Pervoi mirovoi voiny v osveshchenii moskovskikh zhurnalov [Events of the First World War in the coverage of Moscow magazines]." *Vestnik universiteta*, no. 7 (2014): 285–288 (in Russian).
- Petronii. "Po povodu ankety o narodnom gimne [Regarding the questionnaire about the national anthem]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 11-12 (1917): 259–261 (in Russian).
- Polonskii, V.V., ed. *Russkaia publitsistika i periodika ehpokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poehtika. Issledovaniia i materialy* [Russian Publicism and Periodicals of the First World War: Politics and Poetics. Research and materials]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Popov, B. "Khronika. Perm' [Chronicle. Perm]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 5 (1915): 115–119 (in Russian).
- Porshneva, O.S. "The concept of a just war in Russian socio-political discourse (1914–1916)." *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 3 (2022): 112–120. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-112-120](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-112-120) (in Russian).
- Semenova, E.Iu. "Kul'tura Srednego Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914 – nachalo 1918 gg.: Po materialam Samarskoi i Simbirskoi gubernii [Culture of the Middle Volga region during the First World War, 1914 – early 1918: Based on materials from the Samara and Simbirsk provinces]." PhD dis., Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001 (in Russian).
- Tiup'ev, B. Khronika. "Khar'kov [Chronicle. Kharkov]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 2 (1915): 40–46 (in Russian).
- Vladimirov, M. "O formirovanii v Petrograde gorodskogo orkestra [On the formation of the city orchestra in Petrograd]." *Russkaia muzykal'naiia gazeta*, no. 46 (1914): 841–843 (in Russian).
- Zima, T.Iu. "Imperatorskoe russkoe muzykal'noe obshchestvo v gody Pervoi mirovoi voiny [Imperial Russian Musical Society during the First World War]." *Vestnik Moskovskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 5 (2014): 80–87 (in Russian).
- Zima, T.Iu. "Rossiiskaia periodicheskaia pechat' kak zerkalo deiatel'nosti otdelenii Imperatorskogo russkogo muzykal'nogo obshchestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Russian periodical press as a mirror of the activities of the departments of the Imperial Russian Musical Society in the second half of the 19th – early 20th centuries]." *Vestnik Moskovskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3 (2014): 75–83 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Вячеславовна Логачёва, канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; logacheva-nv@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7008-0446>

Natalia V. Logacheva, PhD in History, Ass. Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; logacheva-nv@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7008-0446>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-275-288>
EDN: DWXVIY

Научная статья / Research article

Реконструкция культурного развития США в материалах советской прессы периода «оттепели»

Иван Лопаткин , Равиля Хисамутдинова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

 ivan-lopatkin1988@mail.ru

Аннотация: Выявляются особенности освещения советской прессой вопросов развития культуры и образования в США. Анализ материалов отечественной прессы эпохи «оттепели» показал, что риторика, применяемая в отношении культурного развития США, имела много общего с послевоенным временем. Это объясняется противостоянием двух идеологических систем – «американской мечты» и «советского образа жизни». Сюжеты на тему культуры были призваны, с одной стороны, продемонстрировать стремительный упадок искусства и образования в США, а с другой, невозможность сотрудничества в этой сфере. Резкой критике подвергались авторы, демонстрировавшие положительные стороны американского искусства. Однако, несмотря на преемственность, пресса периода «оттепели» обладала рядом особенностей. Она отличалась большей объективностью, аргументированностью и опорой на факты. Информация стала более содержательной, сопровождалась фотоматериалами. В прессе печатались заявления американских политиков, общественных деятелей и рядовых американцев, что делало публикации более интересными для читателя.

Ключевые слова: агитпроп, антиамериканская пропаганда, холодная война, послевоенная периодика 1956–1964 гг., советско-американские отношения, Н.С. Хрущев

Для цитирования: Лопаткин И.Н., Хисамутдинова Р.Р. Реконструкция культурного развития США в материалах советской прессы периода «оттепели» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 275–288. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-275-288>

‘Reconstruction’ of US Cultural Development within the Soviet Press during the ‘Thaw’ Period

Ivan Lopatkin , Ravilya Khisamutdinova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 ivan-lopatkin1988@mail.ru

Abstract: The authors reveal the peculiarities of the Soviet press coverage of the issues related to culture and education in the United States during the “Thaw” period. Both qualitative and quantitative analysis of the domestic press materials of the period under review showed that the rhetoric used in relation to the US cultural development share many similarities with post-war rhetoric. In their opinion, this fact is explained by the ideological confrontation of the two systems, between – the “American dream” and the “Soviet way of life,” which excluded the possibility of peaceful coexistence. The materials on the culture issue were intended, on the one hand, to demonstrate the rapid decline of art and education in the United States, and, on the other hand, the impossibility of cooperation in that area. The authors also demonstrate that the positive aspects of American art were simultaneously sharply

© Лопаткин И.Н., Хисамутдинова Р.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

criticized. However, despite the continuity, the press of the “thaw” period had a number of unique features. It was distinguished by greater objectivity as well as reasoning, and on reliance of facts. In addition, presented information became more meaningful and was accompanied by photographic materials. The press published statements by American politicians, public figures and ordinary Americans, which made the publications more interesting for the reader.

Keywords: agitprop, anti-American propaganda, Cold War, post-war periodicals 1956–1964, Soviet-American relations, Nikita Khrushchev

For citation: Lopatkin, Ivan, and Khisamutdinova, Ravilya. “‘Reconstruction’ of US Cultural Development within the Soviet Press during the ‘Thaw’ Period.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 275–288 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-275-288>

Введение

Актуальность данной темы обусловлена ухудшением отношений между Россией и США, в результате чего как в российской, так и в американской прессе произошел откат к риторике времен холодной войны. Обращение к опыту советской прессы позволит более объективно изучить российско-американские отношения, поскольку именно в эпоху «оттепели» был обозначен ряд принципов, используемых СМИ для формирования образа США на современном этапе. Значение темы возрастает в связи с тем влиянием, которое оказывает массовая западная культура на социальные процессы в современном мире.

Различные аспекты политической и культурной жизни США занимали одно из центральных мест в советских СМИ, отводивших им в 1956–1964 гг. (в зависимости от издания) до 68,2 % сюжетов в одном выпуске. Однако в отечественной историографии данная тема не привлекала внимания ученых. Лишь в настоящее время историки получили доступ к ранее засекреченным архивным источникам, что позволило детально изучить феномен «образа врага». Например, Е.А. Федосов показал формирование образа врага в период холодной войны на примере визуальных источников (плакаты, карикатуры)¹. Ряд авторов провели анализ содержания антиамериканской риторики советской прессы эпохи «оттепели»². В зарубежной историографии данная проблема изучалась гораздо подробнее, чем в отечественной³. Но существенным ее недостатком является тенденциозность и узость источниковой базы⁴.

В целом, состояние историографии темы делает обращение к ней необходимым. Целью исследования является реконструкция культурного развития США в отражении советской прессы периода «оттепели».

Используя контент-анализ, авторы исследовали содержание пяти периодических изданий за 1956–1964 гг.: газеты «Правда», журналов «Агитатор», «Крокодил», «Огонек», «Блокнот агитатора». Нами был выделен блок «Культура и образование в США», в рамках которого мы обозначили 9 наиболее распространенных лексических групп и определили частоту их употребления в рассматриваемый период. Это позволило проследить динамику риторики советской прессы в адрес США. Общий объем изученных материалов составил 4510 номеров. Для анализа

¹ Федосов Е.А. Фашизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946–1964 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 418. С. 163–171.

² Анпилова Е.С. Тема Карибского кризиса на страницах «Правды» 1962 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–2 (81). С. 219–222; Кускова С.А. Информационная подготовка населения к первому визиту Н.С. Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. № 1. С. 182–185.

³ Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. New York, 1986.

⁴ Avramov K.V. *Soviet America: Popular Responses to the United States in Post-World War II Soviet Union*. Kansas, 2012.

отбирались сюжеты, в которых в той или иной степени затрагивались различные аспекты, связанные с культурой и образованием в США.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в рамках отдельной работы проводится контент-анализ сюжетов советской прессы, посвященных культуре и образованию в США, осуществляется сравнение публикаций послевоенной периодики 1956–1964 гг., выявляются особенности риторики отечественной прессы рассматриваемого периода.

В качестве источников исследования, кроме обозначенных выше периодических изданий, использовались неопубликованные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории.

Культура и образование в США в освещении советской прессы

Контент-анализ показал, что публикации, связанные с образованием и культурой в США, появлялись на страницах «Правды» и в послевоенный период, и в эпоху «оттепели» примерно с одинаковой периодичностью – в каждом 19-м номере. В блоке «Культура и образование в США» авторами выделены следующие ключевые идеологически окрашенные фразы: «деградация, духовная нищета, безыдейность американской культуры» (24,7 % от общего количества публикаций в обозначенном сегменте); «американское искусство на службе у монополистов» (19,2 %); «искусство в США преследует исключительно коммерческую выгоду» (14,3 %); «милитаризация культуры и образования в США» (19,2 %); «прогрессивные деятели американского искусства терпят крайнюю нужду» (5,6 %); «образование недоступно рядовому американцу» (4,4 %); «американские учителя лишены академической свободы и государственной поддержки» (3,8 %).

При этом в отличие от послевоенного периода появились словосочетания, говорящие об интересе американцев к советской культуре и образованию: «американцы восхищаются советским искусством» (2,7 %); «США пытаются перенять советскую систему образования» (6,1 %) (табл.).

Количественное распределение идеологем в сюжетах газеты «Правда», посвященных культуре и образованию в США, 1956–1964 гг.

Год	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	Всего
Деградация, духовная нищета, безыдейность американской культуры	4	7	4	5	5	4	5	6	5	45
Американское искусство на службе у военных монополий	2	4	5	4	5	3	4	5	3	35
Искусство в США преследует исключительно коммерческую выгоду	3	4	4	3	2	3	3	2	2	26
Милитаризация культуры и образования в США	2	4	5	4	5	3	4	5	3	35
Прогрессивные деятели американского искусства терпят крайнюю нужду	1	1	0	1	3	2	1	1	0	10
Американцы восхищаются советским искусством	0	0	0	1	2	1	0	1	0	5
США пытаются перенять советскую систему образования	1	1	2	0	1	2	2	1	1	11
Образование недоступно рядовому американцу	1	2	1	0	1	0	1	1	1	8
Американские учителя лишены академической свободы и государственной поддержки	1	0	0	1	1	2	1	1	0	7

Quantitative distribution of ideologems in the plots of the *Pravda* devoted to culture and education in the United States, 1956–1964

Year	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	Total
Degradation, spiritual poverty, the lack of ideas of American culture	4	7	4	5	5	4	5	6	5	45
American art in the service of military monopolies	2	4	5	4	5	3	4	5	3	35
Art in the United States pursues exclusively commercial benefits	3	4	4	3	2	3	3	2	2	26
Militarization of culture and education in the United States	2	4	5	4	5	3	4	5	3	35
Progressive figures of American art suffer extreme need	1	1	0	1	3	2	1	1	0	10
The Americans admire Soviet art	0	0	0	1	2	1	0	1	0	5
America is trying to adopt the Soviet education system	1	1	2	0	1	2	2	1	1	11
Education is not available to the average American	1	2	1	0	1	0	1	1	1	8
American teachers are deprived of academic freedom and state support	1	0	0	1	1	2	1	1	0	7

Концентрация подобной лексики в публикациях на протяжении двух рассматриваемых периодов практически не менялась. Однако анализ опубликованных материалов позволил выявить ряд особенностей. Сходство приемов освещения прессой данной темы в периоды правления И.В. Сталина и Н.С. Хрущева обусловлено: противостоянием двух идеологических платформ – «американской мечты» и «советского образа жизни».

Антиамериканская риторика

В плане мероприятий агитпропа по усилению антиамериканской пропаганды говорилось, что советская пресса должна изображать «маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки»⁵, «разоблачать идейное убожество буржуазной культуры...»⁶.

Например, отмечалось, что образование в США представляет собой крайне неэффективную и отсталую систему, что,

над учителями постоянно висит угроза преследования за высказывание даже самых мало-мальски прогрессивных мыслей⁷.

Наряду с проявлением идеологической борьбы подобная риторика, на наш взгляд, служила советскому руководству средством сглаживания собственных недостатков в сфере культуры и образования. Кроме того, она стала ответом на развернувшуюся в США во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. кампанию по борьбе с «красной угрозой».

В газетных статьях подчеркивалось, что культура и образование в США были целиком подчинены пропаганде милитаризма, что преступность в США постоянно растет в связи с «милитаризацией образования»⁸, высшее образование в США полностью контролируется «монополистами с Уолл-стрит», которые по своему усмот-

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 48.

⁶ Там же. Оп. 125. Д. 503. Л. 41.

⁷ Сталинская забота о народном образовании // *Правда*. 1950. 27 февраля.

⁸ *Коринов В.* Культ насилия и разбоя // *Правда*. 1950. 14 июня.

рению назначают профессоров и преподавателей, а возглавляют вузы люди, «совершенно далекие от науки»⁹.

Подобные заявления имели четкую цель: показать агрессивный характер американского государства, создать впечатление, что в США все подчинено форсированной подготовке к военной агрессии. Советская пропаганда изображала картину полного уныния и чувства безысходности среди американских студентов¹⁰.

Послевоенная пресса, освещая проблемы образования в США, использовала только общие, неподтвержденные конкретикой фразы. Например, не было опубликовано ни одной статьи, в которой содержалась бы общая характеристика американской системы образования, рассказывалось бы о стоимости обучения в США, о количестве американцев, способных позволить себе высшее образование, о численности выпускников американских вузов. Подобные лакуны в прессе можно объяснить тем, что само советское образование в рассматриваемый период было далеко не совершенным, поэтому пропагандисты, не вдаваясь в подробности и детали, которые могли бы вскрыть недостатки советской системы, обходились общими фразами.

Советская пресса подвергала критике и американское искусство. При этом, как нам кажется, она была весьма обоснованной и даже недостаточно острой. Например, отсутствовали статьи, где бы вскрывались причины повального интереса американцев к так называемому «концептуальному искусству», не говорилось о последствиях увлечения подобным направлением. Не раскрывался психологический аспект проблемы. Отмечалось, что в США господствует «духовная нищета», беспредметное искусство, «уводящее от жизни, отвлекающее от социальных противоречий». Послевоенная пресса подчеркивала, что американское искусство пропагандирует культ насилия и разврата:

Гвоздем театрального сезона являются пошлые пьесы... На афишах кинотеатров мелькают изображения полуобнаженных женщин. Герои кинофильмов стреляют, режут, душат, насильничают¹¹.

Советские СМИ сообщали, что американский кинематограф провоцирует гонку вооружений¹². Объяснялось это явление зависимостью американской литературы и искусства от крупных монополий. Но самым пагубным в американской культуре, по мнению послевоенной прессы, было «навязывание» ее другим странам. Пропагандисты использовали для обозначения данного явления специальный термин – «духовная оккупация»: «Этот режим полнее всего можно охарактеризовать одним словом „американизация“»¹³. Но вместе с тем использовалась риторика о падении интереса у граждан США и других стран к американскому искусству. Контент-анализ показал, что в 1956–1964 гг. обозначенный выше термин не встречался на страницах прессы.

Изменения риторики в 1956–1964 гг.

Н.С. Хрущев, наряду с многочисленными заявлениями о мирном сосуществовании двух систем с разным общественным строем, подчеркивал, что никакого примирения в идеологическом плане быть не может¹⁴.

⁹ Филиппов И., Литовко Е. В Колумбийском университете // Правда. 1951. 11 апреля.

¹⁰ Там же.

¹¹ Рассадин Г., Филиппов И. Город небоскребов и трущоб // Правда. 1950. 7 апреля.

¹² Рассадин Г. Во власти атомщиков // Правда. 1951. 12 февраля.

¹³ Маевский В. Американские оккупанты в Англии // Правда. 1951. 9 июля.

¹⁴ См., например: «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Сокращенное изложение выступлений товарища Никиты Сергеевича Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС // Правда. 1957. 28 авг.

В партийных постановлениях отмечалась необходимость противостояния таким западным идеям, как «беспартийность искусства», его безыдейность и аполитичность. При этом подчеркивалась закономерность обострения идеологической войны, обусловленного ростом экономических и политических успехов СССР: «чем глубже кризис мирового капитализма, тем сильнее будет идеологическая война». Вот почему перед прессой ставилась задача вести наступательную борьбу «с человеконенавистнической империалистической идеологией»¹⁵.

Можно сделать вывод, что в освещении проблем развития культуры США советская пресса периода «оттепели» применяла такую же жесткую риторику, как и в послевоенное время. Однако анализ материалов показал, что в 1956–1964 гг. советская пропаганда претерпела существенные изменения.

В отчетах Министерства культуры СССР и документах Отдела науки и культуры ЦК КПСС отмечалось, что советская интеллигенция подвержена влиянию американской идеологии¹⁶. Свои выводы Министерство подкрепляло, во-первых, тем, что в Московском Союзе художников возросла численность приверженцев «эстетико-формалистического направления», во-вторых, открытыми заявлениями некоторых советских художников о необходимости ликвидации партийного контроля за искусством, в-третьих, анонимной записью, оставленной в книге отзывов на выставке, посвященной творчеству М. Врубеля. В отзыве соцреализм был подвергнут жесткой критике и восхвалялся декаданс¹⁷. Кроме того, публикуемые в «Правде» статьи, посвященные проблемам искусства, например статьи П.П. Соколова-Скаля¹⁸ и К.А. Ситника¹⁹, становились предметом жесткой критики со стороны деятелей искусства²⁰. Если в «Правде» и «Коммунисте» публиковались ортодоксальные статьи, посвященные искусству, то на страницах «Нового мира», «Литературной газеты», «Искусства», «Советской музыки» можно было обнаружить публикации, не вписывающиеся в официальную идеологию. Например, в статье А.А. Каменского отстаиваются принципы индивидуализма в искусстве и свободы творчества²¹. Такие же принципы прослеживаются в статье А. Хачатуряна «О творческой смелости и вдохновении»²². Следует заметить, что в послевоенный период подобных тенденций не было.

Можно констатировать, что в советской прессе эпохи «оттепели» при освещении проблем развития культуры и искусства наметился раскол. Причину новых веяний советское руководство увидело во влиянии американского искусства на советских граждан, призывая в итоге усилить критику буржуазной культуры.

Однако, несмотря на подобные призывы, тема американской культуры для советской прессы периода «оттепели» оставалась маргинальной и фактически не затрагивалась на страницах местных газет²³.

Даже после подписания Соглашения между СССР и США о научных и культурных обменах в 1958 г. советское руководство СССР выступало против взаимодействия и даже контактов советских и американских деятелей культуры. Например, в 1955 г. Отдел культуры ЦК КПСС отказался посылать художников на конкурс

¹⁵ Постановление Пленума ЦК КПСС от 21 июля 1963 г. «Об очередных задачах идеологической работы партии» // Постановления Пленума ЦК КПСС. Июль 1963 г. М., 1963. С. 4.

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 454. Л. 33.

¹⁷ Там же. Оп. 36. Д. 48. Л. 17.

¹⁸ Соколов-Скаль П.П. Художник и народ // Правда. 1956. 16 октября.

¹⁹ Ситник К.А. За полный расцвет советского искусства // Коммунист. 1956. № 4. С. 35–56.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 48. Л. 17.

²¹ Каменский А.А. Размышления у полотен художников // Новый мир. 1956. № 7. С. 192–195.

²² Хачатурян А. О творческой смелости и вдохновении // Советская музыка. 1953. № 11. С. 15–18.

²³ Лешенюк И. О всемогущий телефон // Советская печать. 1961. № 12. С. 33.

в США, мотивируя это неприемлемыми условиями конкурса²⁴. А в ответ на свое обращение в ЦК КПСС по вопросу о сотрудничестве с зарубежными писателями редакция журнала «Иностранная литература» получила ответ, что контакты нужно налаживать не с американскими писателями, а с представителями стран народной демократии²⁵. Партийное руководство запретило Союзу писателей присоединиться к международной организации Пен-клубов, поскольку устав данной организации предполагает отсутствие цензуры и критику правительства, неприемлемые для советского руководства²⁶.

Советская пресса получила установку более критично характеризовать творчество писателей США, даже если они придерживались социалистических взглядов. Вот, например, что говорилось в записке отделов ЦК по поводу освещения на страницах советской прессы деятельности американского писателя Э. Синклера:

Вопрос об отношении к Э. Синклеру рассматривался в ЦК КПСС. Было рекомендовано объективно оценивать его деятельность и литературное наследие, переиздавать его реалистические, разоблачающие капитализм произведения, критикуя слабые, реакционные стороны творчества. Эти принципы должны определять также отношение журнала «Иностранная литература» к Э. Синклеру, Д. Пристли и другим подобным буржуазным писателям²⁷.

А что касается остальных американских деятелей культуры, то в освещении их творчества должна была применяться жесткая риторика. Так, критике подвергся С. Львов за опубликованную в «Литературной газете» «хвалебную» статью о повести Э. Хемингуэя «Старик и море», хотя в ней не затрагиваются какие-либо политические моменты²⁸. Вот что по этому поводу говорилось в одной из записок ЦК КПСС:

В среде читателей подобный подход порождает неправильные представления. В Московском университете, например, иногда даже задаются вопросы, следует ли относить повесть Хемингуэя к произведениям социалистического реализма²⁹.

Критике подвергся и Д. Ойстрах, статья которого была посвящена американской музыке³⁰. Автора раскритиковали за то, что он назвал США «центром музыкальной культуры» и «не пожалел красок для характеристики отдельных исполнителей». Кроме того, Д. Ойстрах имел неосторожность упомянуть об американских музыкантах-профессорах русского происхождения. Любая информация в прессе о том, что российские эмигранты реализовали свои таланты в США, была недопустима, во-первых, поскольку среди советского населения всячески пропагандировались идеи о том, что лучшие возможности для реализации есть только в СССР и странах народной демократии, а во-вторых, потому что к гражданам, покинувшим СССР, в советском государстве было традиционно негативное отношение³¹. Из-за данной статьи Отдел агитации и пропаганды ЦК вызвал главного редактора газеты Н. Данилова для беседы и обязал впредь не заниматься «восхвалением американской буржуазной культуры»³².

Чтобы исключить подобные явления, в 1957 г. советские журналы получили директиву от Отдела культуры ЦК КПСС популяризировать положения выступле-

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 7. Л. 53.

²⁵ Там же. Д. 3. Л. 75.

²⁶ Там же. Д. 19. Л. 175.

²⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д. 3. Л. 75.

²⁸ Львов С. Место человека в море // Литературная газета. 1955. 27 октября.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 3. Л. 76.

³⁰ Ойстрах Д.Ф. Гастроли в США // Советская культура. 1956. 3 января.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 748. Л. 76.

³² Там же.

ния Н.С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»³³. В результате на страницах советских журналов появились статьи, содержащие жесткую критику американской культуры³⁴. Пресса со ссылкой на материалы отчета ЮСИА (Информационное агентство США), касающегося состояния американской культуры за 1957–1958 гг., утверждала, что американское искусство являлось продуктом «загнивающего американского общества» и «отражало философию обреченности, безнадежности, пессимизма»³⁵.

В СМИ отмечалось, что якобы вся американская идеология, как и экономика, охвачена кризисом:

Жалкий манифест Эйзенхауэра, который он составил при помощи комиссии из монополистов, провалился, так как его не поддержал народ... Даже «Нью-Йорк таймс» писала: «Он вряд ли сможет возбудить большие надежды или вызвать сколько-нибудь значительную волну творческого энтузиазма среди нашего народа»³⁶.

При этом в прессе отмечалось, что в США деятели искусства не окружены достаточным вниманием общества и поддержкой со стороны государства. Среди них в особенно тяжелых условиях, по мнению советской пропаганды, оказались сторонники СССР:

Нас удивило, например, что дом и поместье Джека Лондона расположены на земле, являющейся частной собственностью его наследников, которым глубоко безразлична память великого писателя <...> Я сама видела, как трудно живет один из талантливых литераторов – Альберт Кан. Они бьются в условиях неуважительного отношения к тем, кто пишет и к тому же, подобно Кану, является другом СССР...³⁷

Отмечалось, что в США очень много способных людей, но «они держатся благодаря убеждениям какого-то богача»³⁸. Это утверждение соответствует действительности, поскольку в тот период в США шел активный процесс коммерциализации искусства и формирования поп-культуры, неразрывно связанный с получением прибыли.

СМИ писали о том, что многие американские писатели с целью разбогатеть обманывают читателей, публикуя книги, содержащие инструкции по быстрому обогащению³⁹. В прессе утверждалось, что положение писателей-реалистов было крайне тяжелым из-за господства моды на произведения, «клеветущие на социалистические страны, восхваляющие убийства, насилие»⁴⁰. Такие заявления подтверждались ссылками на популярность литературы «битников» и комиксы для детей, в которых содержались сцены насилия.

Особо подчеркивалось, что в США (в единственной из цивилизованных стран) нет театра, действующего на постоянной основе, а коммерческие театры Бродвея в погоне за выгодой ставят низкопробные пьесы⁴¹. Отмечалось, что постановки

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 32. Л. 109.

³⁴ *Соболев Л.* За нерушимое единство литераторов под знаменем партии // Литературная газета. 1957. 6 февраля; *Сурков А.* Вместе с народом // Коммунист. 1957. № 15. С. 12–14; *Панферова Ф.* Раздумье // Коммунист. 1957. № 15. С. 21–23; Главная линия // Новый мир. 1957. № 10. С. 18–21.

³⁵ *Avratov K.V.* Soviet America: Popular Responses to the United States in Post-World War II Soviet Union. Kansas, 2012. P. 64.

³⁶ *Пономарев Б.* Система капитализма подвержена кризисам: новый этап общего кризиса капитализма // Правда. 1961. 10 февраля.

³⁷ *Уланова Г.* В гостях и дома // Правда. 1963. 1 января.

³⁸ *Уланова Г.* Прекрасное призвание искусства // Правда. 1960. 1 января.

³⁹ *Владиславский Н.* В джунглях изящной словесности // Крокодил. 1963. № 32. С. 8–9.

⁴⁰ Культура в руках бизнеса // Агитатор. 1960. № 11. С. 38–39.

⁴¹ Там же.

в США наполнены сценами насилия и порнографии. Заявления подкреплялись ссылками на факты. Например, обращалось внимание на то, что одним из ее героев популярной пьесы Теннесси Уильямса «Suddenly Last Summer», был гомосексуалист-извращенец. При этом советские журналисты ссылались на слова Т. Уильямса о том, что «он уже несколько лет психически болен, и его последние пьесы – плод расстроенного разума»⁴².

Следствием популярности подобных произведений советская пресса называла рост детской преступности, объясняя само их создание стремлением крупных мафиози воспитать из американцев поколение убийц и людей без морали.

В опубликованных материалах доказывалось, что американский кинематограф тоже переживает упадок, так как

судьбой киноискусства распоряжаются финансовые воротилы. От них зависит, на какую картину будут отпущены средства, какая не попадет на экран. Поэтому в США фабрикуются фильмы, реабилитирующие и восхваляющие фашизм, аморальные фильмы, герои которых убийцы, алкоголики, насильники, предатели <...> Гонения маккартизма на прогрессивных деятелей кино <...> лишили американское киноискусство лучших сил⁴³.

Гонения на режиссеров действительно имели место. Например, за отказ отвечать на вопрос о своем отношении к коммунизму реальные тюремные сроки получили 10 режиссеров и сценаристов⁴⁴. Деятели искусства, имеющим какое-либо отношение к коммунизму, был закрыт въезд в США. Однако следует отметить, что такие явления имели место в период маккартизма, а в начале 1960-х гг. они пошли на убыль.

Отдел науки и культуры ЦК КПСС, ссылаясь на рост выпуска грампластинок с американской танцевальной музыкой в 1954 г. по сравнению с предыдущим годом в 30 раз, поставил перед советской центральной прессой задачу в кратчайшие сроки опубликовать материалы с критикой западной музыки⁴⁵. Отмечалось, что в США много талантливых музыкантов, например И. Стерн, В. Клайберн, внесших огромный вклад в мировую музыкальную культуру, но для масс предназначена другая музыка:

Это пошлые песенки, музыка, возбуждающая низменные, грубые инстинкты <...> Настоящей музыке противостоят и современные выкрутасы «модных» композиторов, поощряемые буржуазной прессой и подачками богачей <...> Социальное назначение такой музыки, во многом напоминающей бессмысленные полотна абстракционистов в живописи, – оторвать мысль и чувства человека от реальной жизни, увести их подальше от социальных проблем...⁴⁶

Особенно остро критиковался американский абстракционизм, который противопоставлялся соцреализму. Так, в одной из публикаций критике подвергся американский художник Дж. Полакк:

«Произведения» Полакка не понимают не только зрители, но и сам автор <...> Нередко защитники абстракционизма в ответ на недоуменные вопросы зрителей отвечают, что они не доросли до понимания такого «новаторского» искусства, что появление его связано с величайшими открытиями атомного века и т.д. <...> Какая может быть связь абстрактного искусства с наукой, если при создании таких произведений становится ненужным мозг человека!⁴⁷

⁴² Бородин Е. Искусство тонкой кошмарности // Агитатор. 1958. № 17. С. 26.

⁴³ Культура в руках бизнеса // Агитатор. 1960. № 11. С. 39.

⁴⁴ Сутоицкая И.М. Цивилизация США: контуры истории. М., 2017. С. 250.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 496. Л. 112.

⁴⁶ Культура в руках бизнеса // Агитатор. 1960. № 11. С. 38.

⁴⁷ Варлам С. Абстрактное искусство чуждо народу // Блокнот агитатора. 1963. № 2. С. 12.

Данные факты полностью соответствуют действительности: представитель так называемого «абстрактного экспрессионизма» Дж. Полакк все свои картины создавал посредством простого разбрызгивания красок на лежащий на земле холст.

Господство абстракционизма в США советская пресса преподносила как «свидетельство загнивания и разложения буржуазной культуры и самой системы капитализма»⁴⁸. Его преобладание в США объяснялось советской прессой только объективными предпосылками, представлялось порождением исключительно капиталистического строя.

В прессе утверждалось, что американское искусство не находит отклика у граждан США, насильно навязывается им властями. Так, в одной из статей советская балерина Г. Уланова рассказывала о частной выставке в США, на которой был представлен абстракционизм. По ее словам,

несмотря на то, что всему этому придается якобы особая значимость, я не заметила, чтобы описанные «произведения» привлекали большое внимание зрителей, вызывали у них настоящий интерес⁴⁹.

«Навязанному» сверху американскому искусству противопоставлялось советское. В прессе (после 1958 г.) в большом количестве публиковались материалы о гастролях советских деятелей искусства в США. В них подчеркивалось, что советское искусство произвело на американцев огромное положительное впечатление и заново открыло для них Советский Союз. Подобные мероприятия и заявления четко вписываются в политику публичной дипломатии, поскольку позволяют обращаться напрямую к американской общественности и создавать у советских граждан положительный образ среднестатистического американца.

В статье «Прекрасное призвание искусства» Г. Уланова пишет, что американская публика стала нашими новыми друзьями⁵⁰. В ряде публикаций демонстрировалась интернациональная и объединяющая функция культуры и искусства, отмечался вклад в их развитие представителей «самых разных стран»⁵¹.

Популярностью у советской прессы пользовалась также тема образования. В нормативных актах говорилось, что пресса должна уделять существенное внимание пропаганде преимуществ советского образования над американским⁵². В газетах появлялись материалы, в которых особый акцент делался на доступности и бесплатности отечественного образования⁵³.

При этом советская пресса писала, что американские вузы не способны обучать такое количество студентов, как в СССР⁵⁴,

образование практически недоступно для талантливых людей, и цены постоянно растут. Охотятся вузы за теми, у кого есть деньги, а не знания⁵⁵.

СМИ рисовали картину глубокого кризиса в системе американского образования и подтверждали это ссылками на факты, в том числе на заявления самих американцев:

Положение с народным образованием в Соединенных Штатах настолько безрадостно, что это вынуждены признать даже заядлые реакционеры⁵⁶.

⁴⁸ Варлам С. Абстрактное искусство чуждо народу // Блокнот агитатора. 1963. № 2. С. 12.

⁴⁹ Уланова Г. В гостях и дома...

⁵⁰ Уланова Г. Прекрасное призвание искусства // Правда. 1960. 1 января.

⁵¹ Тихонов Н. Широкие замыслы, большие надежды // Правда. 1963. 1 января.

⁵² Постановление Пленума ЦК КПСС от 21 июля 1963 г. «Об очередных задачах идеологической работы партии» // Постановления Пленума ЦК КПСС. Июль 1963 г. М., 1963. С. 20.

⁵³ Советская наука получила всеобщее признание // Правда. 1958. 6 июня.

⁵⁴ Ананьев В. Праздник международного труда // Блокнот агитатора. 1956. № 7. С. 1–16.

⁵⁵ Так живут трудящиеся в странах капитализма // Блокнот агитатора. 1958. № 5. С. 44–46.

⁵⁶ Там же. С. 45.

Официальный вестник американского конгресса «Конгрешнл рекорд» опубликовал в январе 1960 г. статью Ф. Розелла, призывающего конгресс и правительство

сделать что-нибудь существенное для того, чтобы расширить нашу отсталую и недостаточную программу общественного обучения...⁵⁷

Как свидетельствует американская пресса, в США 10 млн неграмотных взрослых людей, причем 2,5 млн из них никогда не переступали порога школы. Советская пресса делала особый акцент на платность и классовый характер американского образования⁵⁸.

Также СМИ сообщали, что США начали изучать советскую систему образования, поскольку американские 17-летние выпускники на 2–3 года отстают от своих советских сверстников по уровню научных знаний⁵⁹. Публиковались материалы, в которых говорилось, что американцы сами признают превосходство советской системы образования⁶⁰. В журнале «Агитатор» была создана специальная рубрика «Американцы об Америке». Эти заявления советской прессы полностью подтверждаются фактами. Так, в период президентства Дж. Кеннеди из-за отставания от СССР в США началась масштабная перестройка всей системы образования, продолжившаяся уже после его смерти. Финансирование данной отрасли увеличилось в несколько раз.

Подчеркивалось, что положение американских учителей и преподавателей якобы является очень тяжелым и гораздо хуже, чем у их советских коллег. В качестве доказательства приводились высказывания американских политических и общественных деятелей. Здесь пресса ссылалась на то, что советские ученые получали от государства жилье, автомобиль, дачу и мебель. Однако подобные заявления являются спорными, поскольку уровень материального благополучия и академической свободы среднестатистического работника образования в США был выше, чем в СССР.

Начиная с 1958 г. пресса активно информировала и о взаимодействии между СССР и США в области образования: осуществлялся обмен профессорами и студентами между МГУ и Колумбийским университетом⁶¹. Обмен делегациями советская пресса связывала со стремлениями американцев преодолеть отставание от СССР в области образования:

Даже реакционная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн», сетуя на кризис школьного дела в США, выражала надежду, что в результате визита в Советский Союз делегации работников просвещения США «будет составлен доклад, который прольет свет на недостатки американского образования», то есть, называя вещи своими именами, признала неоспоримое превосходство советской школы над американской⁶².

Выводы

Тема культуры и образования по частоте освещения советской прессой в годы «оттепели» уступала всем остальным. Именно при ее изложении в наибольшей степени сохранялась преемственность с послевоенной риторикой, что объясняется противостоянием двух идеологических платформ – «американской мечты» и «советского образа жизни», исключая какое-либо примирение в вопросах идеоло-

⁵⁷ Образование не для всех // Агитатор. 1960. № 11. С. 34.

⁵⁸ Там же. С. 34.

⁵⁹ Советская наука получила всеобщее признание // Правда. 1958. 6 июня.

⁶⁰ Воспитать активных и сознательных строителей коммунистического общества // Правда. 1960. 19 апреля.

⁶¹ В области культуры, техники, образования // Правда. 1958. № 29. С. 5.

⁶² Знаменательные решения // Агитатор. 1959. № 1. С. 9.

гии. Архивные источники показывают, что власти, озабоченные влиянием американской культуры на советскую интеллигенцию, требовали углубления «классовой борьбы» и использования жесткой антиамериканской риторики в этой сфере. В ходе контент-анализа не удалось выявить публикаций, призывающих к сотрудничеству с США в области культуры даже после заключения советско-американского договора 1958 г. о научных и культурных обменах. В сюжетах на эту тему присутствовали выражения, призванные продемонстрировать стремительный упадок искусства и образования в США: «обреченность», «безнадежность», «пессимизм», «загнивание». Резкой критике подвергались авторы, в публикациях которых раскрывались плюсы американского искусства. Особенно недопустимыми считались материалы, повествующие об успехах деятелей искусства российского происхождения, поскольку они шли в разрез с идеей об отсутствии в США возможностей для раскрытия настоящих талантов. Наоборот, в советской прессе отмечалось, что в США деятели искусства не окружены достаточным вниманием и вынуждены жить в нищете. Поскольку пресса периода «оттепели» создавала положительный образ рядового американца, то в публикациях подчеркивалось, что в США много талантливых людей. Однако они не могут по-настоящему заявить о себе, так как искусство в США преследует исключительно коммерческие цели и зависит от воли богатых покровителей.

Советская периодика заявляла, что в подобных условиях становятся популярными многие бездарности, стремящиеся к материальной выгоде и пользующиеся покровительством влиятельных лиц. Такие выводы подкреплялись примерами из сюжетов, посвященных абстрактному искусству. В отличие от послевоенного периода, в материалах прессы 1956–1964 гг. приводились конкретные примеры из биографий критикуемых деятелей, их творчества, способные подчеркнуть негативный образ представителя американской культуры.

Популярными были заявления о падении интереса американской публики к национальной культуре. При этом в отличие от послевоенного периода в прессе появились лексемы, говорящие об интересе американцев к советской культуре и образованию, что объясняется некоторой либерализацией, охватившей в период «оттепели» все сферы общества.

В сюжетах, посвященных проблемам образования в США, постоянно подчеркивалась его недоступность для большей части населения. Для демонстрации кризиса образовательной системы США публиковались высказывания самих американцев, положительно отзывающихся о советских школах и вузах. Подобные заявления имели под собой основания, поскольку в период президентства Дж. Кеннеди из-за отставания от СССР в обучении кадров в США начинается масштабная перестройка системы образования.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на наличие жесткой риторики, пресса периода «оттепели» освещала данный вопрос более объективно, чем послевоенная, опиралась на факты и приводила веские аргументы. Перед советским читателем представала картина глубокого кризиса, охватившего культуру и образование в США, создавался негативный образ представителей абстрактного искусства, гонящихся исключительно за коммерческой выгодой и зависящих от влиятельных покровителей, демонстрировался разрыв между культурой США и рядовыми американцами. Советская пресса объясняла подобные явления стремительной деградацией капитализма.

Поступила в редакцию / Submitted: 07.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.03.2023

References

- Ananyev, V. "Prazdnik mezhdunarodnogo truda [The Holiday of international labor]." *Bloknot Agitatora*, no. 7 (1956): 1–16 (in Russian).
- Anpilova, E. S. "Tema Karibskogo krizisa na stranitsakh «Pravdy» 1962 goda [The theme of the Caribbean crisis on the pages of 'Pravda' in 1962]." *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 3–2 (2018): 219–222 (in Russian).
- Avramov, K. V. *Soviet America: Popular Responses to the United States in Post-World War II Soviet Union*. Kansas: N.s., 2012.
- Borodin, E. "Iskusstvo tonkoi koshmarnosti [The art of subtle nightmare]." *Agitator*, no. 17 (1958): 26 (in Russian).
- Fedosov, E. A. "Fashizatsiia obraza vruga v sovetskoj vizual'noi propagande nachal'nogo perioda holodnoi voiny (1946–1964 gg.) [Fascization of the enemy image in the Soviet visual propaganda of the initial period of the Cold War (1946–1964)]." *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 418 (2017): 163–171 (in Russian).
- Filipov, I., and Litoshko, E. "V Kolumbiiskom universitete [At Columbia University]." *Pravda*. April 11, 1951 (in Russian).
- Kamensky, A. A. "Razmyshleniia u poloten khudozhnikov [Reflections on the canvases of artists]." *Novy mir*, no. 7 (1956): 192–195 (in Russian).
- Keen, S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. New York: Harper & Row, 1986.
- Khachaturian, A. "O tvorcheskoi smelosti i vdokhnovenii [About creative courage and inspiration]." *Soviet music*, no. 11 (1953): 15–18 (in Russian).
- Korinov, V. "Kul't nasiliia i razboia [The cult of violence and robbery]." *Pravda*. June 14, 1950 (in Russian).
- Kuskova, S. A. "Informacionnaia podgotovka naseleniia k pervomu vizitu N.S. Khrushcheva v SSHA amerikanskimi i sovetskimi gazetami (na primere 'N'yu-York taims' i 'Pravdy') [Informational preparation of the population for the first visit of N.S. Khrushchev to the United States by American and Soviet newspapers (on the example of the New York Times and Pravda)]." *Bulletin of the Kostroma State University*, no. 1 (2018): 182–185 (in Russian).
- Leshenyuk, I. "O vsemogushchii telefon [Oh almighty phone]." *The Soviet press*, no. 12 (1961): 33 (in Russian).
- Mayevsky, V. "Amerikanskie okkupanty v Anglii [American occupiers in England]." *Pravda*. July 9, 1951 (in Russian).
- Oistrakh, D.F. "Gastroli v SSHA [Tours in the USA]." *Soviet culture*. January 3, 1956 (in Russian).
- Panferova, F. "Razdum'e [Reflection]." *Kommunist*, no. 15 (1957): 21–23 (in Russian).
- Ponomarev, B. "Sistema kapitalizma podverzhena krizisam: novyi etap obschego krizisa kapitalizma [The system of capitalism is subject to crises: a new stage of the general crisis of capitalism]." *Pravda*. February 10, 1961 (in Russian).
- Rassadin G., and Filippov I. "Gorod neboskrebov i trushchob [The city of skyscrapers and slums]." *Pravda*. April 7, 1950 (in Russian).
- Rassadin, G. "Vo vlasti atomshchikov [In the power of the atomists]." *Pravda*. February 12, 1951 (in Russian).
- Sitnik, K.A. "Za polnyi rassvet sovetskogo iskusstva [For the full flourishing of Soviet art]." *Kommunist*, no. 4 (1956): 35–56 (in Russian).
- Sobolev, L. "Za nerushimoe edinstvo literatorov pod znamenem partii [For the unbreakable unity of writers under the banner of the party]." *Literaturnaya gazeta*. February 6, 1957 (in Russian).
- Sokolov-Skal, P.P. "Khudozhnik i narod [The Artist and the people]." *Pravda*. October 16, 1956 (in Russian).
- Suponitskaya, I.M. *Tsivilizatsiia SSHA: kontury istorii* [The civilization of the USA: contours of history]. Moscow: LENAND Publ., 2017 (in Russian).
- Surkov, A. "Vmeste s narodom [Together with the people]." *Kommunist*, no. 15 (1957): 12–14 (in Russian).
- Tikhonov, N. "Shirokie zamysly, bol'shie nadezhdy [Broad plans, great hopes]." *Pravda*. January 1, 1963 (in Russian).
- Ulanova, G. "Prekrasnoe prizvanie iskusstva [The beautiful vocation of art]." *Pravda*. January 1, 1960 (in Russian).
- Ulanova, G. "V gostyah i doma [Away and at home]." *Pravda*. January 1, 1963 (in Russian).
- Varlam, S. "Abstraktnoe iskusstvo chuzhdo narodu [Abstract art is alien to the people]." *Agitator's notebook*, no. 2 (1963): 12 (in Russian).
- Vladislavsky, N. "V dzhunglyah izyashchnoj slovesnosti [In the jungle of fine literature]." *Crocodile*, no. 32 (1963): 8–9 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Иван Николаевич Лопаткин, аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; ivan-lopatkin1988@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5160-525X>

Ivan N. Lopatkin, Postgraduate student of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia; ivan-lopatkin1988@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5160-525X>

Равиля Рахияновна Хисамутдинова, д-р истор. наук, профессор заведующий кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; hisamutdinova@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3546-0683>

Ravilya R. Khisamutdinova, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia; hisamutdinova@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3546-0683>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-289-302>
EDN: HAXVZW

Научная статья / Research article

СССР и Израиль: опыт культурного диалога в условиях политической конфронтации 1967–1991 гг.

Татьяна Медведева , Игорь Рыжов , Марина Струкова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

 m.strukova@yandex.ru

Аннотация: Освещена проблема советско-израильского культурного взаимодействия в период 1967–1991 гг. На основе анализа фактов и событий того времени, отраженных в научных трудах по вопросам взаимоотношений СССР и Израиля, в архивных документах и публикациях мемуарного характера исследуется уникальный опыт взаимодействия двух стран в период наиболее резкого обострения межгосударственных отношений. Рассмотрены последствия для стран разрыва в 1967 г. дипломатических отношений, его влияние на характер и формы культурного взаимодействия, а также специфические факторы, определившие направление и содержание культурных контактов в рассматриваемый период. Сделан вывод, что как позитивный, так и негативный опыт выстраивания межкультурного диалога двух стран в условиях отсутствия дипломатических отношений может быть использован и в современную кризисную эпоху глобального противостояния мировых держав и активно продвигаемой Западом практики «cancel culture» (культура отмены).

Ключевые слова: дипломатические отношения, «мягкая сила», еврейская эмиграция, советские евреи-репатрианты, культурные контакты

Для цитирования: Медведева Т.А., Рыжов И.В., Струкова М.И. СССР и Израиль: опыт культурного диалога в условиях политической конфронтации 1967–1991 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 289–302. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-289-302>

USSR and Israel: Experience of Cultural Dialogue in the Context of 1967–1991 Political Confrontation

Tatyana Medvedeva , Igor Ryzhov , Marina Strukova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 m.strukova@yandex.ru

Abstract: The presented article considers the issue of the Soviet-Israeli cultural interaction in the period of 1967–1991. Based on the analysis of the facts and events of that time reflected in the scientific works written on the problems of the USSR-Israel relations, as well as on the archival documents and memoir publications, the authors outlined the unique experience of the two countries' interaction during the period, one that was sharpest aggravation of their interstate relations. Through his research, the authors have considered the consequences of the severance of diplomatic relations in 1967, its influence on the nature and forms of cultural interaction, as well as specific factors that determined the direction and content of cultural contacts across this period. Their conclusion is guided by the possibility by

of using the modern crisis era of global confrontation between world powers, including the practice of “cancel culture” actively promoted by the West, to compare the positive and negative experience of building an intercultural dialogue between the two countries in the absence of diplomatic relations.

Keywords: soft power, Jewish emigration, Soviet Jewish repatriates, cultural contacts, Soviet policy in the Middle East

For citation: Medvedeva, Tatyana, Ryzhov, Igor, and Strukova, Marina. “USSR and Israel: Experience of Cultural Dialogue in the Context of 1967–1991 Political Confrontation.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 289–302 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-289-302>

Введение

Актуальность исследования истории сложных советско-израильских отношений, в том числе в сфере идеологии и культуры, в 1967–1991 гг. обусловлена рядом факторов. Во-первых, следует принять во внимание, что Израиль был в тот период молодым активно развивавшимся государством Ближнего Востока, твердо отстаивавшим свой суверенитет и опиравшимся на поддержку США, а СССР до момента его распада являлся мощной мировой державой, лидером социалистического лагеря, противостоявшего западному капиталистическому блоку во главе с Соединенными Штатами Америки. Опыт культурного диалога Израиля и СССР может быть интересен в контексте укрепления позиций обеих стран на международной политической арене. Во-вторых, Государство Израиль – общество иммигрантов, среди которых важную роль в политической, социально-экономической, культурной жизни играли и играют репатрианты из СССР, «русскоязычные евреи», что придает уникальность и особую значимость культурным связям двух стран. В-третьих, контакты между Израилем и СССР во второй половине XX в. переживали разные периоды своей истории, включая наиболее сложный из них, последовавший за разрывом в 1967 г. дипломатических отношений. Но именно в этот период особое место в поддержании двустороннего диалога занимали советско-израильские культурные связи. Данный опыт сохранения гуманитарных контактов в условиях отсутствия дипломатических отношений может быть использован в нынешнюю эпоху глобального противостояния мировых держав как перспективный вариант возможного развития межгосударственных связей в условиях кризисной ситуации и активно продвигаемой Западом практики cancel culture (культура отмены).

История советско-израильских отношений достаточно подробно изучена отечественными исследователями, в первую очередь в контексте внешней политики двух государств на разных этапах исторического развития. Отказ в постсоветский период от политико-идеологических установок в области исторических исследований способствовал расширению проблематики отечественного израилеведения и его источниковой базы, появлению обобщающих трудов, исследований, затрагивающих отдельные аспекты взаимоотношений СССР и Израиля. В работах Ю. Говрина¹, Г.Г. Исаева², В.И. Носенко³, И.В. Рыжова⁴, Н.А. Семенченко⁵ затрагиваются отдельные этапы отношений СССР и Израиля, а совместная монография Т.В. Но-

¹ Говрин Ю. Израильско-советские отношения, 1953–1967 гг. / под ред. Н. Кольшикиной. М., 1994.

² Исаев Г.Г. Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг. // Политекс. 2006. Т. 2. № 3. С. 114–130.

³ Носенко В.И. Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990 гг.) // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. Сб. статей. М., 1991. С. 65–104.

⁴ Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений. Н. Новгород, 2008.

⁵ Семенченко Н.А. Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипломатических отношений (1967–1987 гг.) // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. 2011. Т. 3. Вып. 36.

сенко и Н.А. Семенченко⁶ стала классическим исследованием по этому вопросу. «Тайная» дипломатия в кризисный период разрыва дипломатических отношений раскрывается в 15 главе известной книги Е.М. Примакова⁷. Результатом сотрудничества российских ученых с коллегами из Израиля стали совместные труды известного израильского специалиста А.Д. Эпштейна с отечественными исследователями Р.Р. Сулеймановым⁸ и С. Кожеуровым⁹, а также его авторская публикация по советско-израильской дипломатии в период разрыва дипломатических отношений¹⁰. Современный взгляд, в целом совпадающий с устоявшимися в отечественном израилеведении оценками на израильско-советские отношения, отражен в публикации эксперта Иерусалимского института стратегии и безопасности Микки Ааронсон¹¹. Однако в настоящее время существует и другая точка зрения на причины «Шести-дневной войны» и ее последствий для израильско-советских отношений, представленная в книге израильских журналистов И. Гинор и Г. Ремеза¹². Тема эмиграции советских евреев в Израиль и проблема их абсорбции нашла отражение в постсоветских научных публикациях Б. Морозова¹³, Н.А. Семенченко¹⁴, Д.Л. Стровского и А.В. Антошина¹⁵, интерес представляет и взгляд на характер и динамику переселения советских евреев американской исследовательницы Лори Салитан¹⁶. Наименее исследованной областью до настоящего времени являются культурные контакты СССР и Израиля в период разрыва дипломатических отношений. Культурные связи до 1967 г. и в постсоветский период в том или ином аспекте отражены в изданном в США опусе о российских евреях¹⁷, публикациях А. Кушнира¹⁸, С.В. Мальцева¹⁹, Н.А. Семенченко²⁰, Б. Свирского²¹, Ю. Тавора²², Б.В. Ятвецкого²³, бразильского ис-

⁶ Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., 2015.

⁷ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века), 2-е изд., перераб. М., 2012.

⁸ Эпштейн А.Д., Сулейманов Р.Р. История и историография российско-израильских отношений // Израиль, Россия и мир: история и современность: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2008. С. 85–94.

⁹ Эпштейн А., Кожеуров С. Россия и Израиль: сложный путь встречи. М.-Иерусалим, 2011.

¹⁰ Эпштейн А.Д. Андрей Громько и советско-израильская дипломатия в период отсутствия двусторонних дипломатических отношений, 1967–1985 гг. // Уральское востоковедение. 2015. № 6. С. 136–153.

¹¹ Aharonson M. Relations between Israel and the USSR/Russia // Jerusalem Institute for Strategy & Security. URL: <https://jiss.org.il/en/aharonson-relations-israel-ussr-russia/> (дата обращения: 01.05.2018).

¹² Ginor I., Remez G. The Soviet-Israeli War, 1967–1973. The USSR's Military Intervention in the Egyptian-Israeli Conflict. New York, 2017.

¹³ Еврейская эмиграция в свете новых документов: сб. док. / под ред. Б. Морозова. Тель-Авив, 1998.

¹⁴ Семенченко Н. 1) Израильская иммиграционная политика и абсорбция. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. М., 2002. С. 96–129; 2) Израильская иммиграционная политика и абсорбция // Демоскоп Weekly. 26 августа – 8 сентября 2002. № 77–78. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/077/analit04.php> (дата обращения: 20.05.2013).

¹⁵ Стровский Д.Л., Антошин А.В. Советская алия как ключевая тема русскоязычной периодики в Израиле: дело журналов «Vremenu Mu» и «22» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 320–356. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356>

¹⁶ Salitan L.P. Politics and Nationality in contemporary Soviet-Jewish Emigration, 1968–1989. N.Y. – London, 1992.

¹⁷ Книга русского еврейства, 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.

¹⁸ Кушнир А. Иновещание – моя жизнь (заметки ветерана) // Голос, который знаком всему миру. М., 2009.

¹⁹ Мальцев С.В. Почему замолк голос «Мира и Прогресса» // Историк. URL: http://www.historicus.ru/Pochemu_zamolok_golos_Mira_i_Progressa/ (дата обращения: 20.03.2023).

²⁰ Семенченко Н.А. Советское радиовещание на Израиль (1967–1991 гг.) // Российско-израильские отношения: история и современность: сб. статей. М., 2012. С. 65–72.

²¹ Свирский Б. Российско-израильские культурные связи // Российско-израильские отношения... С. 143–144.

²² Тавор Ю. 20 лет в зеркале культуры // Российско-израильские отношения... С. 145–159.

²³ Ятвецкий Б.В. 1) Культурные связи России и Израиля через призму культурной политики двух стран // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

следователя Х. Мартинеса²⁴, в упомянутой статье Д.Л. Стровского и А.В. Антошина, посвященной русскоязычной периодике в Израиле. В настоящий момент наиболее полная информация о фактах культурных контактов в период отсутствия дипломатических отношений между СССР и Израилем содержится в указанных выше публикациях Н.А. Семенченко, в которых автор обращается к характеристике общественно-политических связей, существовавших в тот период времени между двумя странами, в частности, по линии компартии Израиля и ЦК КПСС²⁵.

Целью статьи является установление форм, характера и особенностей советско-израильских культурных контактов в период 1967–1991 гг., определение их потенциала в качестве инструмента политики «мягкой силы» в условиях кризиса межгосударственных отношений.

До недавнего времени в исторической науке было принято считать, что в эпоху холодной войны межгосударственные отношения формировались и определялись геополитическим противостоянием двух мировых держав – СССР и США. Вхождение в число партнеров этих стран или ориентация на их общественно-политические системы заведомо предопределяли линию поведения других государств на международной арене, значительная часть которых после окончания Второй мировой войны стала ареной борьбы за сферы влияния между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом.

Тем не менее реальная история показывает, что в том, разделенном холодной войной мире, существовали примеры межгосударственных отношений, которые не укладывались в утвердившиеся стереотипы и демонстрировали пример взаимодействия вопреки сложившейся политической ситуации. Областью подобного взаимодействия чаще всего была культура. Это заставило современных исследователей выдвинуть идею о том, что культурный потенциал страны может быть использован государственной властью в качестве мощного политического инструмента, так называемой мягкой силы. Автор данного понятия Джозеф Най утверждал, что за культурными инструментами – будущее межгосударственных отношений²⁶.

Однако не все современные исследователи разделяют данную точку зрения, высказывая вполне обоснованные сомнения в возможности отказа от традиционных внешнеполитических инструментов, при этом, не отрицая значения «мягкой силы», но и не преувеличивая его²⁷. Уникальный опыт советско-израильских культурных контактов в период отсутствия дипломатических отношений между странами показал, что сохранение подобных связей позволило в итоге наладить политический диалог и восстановить межгосударственные отношения, что вызывает несомненный исследовательский интерес и актуализирует выбор темы.

2011. № 2. С. 36–42; 2) Развитие межкультурного сотрудничества между Израилем и Россией: автореф. ... канд. культурологии. СПб., 2012.

²⁴ *Martinez J.-P.* Soviet Science as Cultural Diplomacy during the Tbilisi Conference on General Relativity // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 64. № 1. С. 120–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.107>

²⁵ *Семенченко Н.А.* Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипломатических отношений (1967–1987 гг.) // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 3. Вып. 36. М., 2011; *Носенко Т.В., Семенченко Н.А.* Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., 2015. С. 141–169.

²⁶ *Nye J.* Soft Power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. Р. 167.

²⁷ *Леонова О.Г.* Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 114.

Причины разрыва дипломатических отношений

Для понимания ситуации, сложившейся в советско-израильских отношениях в 1967 г., необходим краткий экскурс в их историю. Известно, что СССР первым признал провозглашенное в мае 1948 г. Государство Израиль де-юре и де-факто и оказывал ему поддержку в ходе первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Отношения между сионистскими организациями и советским правительством имели место и до 1948 г., чему в немалой степени способствовали события Великой Отечественной войны, в первую очередь жесткая антисемитская политика германских нацистов, сблизившая интересы советских руководителей и представителей мирового еврейства²⁸. Наличие в СССР одной из самых крупных в мире общин в диаспоре, информация о том, что еврейская община в Палестине десятилетиями формировалась из малоимущих трудящихся евреев, которые заимствовали социалистические формы организации труда и владения собственностью, вызывало симпатии советского руководства и придавало уверенности в том, что еврейское государство в перспективе может стать форпостом Советского Союза на Ближнем Востоке²⁹. Несмотря на официальный запрет, в СССР подпольно существовали еврейские организации, имевшие связи с влиятельными международными сионистскими центрами, о чем свидетельствуют многочисленные документы, опубликованные в 2000 г.³⁰

Однако переориентация израильской внешней политики на рубеже 1940–1950-х гг. на сотрудничество с США, расширение и активизация контактов Израиля с еврейскими общинами западных стран в условиях нарастания конфронтации между СССР и Соединенными Штатами Америки заставили советское руководство пересмотреть свой ближневосточный курс и направить усилия на всестороннюю поддержку арабских государств в качестве своеобразного противовеса усилению влияния стран Запада и, в первую очередь, США на Ближнем Востоке³¹.

Поэтому когда в 1956 г. израильские войска вторглись на территорию Египта, СССР выразил протест, исходя уже не столько из идеологических позиций, сколько из отставания геополитических интересов. Жесткая позиция Советского Союза заставила Израиль вывести войска с оккупированного Синайского полуострова. Была организована публикация ряда статей в центральной прессе, в которой до общественного сознания доводилось

сходство позиции израильских экстремистов с позицией колонизаторов, опасующихся укрепления мира и независимости ближневосточных стран³².

СССР однозначно характеризовал политику Израиля как пособничество мировым империалистическим державам³³.

В период между двумя арабо-израильскими войнами 1956 и 1967 гг. советская ближневосточная политика носила ярко выраженный проарабский (даже проегипетский) характер, что окончательно превратило Ближний Восток в еще один регион глобального противостояния СССР и США (Восток – Запад). Таким образом, возник фактор «советской угрозы», что преследовало двойную цель: продемонстрировать

²⁸ *Исаев Г.Г.* Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг. // Политэкс. 2006. Т. 2. № 3. С. 114.

²⁹ *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2012. С. 261–262.

³⁰ Советско-израильские отношения: Сб. док. М., 2000. Т. 1: 1941–1953. Кн. 1.

³¹ *Гольдберг Д.А.* Российско-израильские отношения: опыт, проблемы и перспективы развития // Глобальные и региональные проблемы современности: истоки и перспективы. 2007. Вып. 2. С. 27.

³² *Рыжов И.В.* СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений. Нижний Новгород, 2008. С. 193–194.

³³ Известия. 1956. 18 апреля.

жесткую линию Израилю в отстаивании собственных интересов в противовес интересам Запада, а также реальную поддержку Египту³⁴. Израильское правительство отрицательно оценивало проарабскую политику СССР и видело в Москве инициатора разрастания конфликта. Выдающийся государственный деятель Израиля Давид Бен-Гурион отмечал, что действия СССР вызывают усиление и обострение напряженности в регионе. Напротив, действия США были названы конструктивными³⁵. Участвовавшие в середине 1960-х гг. военные столкновения на израильско-сирийской границе подтолкнули египетского президента Насера к вводу войск на Синайский полуостров и перекрытию Тиранских проливов («майский кризис» 1967 г.) В ответ 5 июня 1967 г. Израиль начал военную операцию против Египта, ставшую точкой отсчета так называемой Шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.). Отказ израильского руководства выполнить требование Советского Союза о немедленном прекращении огня и продолжение им военных действий привели к разгрому вооруженных сил арабских союзников СССР, захвату к 10 июня египетских территорий Синайского полуострова и сектора Газа, иорданского Западного берега и Восточного Иерусалима, а также сирийских Голанских высот. Ответом СССР на эти действия стало объявление о разрыве дипломатических отношений с Израилем³⁶.

Последствия разрыва дипломатических отношений для СССР

Решение советского руководства по разрыву дипотношений имело далеко идущие последствия. В первую очередь это затронуло процесс репатриации советских евреев в Израиль. В итоге эмиграция, которая до этого момента осуществлялась в рамках воссоединения семей, была приостановлена. В ответ на Западе, особенно в США, была развернута широкая международная антисоветская кампания в защиту советских евреев, борющихся за право выезда на историческую родину. Израиль, еврейские общины за рубежом выступали под лозунгом: «Отпусти мой народ!». Использовались разные методы и средства пропаганды: обсуждение в мировых СМИ вопросов о притеснениях евреев в СССР, об ограничении их права на эмиграцию, о проявлениях антисемитизма в советском обществе. Проводились митинги и демонстрации протеста против политики советского правительства по отношению к правозащитникам, среди которых было значительное число евреев. Давление на Советский Союз оказывали правительства и парламентарии западных стран, различные общественные и неправительственные организации.

Руководство СССР в этих условиях вынуждено было отступить, так как подобные действия могли нанести ущерб образу Советского Союза как страны, где осуществляется принцип равенства политических и гражданских прав всех населяющих его народов. Оно стремилось таким образом избавиться от ярлыка тоталитарного государства, в котором евреи подвергаются этнонациональной и конфессиональной дискриминации.

В результате 10 июня 1968 г. был принят документ ЦК КПСС за подписью Ю.В. Андропова и А.А. Громыко, который возобновлял эмиграцию советских граждан в Израиль на постоянное жительство³⁷. Результатом этого решения стала достаточно масштабная эмиграция советских евреев на протяжении всего периода отсут-

³⁴ Говрин Й. Израильско-советские отношения, 1953–1967 / под ред. Н. Кольшкиной. М., 1994. С. 268.

³⁵ Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль... С. 195.

³⁶ Запись беседы первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова с послом Израиля в СССР К. Кацем. 10.06.1967 // Ближневосточный конфликт: из документов Архива внешней политики РФ. 1947–1967: в 2 томах. Т. 2: 1957–1967 / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003. С. 580–581.

³⁷ Еврейская эмиграция в свете новых документов: Сб. док. / под ред. Б. Морозова. Тель-Авив, 1998. С. 62.

ствия дипломатических отношений между Израилем и СССР. Максимальная квота – 1500 чел. – была превышена в 1969 г. вдвое, в 1971 г. – в девять, а в 1972 г. – более чем в двадцать раз³⁸. Существуют разные варианты подсчета числа эмигрантов. Так, материалы исследования Лори П. Салитан из университета Джона Хопкинса, опубликованного в США в 1992 г., свидетельствуют:

В общей сложности 369 385 советских евреев эмигрировали с октября 1968 г. по декабрь 1989 г. Число эмигрантов ежегодно колебалось, при этом 1970-е гг. характеризовались общим увеличением потока эмигрантов, а 1980-е гг. характеризовались контрастным уменьшением до 1987 г., когда эмиграция резко возросла³⁹.

В отечественных исследованиях указываются около 100 тыс. репатриантов из СССР с 1969 по 1975 г.⁴⁰, а также уточненные данные за период 1970–1988 гг. в 291 тыс. евреев и членов их семей, покинувших Советский Союз, из которых 165 тыс. (57 %) уехали в Израиль⁴¹.

Для руководства СССР такое большое число желающих эмигрировать в Израиль оказалось неожиданностью и заставило искать пути сдерживания этого потока, который в тех условиях работал на дискредитацию советской национальной политики в глазах мирового сообщества.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг., условиях нарастания идеологического противоборства, в СССР была развернута пропагандистская кампания борьбы с «происками международного сионизма»⁴². Немаловажную роль в идеологическом противостоянии двух государств играло вещание на Израиль советской радиостанции «Мир и прогресс» (создана в 1964 г.), которая до событий Шестидневной войны служила культурным мостом между СССР и Израилем⁴³. Однако в 1967 г., через три месяца после окончания войны, содержание вещания на Израиль носило уже совершенно иной характер⁴⁴.

В новой концепции радиовещания по линии радиостанции «Мир и прогресс» главной задачей стала пропаганда советской позиции по ближневосточному урегулированию со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴⁵. При этом еще с 1950-х гг. в массовой пропаганде существовали всевозможные фальсификации⁴⁶. По словам бывшего заместителя Главного редактора радиостанции «Мир и прогресс» А. Кушнера, контрпропаганда занимала фактически главное место, и иногда была слишком агрессивной⁴⁷.

Со своей стороны, Израиль также вел радиовещание на Советский Союз, которое осуществлялось радиостанцией «Коль Исраэль» («Голос Израиля») на русском языке и на идиш. Несомненно, что основной аудиторией для израильских журналистов являлось еврейское сообщество СССР, а ведущая цель – повышение мотивации советских евреев к репатриации в Израиль.

³⁸ Семченко Н.А. Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипломатических отношений (1967–1987 гг.) // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. Т. 3. Вып. 36. С. 11.

³⁹ Salitan Laurie P. Politics and Nationality... P. 7.

⁴⁰ Ятвецкий Б.В. Развитие межкультурного сотрудничества... С. 13.

⁴¹ Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки // Демоскоп Weekly. 6–19 февраля 2012. № 497–498. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497/print.php> (дата обращения: 03.04.2021).

⁴² Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., 2015. С. 171.

⁴³ Семенченко Н.А. Советское радиовещание на Израиль... С. 66.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Мальцев С.В. Почему замолк голос «Мира и прогресса»...

⁴⁶ Носенко В.И. Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990) // СССР и Третий мир: Новый взгляд на внешнеполитические проблемы: Сб. статей. М., 1991. С. 69.

⁴⁷ Кушнер А. Иновещание – моя жизнь (заметки ветерана) // Голос, который знаком всему миру. М., 2009. С. 202.

В рамках борьбы с «происками международного сионизма» после разрыва дипотношений с Израилем советским руководством было принято решение о запрете изучения иврита вне официальных учебных заведений, которое негативно повлияло на развитие культурных отношений двух стран. Все другие формы считались нарушением закона и уголовно преследовались. При этом на фоне эмиграционных настроений советских евреев проблема изучения иврита была весьма актуальной. Тем не менее, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Москве и ряде крупных университетских городов уже были подпольные группы, которые изучали иврит и в целом еврейскую историю и культуру. Не стал исключением и г. Горький (ныне Нижний Новгород). Так, как сообщалось в официальных документах, в июне – сентябре 1968 г. на физическом факультете Горьковского государственного университета аспирант К., доцент О. и ряд студентов еврейской национальности занимались распространением антисоветской литературы, в т. ч. и сионистского направления, за что были уволены и отчислены из университета⁴⁸. В том же году в Горьковском госуниверситете органы госбезопасности выявили так называемую сионистскую группу, руководителем которой являлся доцент физического факультета Тавгер, участниками которой были и студенты. На квартире преподавателя было обнаружено 47 наименований сионистской литературы, критикующей политику правительства СССР по отношению к Израилю⁴⁹. В 1970-е гг. в г. Горьком по 70-й статье УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) был осужден Леонид Вольвовский, преподававший у себя дома иврит для знакомых и друзей. Его обвинили в сионизме и буржуазной пропаганде. Позднее он эмигрировал в Израиль⁵⁰.

Пропагандистская кампания осуждения и критики сионизма нанесла серьезный ущерб и советскому израилеведению, значительная часть которого активно использовалась в качестве инструмента идеологического борьбы⁵¹. Из программы университетского курса истории Востока и соответственно из учебников для исторических факультетов были изъяты разделы, посвященные новейшей истории Государства Израиль⁵². Однако при этом израильские советологи среди советских специалистов по Ближнему Востоку высоко оценивали, в частности, компетентность Е.М. Примакова, возглавлявшего тогда Институт востоковедения Академии наук СССР.

В конечном счете, по мнению зарубежных исследователей, активная антисоцинистская пропаганда, а также процедурные и бюрократические требования к оформлению выезда, которые советские власти усилили в попытке воспрепятствовать дополнительной эмиграции, нагнетание атмосферы недоверия к советским гражданам еврейской национальности в обществе не только увеличивали число желающих эмигрировать в Израиль, но и стимулировали участников протестного движения и их международных сторонников⁵³. Именно этим объясняется большое число активных участников правозащитного «движения за выезд евреев в Израиль», «отказников», активистов сионистского движения среди эмигрантов 1970-х гг. Это был своеобразный протест против проявлений антисемитизма в СССР, религиозных, политических, культурных ограничений, то есть эмиграция происходила, в том числе и по идейным мотивам.

⁴⁸ Из решения парткома Горьковского государственного университета по информации по судебному процессу от 14 мая 1970 г. // Забвению не подлежит. Незвестные страницы нижегородской истории (1918–1984 годы). Нижний Новгород, 1994. С. 366. Кн. 2.

⁴⁹ *Хазанов М.* Узники собственной совести // Нижегородский рабочий. 1990. 18 октября. С. 6.

⁵⁰ Забвению не подлежит... С. 340.

⁵¹ *Эпштейн А., Кожеуров С.* Россия и Израиль... С. 177–179.

⁵² Программа курса «История стран Азии и Африки» (для государственных университетов, специальность «история»). М., 1975; История стран Азии и Африки в новейшее время. М., 1976. Ч. 1; 1979. Ч. 2.

⁵³ *Salitan Laurie P.* Politics and Nationality... P. 34.

Последствия разрыва дипломатических отношений для Израиля

Хорошо известно, что развитие культуры израильского общества напрямую связано с эмигрантским фактором и является закономерным результатом различных волн Алии. Длительный, количественный и качественный приток репатриантов из почти 80 стран мира обусловил особенности социальной, общественной, культурной жизни современного Израиля.

Культура Израиля имеет «мозаичную» структуру, и, учитывая специфику геополитического, экономического, социального положения страны, историю создания и прочие факторы, демонстрирует тенденцию к региональному культурному делению. Правительство Государства Израиль с момента его создания серьезно относилось к проблеме сохранения культурного наследия и поощрения творческой деятельности своих граждан⁵⁴. Необходимо было подкрепление и усиление культурного пласта с помощью зарубежных стран, в том числе, с помощью СССР. Израильско-советские взаимоотношения в сфере культуры рассматривались и как фактор, способствовавший усилению позиций обеих стран в международной жизни.

С приездом в страну в 1968–1991 гг. (и последующий постсоветский период) большого числа эмигрантов из СССР это стало особенно очевидно. Иммиграция русских евреев в значительной степени изменила облик Израиля, в котором сформировалось своеобразное «русскоязычное» сообщество.

После начала массовой эмиграции в Израиль из СССР русский язык стал одним из самых распространенных в стране, что придавало особую значимость культурному диалогу двух стран, облегчая межкультурное взаимодействие и взаимопонимание между ними. Данное обстоятельство можно без преувеличения назвать ключевым фактором в развитии культурных связей Израиля и СССР.

Многочисленное «русскоязычное» сообщество на территории еврейского государства стало не только проводником культурного влияния СССР, но и важным фактором внутренней и внешней политики Израиля. Советские эмигранты, благодаря своей массовости, оказывались вовлеченными в политические процессы в стране. Они могли способствовать интенсификации экономических и культурных связей двух стран, что давало надежду на нормализацию межгосударственных отношений в будущем.

Израиль остро нуждался в советской эмиграции по причине того, что подавляющее большинство репатриантов составляли люди, получившие в СССР блестящее образование. Многие из них являлись представителями научной и творческой интеллигенции, которые могли сыграть важную роль как в развитии экономического и научно-технического потенциала еврейского государства, так и в формировании современной самобытной культуры Израиля.

Однако в самом Израиле были серьезные проблемы, вынуждавшие эмигрантов не порывать культурных связей с советской родиной. Незнание языка, возрастные и гендерные ограничения, профессиональная невостребованность, необходимость подтверждения образовательного уровня и др. не только сильно снижали конкурентоспособность репатриантов на рынке труда, но и в целом затрудняли социализацию «русских евреев» в Израиле. Ситуация усугублялась еще и тем, что израильское руководство не могло в 1970–1980-е гг. обеспечить целый ряд социальных гарантий, которые были у репатриантов в СССР, поэтому удовлетворение хотя бы культурных потребностей этой группы населения было остро необходимо.

⁵⁴ Тезисы «Внешняя культурная политика России – год 2000» // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 76–84.

Формы и содержание культурного взаимодействия в 1970–1980-е гг.

В условиях отсутствия дипломатических отношений возможности советско-израильских культурных контактов были весьма ограничены. Важнейшую роль в развитии культурных связей СССР с израильской общественностью в этот непродолжительный для двух государств период сыграло Общество дружбы «СССР – Израиль». В 1970-е – первой половине 1980-х гг. контакты по линии этой организации были фактически единственным каналом культурного общения народов двух стран, поводом для которых служила, прежде всего, общая историческая память о Великой Отечественной войне. В состав советских делегаций, приезжавших в Израиль на празднование Дня Победы 9 мая, помимо представителей общественных организаций входили деятели культуры и искусства. Во время этих визитов происходил также обмен историческими документами, памятными символами⁵⁵.

Другим направлением развития пусть и весьма ограниченных в тот период культурных контактов стала сфера науки. Благодаря волне советских эмигрантов израильская наука получила значительную интеллектуальную подпитку. Для лучшей адаптации и продуктивного использования ученых-репатриантов из СССР им предоставлялась работа в университетах, разрабатывалась система грантов и стипендий, создавалась сеть бизнес-инкубаторов и промышленных парков. В итоге, несмотря на трудности адаптации, в израильском секторе высоких технологий в настоящее время примерно треть работающих составляют выходцы из бывшего СССР. Израиль превратился в мирового лидера по числу ученых на душу населения: 135 чел. на 10 тыс. работающих⁵⁶.

В 1970–1980-е гг. основной формой контактов в научной сфере был обмен делегациями, при этом число израильских делегаций было значительно больше. Известны факты участия ученых из Израиля в работе Международного конгресса по механике (Ленинград, 1971 г.), в медицинских форумах: Международном конгрессе по хирургии (Москва, 1971 г.) и IX международном конгрессе по геронтологии (Киев, 1972 г.). Интересно, что, несмотря на жесткое идеологическое противостояние в Советский Союз приезжали и израильские ученые-гуманитарии, участие которых отмечено в работе конференции Международной ассоциации по философии имени Гегеля (Москва, 1974 г.) и Международного конгресса общественных наук (Москва, 1979 г.).

В период отсутствия дипломатических отношений весьма активно развивались контакты между двумя государствами в области книгоиздания и литературного перевода. Начиная с 1977 г. торгово-промышленная палата Израиля направляла делегацию для участия в Московской международной книжной выставке-ярмарке. Израильяне готовили обширный видео- и аудиоматериал об Израиле на темы еврейской истории и традиции. Он вызывал большой интерес не только у евреев – потенциальных эмигрантов, но и у гебраистов, студентов, изучающих иврит, а также специалистов по Израилю и Ближнему Востоку. Израильяне придавали большое значение этому мероприятию в условиях отсутствия дипломатических отношений⁵⁷.

Потребность в русскоязычных изданиях и публикациях, возникавшая в 1970–1980-е гг. в связи с массовым приездом евреев-репатриантов из СССР, подтолкнула ивритские издательства к выпуску переводов оригинальной израильской литературы. Параллельно в эти годы в Израиле издавались и пользовались большим

⁵⁵ Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., 2015. С. 160–162.

⁵⁶ Семенченко Н. Израильская политика иммиграции и абсорбции....

⁵⁷ Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда... С. 166–167.

спросом периодические литературно-политические журналы на русском языке – издательский формат, очень популярный в послевоенные годы в Советском Союзе. Они во многом унаследовали традиции советских литературно-художественных журналов, а их содержание отражало духовные и нравственные поиски людей, которые волею судьбы оказались в новой для них обстановке⁵⁸.

Необходимо отметить и оживление театральной деятельности. Известно, что К.С. Станиславским и Е.Б. Вахтанговым в 1920-е гг. был создан израильский национальный театр «Габима», у истоков которого стояли многие впоследствии известные израильские деятели культуры, воспитанные на русской сценической традиции. На рубеже 1930-х гг. на сцене «Габимы» в Тель-Авиве впервые стали ставить спектакли А.П. Чехова, со сцены читали стихи А.С. Пушкина, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, В.В. Маяковского, С.А. Есенина наряду со своими стихами на иврите. В 1970–1980-е гг. по следам этой традиции появилось большое количество переводов произведений с русского и других языков на иврит. Израильские переводчики адаптировали тексты М.А. Булгакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова. В Израиле стала бестселлером поэзия Серебряного века в переводе Миры Литвак⁵⁹.

В свою очередь, возникла необходимость культурного послания из Израиля в СССР. Отсутствие дипломатических отношений между странами не мешало активной гастрольной деятельности уже упомянутого театра «Габима», Камерного театра, Иерусалимского Хана. Во многих советских городах давал концерты Израильский филармонический оркестр.

Безусловно, музыкальный аспект культурного диалога между СССР и Израилем был наиболее активным. Традиции исполнительского мастерства в области классической музыки музыкантов-виртуозов еврейского происхождения из России и Советского Союза, которые также как и театральные, берут начало еще в довоенном периоде советской истории, не прерывались и во второй половине XX в.⁶⁰ Музыка оказалась в данном случае наиболее ярким и показательным примером применения на практике, творческой адаптации и смешения ближневосточной и североафриканской культурной парадигмы «Мизхари» (*ивр.* восточный)⁶¹, а также советской эстрадной и классической музыки.

После прихода в 1985 г. к власти в СССР М.С. Горбачева с лозунгами «гласности», «демократии», «перестройки» и «нового мышления» наметилась тенденция к потеплению в советско-израильских отношениях и к замене политической конфронтации двусторонним взаимовыгодным сотрудничеством.

С середины 1980-х гг., несмотря на отсутствие между двумя странами дипломатических отношений, активность уже существовавших общественных, научных и культурных контактов, налаженных в предшествующие полтора десятилетия, существенно возрастала. В конце 1980-х гг. новым «культурным мостом» становится и кинематограф⁶². Жесткая антиссионистская пропаганда была прекращена. Радиовещание на еврейское государство изменило свой тон. 29 марта 1990 г. впервые состоялся радиомост между радиостанцией «Галей ЦАХАЛ» и советской радиостанцией «Мир и прогресс», посвященный празднованию Песаха.

⁵⁸ Стровский Д.Л., Антошин А.В. Советская алия... С. 335.

⁵⁹ Тавор Й. 20 лет в зеркале культуры // Российско-израильские отношения... С. 154.

⁶⁰ Книга о русском еврействе, 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.

⁶¹ Свирский Б. Российско-израильские культурные связи // Российско-израильские отношения... С. 143.

⁶² Тавор Й. 20 лет в зеркале культуры... С. 158.

Все вышеперечисленные события стали предпосылками для нормализации советско-израильских межгосударственных отношений. Как известно, в январе 1991 г. были восстановлены консульские отношения, за чем последовало восстановление и дипломатических отношений в октябре 1991 г. Появилась возможность кардинально разрешить вопрос еврейской эмиграции. Все это способствовало дальнейшему расширению культурных связей между государствами.

Выводы

Подводя итог, можно со всей очевидностью утверждать, что главными причинами, осложнившими в 1967–1991 гг. и так непростые взаимоотношения СССР и Израиля, были причины политического характера. Это прежде всего арабо-израильский конфликт и поддержка Советским Союзом арабской стороны в конфликте. В свою очередь, Израиль, поддержанный США, стал рассматриваться Советским государством как агент американского империализма. Разрыв дипломатических отношений в 1967 г. явился ярким проявлением этого политического конфликта.

Разорвав дипломатические отношения с Израилем, советское руководство оказалось в сложной ситуации, став заложником политико-идеологических установок, определявших в то время внешний курс СССР и его геополитические устремления на Ближнем Востоке. С одной стороны, была продемонстрирована решимость Советского Союза защитить дружественные арабские страны от экспансионистских устремлений Израиля. С другой стороны, СССР, разорвав отношения с Израилем, ослабил свои позиции как государства-участника ближневосточного урегулирования, учитывая существовавшие к тому времени контакты и связи с высшим руководством еврейского государства, которое в свою очередь было заинтересовано в участии Советского Союза в этом процессе. Развернутая вслед за дипломатическим разрывом активная антиссионистская пропаганда в СССР нанесла серьезный ущерб имиджу советского государства как поборника национального равноправия, спровоцировав негативные настроения в отношении граждан еврейской национальности внутри страны, подтолкнув и усилив эмиграцию последних в Израиль.

Все эти действия имели следствием значительное увеличение в 1970–1980-х гг. численности советских евреев, эмигрировавших на историческую родину, что способствовало формированию в израильском обществе своеобразной субэтнической общности «русскоязычных евреев». Именно существование этой общности предопределило сохранение культурных контактов между Советским Союзом и Израилем в 1967–1991 гг.

В целом исследование культурных событий во взаимоотношениях СССР и Израиля в 1967–1991 гг. показывает, что, несмотря на непростую историю этих отношений, насыщенную конфликтами, неприятием действий друг друга, а также серьезными политическими и идеологическими противоречиями, культурный диалог между советским и израильским государством не прерывался. Он перешел с уровня большой политики на уровень взаимоотношений граждан и общества. Очевидно, что культурные взаимоотношения СССР и Израиля в 1967–1991 гг. были возможны и осуществлялись в тех сферах, которые были наименее идеологизированы и были связаны с общим культурным наследием и общей исторической памятью, прежде всего о трагических страницах совместной истории: о жертвах Второй мировой и Великой Отечественной войн, Холокоста.

Безусловно, культурный диалог между СССР и Израилем в 1967–1991 гг. со всеми его позитивными и негативными аспектами можно рассматривать как определенную модель сохранения межгосударственных контактов в условиях жесткого, порой непримиримого противостояния, но модель отнюдь не универсальную, и тем более не сознательно разработанную. Советско-израильские культурные кон-

такты 1967–1991 гг., по-нашему мнению, были не столько инструментом «мягкой силы», сколько стремлением сгладить негативные последствия резкого разрыва отношений, от которого по-своему пострадала и та, и другая сторона.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.04.2023

References

- Aharonson, M. “Relations between Israel and the USSR/Russia.” *Jerusalem Institute for Strategy & Security*, May 1, 2018, <https://jiss.org.il/en/aharonson-relations-israel-ussr-russia/>
- Epshtein, A., and Kozheurov, S. *Rossiiia i Izrail': slozhnyi put' vstrechi* [Russia and Israel: a difficult way to meet]. Moscow; Jerusalem: Bridges of Culture; Gesharim Publ., 2011 (in Russian).
- Epshtein, A.D. “Andrei Gromyko i sovetsko-izrail'skaia diplomatiia v period otsutstviia dvustoronnikh diplomaticheskikh otnoshenii, 1967–1985 gg. [Andrey Gromyko and Soviet-Israeli diplomacy in the period of the absence of bilateral diplomatic relations, 1967–1985].” *Ural'skoe vostokovedenie*, no. 6 (2015): 136–153 (in Russian).
- Epshtein, A.D., and Suleymanov, R.R. “Istoriia i istoriografiia rossiisko-izrail'skikh otnoshenii [History and historiography of Russian-Israeli relations].” In *Izrail', Rossiia i mir: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov* [Israel, Russia and the World: History and Modernity. Collection of scientific works], 85–94. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo Universiteta Publ., 2008 (in Russian).
- Ginor, Isabella, and Remez, Gideon. *The Soviet-Israeli War, 1967–1973. The USSR's Military Intervention in the Egyptian-Israeli Conflict*. New York: Oxford University Press, 2017.
- Goldberg, D. A. “Rossiisko-Israeli'nye otnosheniya: opyt, problemy i perspektivy razvitiya [Russian-Israeli relations: experience, problems and development prospects].” In *Global'nye i regional'nye problemy sovremennosti: istoki i perspektivy: materialy nauchnoi konferentsyi molodykh uchonykh. Ekaerinburg, april' 28, 2007* [Global and regional problems of modernity: origins and perspectives: materials of the scientific conference of young scientists. Yekaterinburg, April 28, 2007], 27–29. Vyp. 2. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2007 (in Russian).
- Govrin, Y. *Izraelsko-Sovetskie otnosheniia, 1953–1967* [Israeli-Soviet relations, 1953–1967]. Moscow: Progress, 1994 (in Russian).
- Isaev, G.G. “Uroki istorii: sovetsko-izrail'skie otnosheniia v 1948–1951 gg. [Lessons of history: Soviet-Israeli relations in 1948–1951].” *Politex* 2, no. 3 (2006): 114–130 (in Russian).
- Khazanov, M. “Uzniki sobstvennoi sovesti [Uzniki sobstvennoy sovesti].” *Nizhegorodskii rabochii* [Nizhny Novgorod Worker], October 18, 1990 (in Russian).
- Kushnir, A. “Inoveshchanie – moia zhizn' (zametki veterana) [Foreign broadcasting is my life (veteran's notes)].” *Golos, kotoryi znakom vsemu miru* [Voice, which is familiar to all the world]. M., 2009. (in Russian).
- Leonova, O.G. “[Joseph Nye and ‘soft power’: an attempt at a new reading].” *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 1 (2018): 101–114 (in Russian).
- Maltsev, S.V. “Pochemu zamolk golos ‘Mira i Progressa’ [Why the voice of “Peace and Progress” is silent].” *Historicus*, http://www.historicus.ru/Pochemu_zamolk_golos_Mira_i_Progressa/ (in Russian).
- Martinez, J.-P. “Soviet Science as Cultural Diplomacy during the Tbilisi Conference on General Relativity.” *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Historiya* 64, no. 1 (2019): 120–135, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.107>
- Nosenko, T.V., and Semenchenko, N.A. *Naprasnaia vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skikh otnoshenii 1948–1991 gg.* [Useless hostility. Essays on Soviet-Israeli Relations 1948–1991]. Moscow: Institut Vostoka RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Nosenko, V.I. “Kharakter i ehtapy sovetsko-izrail'skikh otnoshenii (1948–1990 gg.) [Character and stages of Soviet-Israeli relations (1948–1990)].” In *SSSR i tretii mir: novyi vzgliad na vneshnepoliticheskie problemy. Sbornik statei* [SSSR and the Third World: A New Look at Foreign Policy Problems. Festschrift], 65–104. Moscow: IMEMO Akademii Nauk SSSR Publ., 1991 (in Russian).
- Nye, J. “Soft Power.” *Foreign Policy*, no. 80 (1990): 153–171 (in Russian).
- Primakov, E.M. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraia polovina XX – nachalo XXI veka)* [Confidential: The Middle East on the Stage and Behind the Scenes (the second half of the 20th – early 21st century)]. Moscow: Rossiiskaia Gazeta Publ., 2012 (in Russian).
- Ryzhov, I.V. *SSSR i Gosudarstvo Izrail'. Trudnaia istoriia vzaimootnoshenii* [USSR and the State of Israel. A difficult history of relationships]. Nizhny Novgorod: ICI NNGUn Publ.; Vector TIS Publ., 2008 (in Russian).

- Salitan, Laurie P. *Politics and Nationality in contemporary Soviet-Jewish Emigration, 1968–1989*. London: Macmillan, 1992.
- Salitan, Laurie P. *Politics and Nationality in contemporary Soviet-Jewish Emigration, 1968–1989*. New York: Palgrave Macmillan, 1992.
- Semenchenko, N. “Izrail'skaia politika immigratsii i absorptsii [Israeli immigration policy and absorption].” *Demoscope Weekly*, no. 77-78 (August 26 – September 8, 2002): <http://demoscope.ru/weekly/2002/077/analit04.php> (in Russian).
- Semenchenko, N.A. “[Socio-political contacts between the USSR and Israel in the period of the absence of diplomatic relations (1967–1987)].” In *Izrail', Rossiia i russkoiazыchnoe evreistvo v kontekste mezhdunarodnoi politiki. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaika* [Israel, Russia and Russian-speaking Jewry in the context of international politics. Proceedings of the XVIII International Annual Conference on Judaica]. Vol. 3, issue 36, 8-30. Moscow: Sefer Publ., 2011 (in Russian).
- Semenchenko, N.A. “Sovetskoe radioveshhanie na Israel (1967–1991 gg.) [Soviet broadcasting to Israel (1967–1991)].” *Rossiisko-Israeli'nye otnosheniya: istoriya i sovremennost': Sbornik statei* [Russian-Israeli Relations: Past and Present. Collection of articles], 65–72. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Strovsky, Dmitry L., and Antoshin, Alexey V. “Soviet Aliyah as a pivotal theme of Russian-language periodicals in Israel: the case of ‘Vremyai My’ and ‘22’ journals.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 320–356, <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356> (in Russian).
- Sverskii, B. “Rossiisko-israelskie kulturnye svyazi [Russian-Israeli cultural].” In *Rossiisko-Israeli'skie otnosheniia: istoriia i sovremennost': Sbornik statei* [ties Russian-Israeli relations: history and modernity. Collection of articles], 143–144. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Tavor, Y. “20 let v zerkale kultury [20 years in the mirror of culture].” In *Rossiisko-Israeli'skie otnosheniia: istoriia i sovremennost': Sbornik statei* [ties Russian-Israeli relations: history and modernity. Collection of articles], 145–159. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Tolts, M. “[Post-Soviet Jewish Diaspora: New Assessments].” *Demoscope Weekly*, no. 497–498 (6–19 February 2012): <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497/print.php> (in Russian).
- Yatvetsky, B.V. “[Cultural relations of Russia and Israel through the prism of cultural policy of two countries].” *Bulletin of The St. Petersburg State University of Culture and Arts*, no. 2 (2011): 36–42 (in Russian).
- Yatvetsky, B.V. “[Development of intercultural cooperation between Israel and Russia].” PhD Thesis, St. Petersburg, state University of Culture and Arts, 2012 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Александровна Медведева, канд. истор. наук, доцент кафедры истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; medvedeva144@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8405-1096>

Tatyana A. Medvedeva, Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; medvedeva144@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8405-1096>

Игорь Валерьевич Рыжов, д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; ivr@imomi.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6417-1517>

Igor V. Ryzhov, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; ivr@imomi.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6417-1517>

Марина Игоревна Струкова, канд. истор. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; m.strukova@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2294-188X>

Marina I. Strukova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of New and Contemporary History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; m.strukova@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2294-188X>

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-303-315>
EDN: DVSEYS

Научная статья / Research article

Высочайшие путешествия по окраинам Российской империи в 1880-е гг.: на материалах дневника В.С. Оболенского

Олеся Плех , Наталья Черникова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

 plekh@mail.ru

Аннотация: На материалах неизвестного ранее источника – дневника князя В.С. Оболенского-Нелединого-Мелецкого, сохранившегося в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), – рассматриваются путешествия Александра III по окраинным территориям Российской империи в 1882–1888 гг. Дневник содержит не только множество подробностей из жизни императорской семьи и придворного мира, но и сведения об организации официальных и неофициальных поездок императора, что позволило проследить изменения, происходившие в церемониальной практике, и выявить влияние модернизационных процессов на цели и задачи высочайших путешествий. Представлены новые сведения об официальных визитах Александра III в Польшу (1884 г., 1886 г.), Финляндию (1885 г.), Область войска Донского (1887 г.), на Украину (1885 г.) и Кавказ (1888 г.), а также о частных поездках на отдых в финские шхеры, Ловичское княжество и Ливадию. С учетом предшествовавшего опыта показано, что инспекционные и ознакомительные поездки по России остались в прошлом, на первый план вышли церемониальные мероприятия. Путешествия Александра III, продолжая линию, намеченную при Александре II, были призваны утвердить положительный образ монарха и подчеркнуть его связь с подданными. В 1880-е гг. регулярным стало посещение отдаленных императорских резиденций с целью отдыха и развлечений, что следует рассматривать как важную часть повседневной жизни императорской семьи.

Ключевые слова: эго-документы, источники личного происхождения, Министерство императорского двора, центр и регионы, коммуникативные практики

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-01607 («Дневник гофмаршала Александра III князя В.С. Оболенского. 1886–1888 гг.»), <https://rscf.ru/project/22-28-01607/>

Для цитирования: Плех О.А., Черникова Н.В. Высочайшие путешествия по окраинам Российской империи в 1880-е гг.: на материалах дневника В.С. Оболенского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 303–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-303-315>

An Emperor Travels around the Russian Empire Outskirts in the 1880s: As According to V.S. Obolenskii's Diary

Olesya Plekh , Natalya V. Chernikova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 plekh@mail.ru

Abstract: Based on the materials from a previously unpublished source – the diary of Prince V.S. Obolenskii-Neledinskii-Meletskii, preserved in the Department of Written Sources of the State Historical Museum, the authors in their article consider the travels of Alexander III through the outlying

territories of the Russian Empire in 1882–88. The diary contains not only many details from the life of the imperial family and the court, but also information on the organization of official and unofficial trips of the emperor, which made it possible to trace the changes that took place in the ceremonial practice and the influence of modernization processes on the goals of the emperor's travels. There is presented through new information on the official visits of Alexander III to Poland (1884, 1886), Finland (1885), the Province of the Don Cossack Host (1887), Ukraine (1885) and the Caucasus (1888), as well as on private vacation trips to the Finnish skerries, the Principality of Łowicz and Livadia. The author shows that as inspection and study trips around Russia became a thing of the past, as ceremonial events came to the fore. The travels of Alexander III, continuing the line traced under Alexander II, were intended to establish a positive image of the monarch and emphasize the connection with his subjects. In the 1880s, visits to remote imperial residences for the purpose of recreation and entertainment became a regular occurrence, events which should be considered as an important part of the daily life of the imperial family.

Keywords: ego-documents, sources of personal origin, Ministries of the Imperial Court, center and regions, communicative practices

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation grant No. 22-28-01607 (“Diary of the Marshal of the Imperial Court of Alexander III V.S. Obolenskii. 1886–1888”), <https://rscf.ru/project/22-28-01607/>

For citation: Plekh, Olesya, and Chernikova, Natalya. “An Emperor Travels around the Russian Empire Outskirts in the 1880s: As According to V.S. Obolenskii’s Diary.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 303–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-303-315>

Введение

В современной историографии высочайшие путешествия рассматриваются и как важные правительственные мероприятия, свидетельствовавшие о внешне- и внутривосточной ориентации, и как элемент государственного управления, игравший значимую роль при неразвитой системе контроля за деятельностью на местах. Однако не менее интересен взгляд на путешествия как на форму взаимодействия монарха с подданными – акт, призванный подчеркнуть духовную связь государя и народа¹. В этом отношении особое внимание привлекают поездки по России Александра III – монарха, деятельность которого получила противоречивые оценки в научной литературе. Одни ученые изображали его реакционером и мракобесом, отказавшимся от либеральных преобразований и тормозившим развитие страны, другие – характеризовали как царя, сумевшего укрепить государство, добиться экономического прогресса и избежать кровопролитных войн. И хотя сейчас историки стремятся дать более взвешенную оценку его правлению², при характеристике личности часто обращаются к свидетельствам современников, которые также не были единодушными в своих взглядах³. Все это не умаляет достижений историографии, но, очевидно, требует поиска и введения в научный оборот исторических источников, в том числе личного происхождения, дополняющих наши представления о процессах, протекавших в указанный период.

Важно подчеркнуть, что путешествия Александра III еще не становились предметом специального исследования, а имеющиеся в литературе сведения весьма отрывочны. Признается, что путешествия играли важную роль и в публичной, и в частной

¹ См., например: Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб., 2016; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 томах. М., 2002–2004.

² Боханов А.Н. Император Александр III. М., 2019; Дронов И.Е. Император Александр III и его эпоха. М., 2016; Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX – начало XX в.: повседневная жизнь российского императорского двора. М.; СПб., 2011; Ильин С.В. Император Александр III. М., 2019; Мясников А.Л. Александр III. М., 2018; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010; Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007 и др.

³ Александр III: pro et contra, антология. СПб., 2013; Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001 и др.

жизни императора, однако внимание историков к ним ограничивается рассмотрением отдельных поездок и эпизодов, как, например, крушение царского поезда под Борками в 1888 г. и его влияние на политическую обстановку⁴. По всей видимости, причины сложившейся историографической ситуации кроются в узости существующей источниковой базы, не позволяющей произвести всесторонний анализ проблемы.

В связи с этим следует обратить внимание на дневники князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (далее – Оболенского), сохранившиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея⁵. Этот без преувеличения уникальный материал содержит ценные сведения о придворной и государственной жизни 1880-х гг., позволяет по-новому взглянуть на личность императора. На фоне хорошо известных историкам дневников видных политических деятелей (А.А. Половцова, П.А. Валуева и др.) он выгодно выделяется лаконичностью записей и отсутствием оценочных суждений: автор не отбирал факты, а ежедневно фиксировал все значимые события, встречи, впечатления. Князь Оболенский пользовался особым доверием Александра III и входил в число его ближайших друзей. Занимая должность гофмаршала с 1882 г., он сопровождал монарха почти во всех поездках. Представленная на страницах дневника информация, ранее неизвестная историкам, позволит взглянуть на эту сторону жизни императора с нового ракурса.

В ходе проведенного исследования предполагается выявить нашедшие отражение в дневнике В.С. Оболенского особенности официальных и неофициальных путешествий Александра III по окраинным территориям Российской империи в 1882–1888 гг., что позволит увидеть не только изменения, происходившие в церемониальной практике, но и проявление модернизационных процессов в организации поездок.

Формирование традиции высочайших путешествий

Накопленный в историографии материал свидетельствует, что в разные периоды цели и задачи высочайших путешествий, да и в целом отношение к ним сильно различались. Еще в XVIII в. они приобрели значение важных правительственных мероприятий, однако далеко не сразу стали частью повседневной жизни царствующих особ. Хорошо известны поездки по России Петра I, которые почти всегда были сопряжены с решением задач государственной важности, и Екатерины II, запомнившиеся особенной торжественностью и пышностью церемониала. Павел I также предпочитал знакомство с народом и страной «вблизи», но в отличие от предшественницы его поездки приобрели, скорее, инспекционный характер. Император хотел

видеть обыкновенный, всеневный быт народа, и за тем строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты и делать какие бы то ни было приготовления для путешествия государя⁶.

В дороге он обращал внимание на поступавшие от населения жалобы и прошения, не оставлял незамеченными злоупотребления местных чиновников, тут же принимал конкретные решения.

⁴ См., например: *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 2019. С. 374–376; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 томах. М., 2004. Т. 2. С. 384–387, 394–400.

⁵ Дневники В.С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого за 1882–1891 гг. составляют 10 единиц хранения семейного архивного фонда князей Оболенских, находятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Этот источник по сей день не введен в научный оборот. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 1–10.

⁶ *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый: историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 352.

В первой половине XIX в. путешествия уже стали рядовым явлением в жизни царствующих особ. Про Александра I современники говорили, что он управлял страной из почтовой коляски. И если в первый период царствования его поездки в основном были связаны с внешнеполитическими событиями, то в послевоенное время они становились все более дальними, а их причины все менее однозначными: одни исследователи склонны видеть в этом «бегство» от ответственности⁷, другие – связь с «мрачным настроением духа», которое овладело государем⁸. В официальных изданиях цель преподносилась как проявление заботы о подданных и стремление познать тяготы жизни в провинции⁹. Следует признать, что этот аспект царствования Александра I по сей день нуждается во всестороннем анализе. Как, впрочем, еще предстоит осмыслить и многочисленные путешествия следующего императора. Традиционно считается, что главной целью поездок Николая I был смотр войск, однако последние исследования показывают, что государь не упускал возможности познакомиться с состоянием гражданских учреждений, был очень внимателен к соблюдению установленного порядка, никогда не игнорировал замеченные нарушения и всеподданнейшие прошения¹⁰.

Большое внимание в литературе уделено «венчанию с Россией» Александра Николаевича в 1837 г.¹¹ Публикация его уникальной переписки с Николаем I позволила увидеть не только задачи и характер этого масштабного мероприятия («узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным»), но и принципы, которыми в поездках руководствовался сам император:

внимание твое должно равно обращаться на все <...> ибо все полезное равно тебе должно быть важным, но при том и обыкновенное тебе знать нужно, дабы получить понятие о настоящем положении вещей¹².

После восшествия на престол Александр II совершал путешествия, нацеленные на сплочение страны в преддверии «Великих реформ», выступал с речами в губернских городах. Как отмечали современники,

до сих пор не было в обычае наших государей говорить с сословиями об общих народных интересах...¹³

До настоящего времени еще недостаточно изучены путешествия пореформенного периода, которые, безусловно, играли весомую роль в формировании положительного образа монарха. Кроме того, в это время стали регулярными поездки

⁷ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 томах. Т. 1. М., 2002. С. 317.

⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 томах. Т. 4. СПб., 1898. С. 47.

⁹ Путешествие его величества государя императора чрез Орловскую губернию в 1823 г. Орел, 1823. С. 7–8.

¹⁰ Выскочков Л.В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 441–459; Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 томах. Т. 1. М., 2002. С. 390–404 и др.

¹¹ Гузаиров Т. Сценарий и непредсказуемость. Впечатления и размышления участников путешествия по России 1837 г. // Имагология и компаративистика. 2017. № 8 (2). С. 62–75, <https://doi.org/10.17223/24099554/8/4>; Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. «Всенародное обручение наследника с Россией» (к 200-летию со дня рождения императора Александра II) // Манускрипт. 2018. № 12–2 (98). С. 243–248, <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.12>; Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 томах. Т. 1. М., 2002. С. 473–482 и др.

¹² Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 21, 25.

¹³ Хрущов Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: в 3 томах. Т. 1. Берлин, 1860. С. 366.

императорской семьи на отдых в Ливадию (Крым)¹⁴, а также дальние выезды на охоту. С 1860-х гг. быстро развивалась сеть железных дорог, что позволило постепенно отказаться от дальних поездок в экипажах и передвигаться на комфортабельном императорском поезде¹⁵.

Официальные визиты Александра III

Как уже отмечалось выше, князь Оболенский, назначенный гофмаршалом, сопровождал Александра III почти во всех поездках и участвовал в их подготовке. В его дневнике нашли отражение официальные визиты на окраины, которые следует рассматривать как знаковые для периода правления Александра III. Среди таковых поездка в Польшу в 1884 г., в ходе которой 3–5 сентября состоялась известная встреча с германским и австро-венгерским императорами в Скерневице. Считается, что это событие было нацелено на укрепление «Союза трех императоров», поскольку за полгода до этого, 15 марта 1884 г., представители монархов подписали в Берлине Протокол о продлении на три года заключенного в 1881 г. австро-русско-германского договора.

Подготовка к путешествию началась за месяц до отъезда, – первое упоминание об этом встречается в записи от 28 июля: Оболенский обсуждал предстоящий вояж с министром императорского двора графом И.И. Воронцовым-Дашковым, управляющим варшавскими императорскими дворцами С.С. Мухановым и управляющим Ловичским княжеством С.А. Велиопольским¹⁶. Планируемая поездка включала остановки в Вильне и Варшаве, военные учения у крепости Новогеоргиевск, охоту в Скерневице и Любохенке. О приезде императора Вильгельма Воронцов-Дашков сообщил Оболенскому 15 августа, а через 4 дня стало известно, что в Скерневице прибудет еще и австрийский император¹⁷. Отъезд Александра III с многочисленной свитой был запланирован на 25 августа, списки отправляющихся долго согласовывались. «Сумбур небывалый», – написал Оболенский 21 августа¹⁸.

В назначенный день императорский поезд отправился, а на следующее утро прибыл в Вильну. Государь впервые был в этом городе, посетил парад и торжественный прием. В этот же день отправились дальше. Утром 27 августа поезд был в Варшаве, где император также наблюдал за парадом («парад неудачный, один драгун убится, другой тяжело ранен»), затем отправился в разные учреждения, в том числе костел Св. Александра, что «произвело сенсацию» (по наблюдениям Оболенского, этот жест привел польское общество в восторг)¹⁹. Трехдневное пребывание государя в польской столице сопровождалось торжественными приемами, собравшими много польской аристократии.

30 августа отправились в крепость Новогеоргиевск, где состоялись военные учения, а вечером 2 сентября приехали в Скерневице. На следующий день на станции Александр III с Марией Федоровной встречали императоров Франца-Иосифа

¹⁴ Идея обустройства царского имения на южном берегу Крыма появилась еще в ходе поездки в Ялту Николая I с семьей в 1837 г., однако продолжительные высочайшие приезды стали ежегодными после 1861 г. См.: Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2021. С. 14–28, 54–90.

¹⁵ Первый царский железнодорожный состав «с величайшими удобствами внутри» появился на Николаевской железной дороге в 1851 г. См.: *Магазинер Н.А.* Императорские поезда: как это было: хроника строительства и эксплуатации. СПб., 2017. С. 48, 57–60.

¹⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 224. Оп. 2. Д. 3. Л. 108 об.

¹⁷ Там же. Л. 119 об.

¹⁸ Там же. Л. 120 об.

¹⁹ Там же. Л. 123 об.

и Вильгельма: «очень нежные встречи», – отметил Оболенский²⁰. Вместе с императорами прибыли канцлер Германии О. фон Бисмарк с сыновьями, министр иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки, прусские и австрийские генералы. Тут же на станции был дан торжественный обед с музыкой для императоров, гостей и всей свиты (всего 76 человек). Происходящее фиксировали фотографии и корреспонденты. 4 сентября состоялся смотр двум батальонам обоих императоров. В.С. Оболенский писал по этому поводу:

Государь и один из императоров становились на фланг, картина была величественная²¹.

Затем все отправились на охоту. 5 сентября состоялся отъезд германского и австро-венгерского императоров. Как видно, встреча не имела протокольного характера, но освещалась в прессе, в связи с чем и привлекла всеобщее внимание и в России, и за рубежом²².

7 сентября Александр III отправился далее, в лесничество Любохенек, где в течение недели продолжалась охота. 15 сентября императорский поезд вернулся в Петербург. Записи Оболенского позволяют увидеть, что во время пребывания в Польше представители местной аристократии были «обворожены» государем и императрицей, пытались им угодить и всячески выражали верноподданнические чувства. Лишь в отношении графини Ядвиги Радзивилл (урожденной Красинской) он отметил: «Она производит на меня впечатление, что ненавидит русских»²³.

В Дневнике Оболенского за 1885 г. нашли отражение путешествия Александра III в Гельсингфорс и Киев. К этим поездкам также готовились не меньше месяца. Маршрут в Финляндию предусматривал прибытие на императорской яхте в Выборг 23 июля, затем в этот же день отправление поездом в Вильманstrand, 26 июля – в Гельсингфорс, откуда 29 июля возвращение в Кронштадт. Вместе с императорской четой ехали другие высочайшие особы и довольно внушительная свита: предполагалось, что в Вильманstrand явится до 80 чел., в Гельсингфорсе соберется до 150. 2–3 июля Оболенский находился в Финляндии для подготовки «квартир», затем занимался «распоряжениями о поездке» в Петербурге. Само путешествие прошло без значительных сбоев, прием был «радушный», на каждой станции императорский поезд встречали «огромные толпы народа» с цветами, города были украшены и иллюминированы, улицы переполнены ликующими людьми. В Вильманstrandе состоялся парад и маневры финских войск, в Гельсингфорсе – парад и смотр военных судов. Помимо традиционных торжественных встреч и обедов с высшими гражданскими и военными чинами, посещений разного рода заведений высочайших гостей развлекали парусной гонкой, концертами, осмотром достопримечательностей, устроили бал²⁴. Все мероприятия сопровождалось пышным церемониалом.

До принятия решения о посещении Киева стало известно о готовящейся встрече Александра III с императором Францем-Иосифом. Оболенский узнал об этом 5 июля, а спустя неделю начали «поговаривать о поездке в Киев», еще через два дня приступили к подготовке путешествия²⁵. В начале августа Оболенский посетил Киев, чтобы решить вопросы с размещением гостей и согласовать с генерал-губернатором А.Р. Дрентельном «распределение дней». 10 августа императорская чета с наслед-

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 3. Л. 127.

²¹ Черникова Н.В. Царские поездки в описании чинов Свиты. В.С. Оболенский и А.В. Голенищев-Кутузов о путешествиях Александра III в 1881, 1884 и 1890 гг. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 165.

²² Политика внешняя // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. С. 211.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 3. Л. 126.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 87 об. – 109.

²⁵ Там же. Л. 96 об., 100, 101, 104.

ником в сопровождении министра иностранных дел отправилась в моравский город Кремзир, где 13–14 августа состоялось свидание с австрийским императором. Встреча, которую инициировала австрийская сторона, произвела благоприятное впечатление на современников, императоры продемонстрировали «искренность дружеских чувств»²⁶, да и сам Александр III назвал поездку «успешной», однако она не привела к смягчению противоречий, сохранить «Союз трех императоров» не удалось.

В Киев императорская чета прибыла из Кремзира 16 августа. Прием был не менее пышный, чем в Гельсингфорсе: торжественные встречи, всюду восторженный народ и крики «ура», прекрасно украшенные и иллюминированные улицы. Не выделялась и программа запланированных мероприятий: посещение Софийского собора и православных святынь, благотворительных и учебных заведений, парад и маневры, обеды с военными и гражданскими чинами, прогулка на пароходе по Днепру, фейерверки, концерт²⁷. Правда, «чувство всеобщей радости» несколько омрачалось тлевшим конфликтом между Дрентельном и киевским дворянством в лице губернского предводителя Н.В. Репнина²⁸. Для «устранения недовольства дворян» 16 августа Оболенский «свел» Репнина с графом Воронцовым-Дашковым, благодаря чему удалось несколько снять напряжение и обеспечить присутствие дворян на параде²⁹. 19 августа императорский поезд отправился в Петербург.

В 1886 г. состоялось очередное путешествие Александра III в Польшу в связи с крупными маневрами войск. Поездке предшествовала месячная подготовка. 26 августа императорский поезд прибыл в Высоко-Литовск – здесь Александр III находился 3 дня (по приглашению графини М. Потоцкой разместился в ее имении). «По случаю головной боли» он пропустил первый день маневров («остались весь день дома»), а 28 августа посетил Яновский государственный конный завод. В Брест-Литовск, где императорскую семью ожидал пышный прием, приехали 29 августа. В этот же день из Берлина прибыл принц Вильгельм Прусский, которого Александр III встречал вместе с наследником. По наблюдениям Оболенского, принц вел себя «крайне любезно» и «просто». Утром 31 августа он покинул город. Маневры продолжались до 2 сентября и в целом завершились удачно³⁰. С 3 по 17 сентября императорская чета с великими князьями и приближенными лицами охотились в различных местах Любохенского лесничества, проживали в охотничьей резиденции в Спале³¹.

Путешествия 1887–1888 гг. несколько отличались от предыдущих. После предотвращенного покушения на императора 1 марта 1887 г. еще большее внимание уделялось подготовке, все мероприятия тщательно согласовывались и должны были строго соответствовать утвержденной программе. В мае 1887 г. императорская семья предприняла путешествие в Новочеркасск. Обсуждать этот вояж начали в первых числах января, однако решение о поездке приняли в конце марта. Императорский поезд отправился 3 мая, проследовал без остановок через Москву, с краткими стоянками в Коломне, где поднесли пастилу, в Рязани, где на станции «встречали дамы», в Козлове, где собралось дворянство³². В Воронеже, куда поезд приехал поздно вечером 4 мая, неожиданно в вагон зашли генерал-лейтенант А.Я. Фриде и командующий войсками Харьковского военного округа генерал Ф.Ф. Радецкий с предложением организовать смотр войск на обратном пути. Государь был недоволен этим жестом, поскольку «после восьми вечера встреч не полагается», но согласился по-

²⁶ Политика внешняя // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. С. 143.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 4. Л. 117 об. – 119.

²⁸ Недовольство дворян вызывал нерешенный в губернии земельный вопрос.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 4. Л. 118.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 107 об. – 109 об., 121 об. – 126.

³¹ Там же. Л. 126 об. – 134 об.

³² Там же. Д. 6. Л. 4 об., 54 об. – 58, 64–64 об.

сетить город, несмотря на то что в Воронеже остановка не планировалась³³. Утром 5 мая на станции Чертковое поезд встретил войсковой наказной атаман Н.И. Святополк-Мирский, далее была встреча атаманов в станице Каменской и вечером прибыли в Новочеркасск – в город государь въехал верхом. На следующий день поздравляли цесаревича: в соответствии с утвержденным церемониалом состоялся войсковой круг, где наследнику вручили пернач как знак достоинства атамана всех казачьих войск, а император зачитал вновь пожалованную грамоту войску Донскому. 7 мая был устроен смотр казачьим войскам. Вечером императорский поезд отбыл в Воронеж, где 8 мая также прошел парад при большом стечении народа («давка была ужасная»). Следующей остановкой была Тула. Здесь планировались посещение оружейного завода и парад 6-го гренадерского Таврического полка, который «государь нашел не в порядке». Согласно полицейским сведениям, в Туле могли случиться беспорядки, и, хотя все обошлось, на патронном заводе произошли аресты. 10 мая императорская семья прибыла в Гатчину³⁴.

Осенью 1888 г. состоялось, пожалуй, самое известное и длительное путешествие Александра III, хронология которого довольно хорошо освещена в литературе³⁵. Двухмесячный вояж начался с посещения Елизаветграда и Новой Праги, где 26 августа – 1 сентября проходили большие маневры. По завершении учений император выехал в Польшу: в Спале императорская чета отдыхала и охотилась в течение 12 дней. 17 сентября императорский поезд, проследовав от станции Олень, через Ивангород, Ковель, Фастов, Знаменку, Люботин и Мерэфу, прибыл в Ростов-на-Дону. Здесь началось путешествие на Кавказ. Высочайшие гости посетили Минеральные воды, Владикавказ, Екатеринодар, Новороссийск, откуда 22 сентября на пароходе «Москва» отправились в Новый Афон, Батум, затем по железной дороге доехали до Боржома, Тифлиса, Цинандала, Баку, Кутаиса. 14 октября вернулись в Батум и на пароходе отправились в Севастополь, где 16 октября ожидали турецких послов³⁶. Это путешествие выделялось насыщенностью торжественными мероприятиями и особенно пышными церемониями, однако запомнилось оно трагедией, произошедшей на обратном пути. 16 октября отправление поезда задержалось: «Вышли в 5 часов, на час позднее назначенного»³⁷. Ввиду того, что встречи на станциях и охранные мероприятия были распланированы заранее, нужно было нагнать упущенное время. Императорский поезд, состоявший из 15 вагонов и 2 локомотивов, превысил допустимую скорость движения и 17 октября, около полудня, недалеко от Харькова, между станциями Тарановка и Борки, сошел с рельс. В этот же день вечером императорская семья и выжившие сели на подошедший поезд и направились в Харьков, сделав большой крюк через Лозовую. В Харькове, Курске, Орле, Москве встречали огромные толпы народа, желавшего взглянуть на императора: «Энтузиазм полный, прием восторженный, плачут»³⁸. В харьковских больницах были размещены все тяжелораненные нижние чины и прислуга, в то время как пострадавшие из числа свиты, кроме барона К.Г. Шернвалья, отправились в Петербург в царском поезде. В столицу с места крушения были доставлены тела погибших. Траурные мероприятия завершились похоронами, состоявшимися 22 октября. Чудесное спасение царской семьи в катастро-

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 6. Л. 64 об.

³⁴ Там же. Л. 65–67 об.

³⁵ *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889; *Прасолов Д.Н.* Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II // *Кавказология*. 2022. № 2. С. 75–80. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-69-86>.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 7. Л. 122–148 об.

³⁷ Там же. Л. 148 об.

³⁸ Там же. Л. 150.

фе, унесшей жизни десятков людей³⁹, произвело неизгладимое впечатление и на современников, и на императора. 20 октября Оболенский записал в дневнике: «Государь плачет. По счастью, это успокаивает нервы»⁴⁰.

«Когда русский царь удит рыбу...»: поездки на отдых

Ежегодно Александр III уделял время рыбалке и охоте, для чего совершал поездки в финские шхеры, Спалу и Беловежскую пушу. Кроме того, царская семья периодически отдыхала в Ливадии. Князь Оболенский, будучи близким другом императора, часто сопровождал его в этих путешествиях.

Из вышеприведенного текста видно, что Александр III в ходе официальных визитов в Польшу не упускал возможности сделать остановку в Ловичском княжестве, излюбленном месте царской охоты. Отдых, как правило, длился 1–2 недели. Для размещения императорской семьи обустраивались охотничьи резиденции. Дом в Спале, построенный в 1885 г., был красивый, но при этом простой, небольшой и удобный⁴¹. Обслуживанием царского охотничьего хозяйства занималось более 400 чел.⁴² В дневнике за 1886 г. Оболенский следующим образом описал типичный день в Спале:

Утром пьют кофе у себя, в 8 ½ или 9 начинаются облавы, завтраки в лесу, обеды общие в столовой на 18 или 19 чел[овек], трубачи гродненские. Вечером собираются сперва в бильярдной, после того пьют чай у императрицы⁴³.

Александр III увлекался рыбалкой, для чего почти каждый год в июне отправлялся в финские шхеры⁴⁴. Императора сопровождали члены семьи и наиболее приближенные лица, которых он лично приглашал. Путешествия проходили по схожему сценарию. Оболенский узнавал о планах государя за неделю, максимум две, до отплытия. Судя по всему, решение принималось спонтанно. В случае непогоды или других обстоятельств дата отъезда могла сдвинуться на один-два дня. Император обычно планировал уложиться в 8–10 дней, но, как правило, отдых затягивался до двух недель⁴⁵. Так, 28 июня 1886 г., когда путешествие выбилось из графика, Оболенский отметил в дневнике: «Государь очень доволен оттянуть возвращение в Петербург»⁴⁶. Сделанные им записи позволяют увидеть, что эти плавания не имели жестко заданного маршрута, он мог меняться в зависимости от ситуации. К примеру, из записей от 21 июня 1884 г. узнаем следующее:

Должны были идти вокруг острова ближе к Або, но приехал генерал-адъютант граф Аминов и пригласил к себе⁴⁷.

В 1886 г. свои коррективы внесли погодные условия. Запись от 27 июня поясняет:

³⁹ На месте погиб 21 человек, один умер в больнице, 36 – ранены.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 7. Л. 150 об.

⁴¹ С 1894 г. главным местом охоты стала Беловежская пуша, где завершилось строительство роскошного охотничьего дворца.

⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 5. Л. 133.

⁴³ Там же. Л. 127.

⁴⁴ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003. С. 75–139.

⁴⁵ К примеру, в 1884 г. планировалось, что плавание займет 10 дней, но оно длилось с 16 по 29 июня, в 1885 г. вместо 8–10 дней заняло 11 (с 18 по 29 июня), в 1886 г. вместо 10 дней – 13 (с 17 по 30 июня). См.: ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 3. Л. 87 об. – 94; Там же. Д. 4. Л. 88–93 об.; Там же. Д. 5. Л. 87 об. – 94.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 5. Л. 93.

⁴⁷ Там же. Д. 3. Л. 90.

С утра дует сильный ветер, государь решил остаться на якоре до завтра... В Петергоф полагаем прийти 29 июня... По погоде судя, пойдем завтра в Гангуд.

И далее, 29 июня:

Вследствие сильного волнения зашли в Биорке, где стали на якорь. Послали «Царевну» в Куйвисту дать об этом знать в Петербург. Весь день шел дождь с туманом. Лишний день не было жаль провести в море⁴⁸.

Периодически царская семья совершала поездки на южный берег Крыма. Ввиду того, что они были довольно длительными, император приезжал в сопровождении многочисленных родственников и приближенных лиц. Среди этих путешествий выделяется поездка весной 1886 г., совместившая отдых с празднованием возрождения Черноморского флота. Это мероприятие, конечно, планировалось заранее, и первоначально было назначено на 24 апреля. Однако еще в середине февраля начали обсуждать посещение Ливадии⁴⁹ (императрице хотелось отправиться туда как можно раньше), и 23 марта императорская семья со свитой благополучно добралась до Севастополя и переправилась на паромах в Ялту⁵⁰. Находясь в Ливадии, император «утвердил» дальнейшую «программу» путешествия и перенес спуск броненосца «Чесма» на 6 мая, день рождения цесаревича. Это решение было воспринято с воодушевлением: «Все очень довольны остаться в Крыму»⁵¹. Затянувшийся отдых сопровождался потоком срочных донесений из столицы, а 15–17 апреля Александр III принимал турецкое посольство во главе с Эдхем-пашой, вслед за которым прибыли румынские посланники⁵². Торжественные мероприятия в Севастополе начались 3 мая. Освящение Алексеевского западного дока и спуск на воду броненосца «Чесма», как и планировалось, состоялся через 3 дня. Затем императорская семья отправилась в Николаев, где 10 мая происходила закладка трех канонерок и спуск броненосца «Екатерина II», который сходил очень медленно и, не доходя 15 футов, застрял⁵³.

Выводы

К 1880-м гг. практика высочайших путешествий по России приобрела вполне определенные очертания. Во-первых, Александр III к моменту воцарения уже имел опыт путешествий по стране и был знаком с отдельными регионами. Речь идет не только об уже ставших традиционными ознакомительных поездках, завершавших подготовку наследника престола, но и о сопровождении императора в путешествиях. Во-вторых, в прошлом остались инспекционные поездки по России, на первый план вышли церемониальные мероприятия, призванные утвердить определенный образ монарха и подчеркнуть его связь с подданными. В этом отношении Александр III продолжил линию, намеченную его отцом. Год от года его поездки приобретали все более торжественный вид, поощрялись пышные приемы и обряды, демонстрация любви и преданности монарху. В-третьих, во второй половине XIX в. регулярным стало посещение отдаленных императорских резиденций с целью отдыха и развлечений. Эти поездки могли быть весьма продолжительными и в общей сложности занимали до 2–3-х месяцев в году.

Сведения, запечатленные на страницах анализируемого в статье источника, позволили увидеть путешествия Александра III с разных ракурсов. Оболенский, яв-

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 5. Л. 92 об., 93 об.

⁴⁹ До этого, за годы правления Александра III, императорская семья отдыха на южном берегу Крыма только один раз, в 1884 г.

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 224. Оп. 2. Д. 5. Л. 26 об., 32 об., 34 об. – 39 об., 43–44 об.

⁵¹ Там же. Л. 48 об.

⁵² Там же. Л. 56–58.

⁵³ Там же. Л. 68 об.

ляясь служащим Министерства императорского двора, зафиксировал в дневнике многие детали организации поездок. Непосредственная подготовка занимала не менее месяца. В течение этого времени утверждался маршрут со всеми остановками, формировались списки лиц, следовавших вместе с императором, согласовывались программа всей поездки и подробные сценарии пребывания в отдельных городах. Символические аспекты и их выражение в церемониях должны были подчеркнуть не только солидарность между монархом и высшими слоями общества, но единение власти и народа в целом. Следует обратить внимание, что записи Оболенского проникнуты искренней верой в эту идиллию. По всей видимости, такие настроения господствовали при дворе и подпитывались наблюдаемой в ходе путешествий картиной – преданный народ с нетерпением ждет прибытия обожаемого монарха. Все это затмевало реальное положение вещей. В частности, в попытке осознать произошедшее у станции Борки в 1888 г. Оболенский и другие присутствовавшие в поезде лица в качестве основной версии сразу стали рассматривать технические неисправности, при этом мысли о теракте никого не посещали (хотя в обществе они были популярны в первое время). Между тем возможность передвижения на комфортабельном поезде, благодаря чему даже длительные поездки становились менее утомительными, отличала путешествия 1880-х гг. Экономическая модернизация потребовала быстрого развития сети железных дорог, охватывавших все большие территории, в том числе и окраины. А это, в свою очередь, позволяло тщательнее планировать поездки императора, строго следовать маршруту без лишних остановок, сокращало проведенное в пути время, что приобрело особое значение после предотвращенного в 1887 г. покушения, когда усиление мер безопасности становилось очевидной задачей.

Не менее интересен и другой взгляд на путешествия Александра III, нашедший отражение в дневнике Оболенского, – взгляд приближенного к императорской семье лица. И с этой точки зрения отчетливо прослеживается тенденция к разграничению частной и публичной жизни, что также являлось следствием модернизационных процессов. Как правило, Александра III в путешествиях сопровождали супруга и дети: в публичной плоскости это должно было способствовать поддержанию образа царя как хорошего семьянина. Однако не менее значим и другой аспект – император искренне ценил время, проведенное в кругу семьи. Регулярные выезды с целью отдыха для него стали важной частью повседневной жизни, возможностью отвлечься от столичной суеты.

В целом в заметках, оставленных Оболенским, Александр III предстает как истинно народный царь, официальные поездки которого, несмотря на всю торжественность, символизм, апелляцию к традиционным ценностям, подчинены государственным интересам и олицетворяют развитие новых коммуникативных практик, а неофициальные посещения отдаленных императорских резиденций, где самодержец раскрывался как человек, любивший скромность и простоту, нацелены на приятное времяпрепровождение и отдых в кругу семьи.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.03.2023

References

- Barykina, I.E., and Chernuha, V.G., eds. *Aleksandr III: pro et contra, antologiiia* [Alexander III: pro et contra, anthology]. St Petersburg: Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2013 (in Russian).
- Bokhanov, A.N. *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2019 (in Russian).

- Chernikova, N.V. “Tsarskie poezdki v opisaniii chinov Svity. V.S. Obolenskii i A.V. Golenishchev-Kutuzov o puteshestviiakh Aleksandra III v 1881, 1884 i 1890 gg. [Tsarist trips in the description of the ranks of the Retinue. V.S. Obolensky and A.V. Golenishchev-Kutuzov about the travels of Alexander III in 1881, 1884 and 1890].” *Istoricheskii arhiv*, no. 4 (2020): 156–173 (in Russian).
- Chernuha, V.G., ed. *Aleksandr Tretii: Vospominaniia. Dnevnik. Pis'ma* [Alexander the Third: Memories. Diaries. Letters]. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ., 2001 (in Russian).
- Dronov, I.E. *Imperator Aleksandr III i ego epokha* [Emperor Alexander III and his Era]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2016 (in Russian).
- Guzairov, T. “Stsenarii i nepredskazuemost'. Vpechatleniia i razmyshleniia uchastnikov puteshestviia po Rossii 1837 g. [Scenario and unpredictability. Impressions and reflections of the participants of the trip to Russia in 1837].” *Imagologiya i komparativistika*, no. 8 (2017): 62–83, <https://doi.org/10.17223/24099554/8/4> (in Russian).
- Ilin, S.V. *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow: Kvadruga Publ., 2019 (in Russian).
- Kalinin, N.N., and Zemlianichenko, M.A. *Romanovy i Krym. 'U vsekh nas ostalas' toska po Krymu...'* [The Romanovs and the Crimea. “We all have a longing for the Crimea...”]. Simferopol: Biznes-Infom Publ., 2021 (in Russian).
- Khrushchov, D.P. *Materialy dlia istorii uprazdneniia krepostnogo sostoianiia pomeshchich'ikh krest'ian v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra II* [Materials for the history of the abolition of serfdom of landowner peasants in Russia during the reign of Emperor Alexander II], vol. 1. Berlin: F. Schneider Publ., 1860 (in Russian).
- Leskinen, M.V., and Khavanova, O.V., eds. *Romanovy v doroge: Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the road: Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2016 (in Russian).
- Magaziner, N.A. *Imperatorskie poezda: kak eto bylo: khronika stroitel'stva i ekspluatatsii* [Imperial Trains: how it was: chronicle of construction and operation]. Moscow: Renome Publ., 2017 (in Russian).
- Myasnikov, A.L. *Aleksandr III* [Alexander III]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2018 (in Russian).
- Plotnikova, G.N., and Plotnikov, S.N. “Vsenarodnoe obruchenie naslednika s Rossiei (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia imperatora Aleksandra II) [The nationwide betrothal of the heir to Russia (to the 200th anniversary of the birth of Emperor Alexander II)].” *Manuskript*, no. 12-2 (2018): 243–248, <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-12-2.12> (in Russian).
- Potto, V.A. *Tsarskaia sem'ia na Kavkaze 18 sentiabria – 14 oktiabria 1888 goda* [The Royal family in the Caucasus September 18 – October 14, 1888]. Tiflis: Okruzhnoi shtab Kavkazskogo voennogo okruga Publ., 1889 (in Russian).
- Prasolov, D.N. “Zakavkazskii krai v tsarskikh puteshestviiakh: ot Aleksandra II do Nikolaia II [Transcaucasian Region in Tsarist travels: from Alexander II to Nicholas II].” *Kavkazologiya*, no. 2 (2022): 69–86, <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-69-86> (in Russian).
- Remnev, A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniia Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)* [Autocratic Government: The Committee of Ministers in the system of Supreme Administration of the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX century)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Shil'der, N.K. *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign], vol. 4. Moscow: A.S. Suvorin Publ., 1898 (in Russian).
- Shil'der, N.K. *Imperator Pavel Pervyi: istoriko-biograficheskii ocherk* [Emperor Paul the First: a historical and biographical sketch]. Moscow: A.S. Suvorin Publ., 1901 (in Russian).
- Tolmachev, E.P. *Aleksandr III i ego vremia* [Alexander III and his time]. Moscow: Terra-Knizhnyi klub Publ., 2007 (in Russian).
- Tuomi-Nikula, J., and Tuomi-Nikula, P. *Imperatory na otdyke v Finliandii* [Emperors on vacation in Finland]. St. Petersburg: Kolo Publ., 2003 (in Russian).
- Vyskochkov, L.V. *Imperator Nikolai I: Chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: A Man and a Sovereign]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2001 (in Russian).
- Wortman, R.S. *Ot Aleksandra II do otrecheniia Nikolaia II* [From Alexander I until Nicolas II's abdication]. Vol 2 of *Stsenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Wortman, R.S. *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I* [From Peter the Great until the death of Nicolas II]. Vol. 1 of *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. Moscow: OGI Publ., 2002 (in Russian).

- Zaharova, L.G., and Tyutyunnik, L.I., eds. *Venchanie s Rossiej: Peregiska velikogo kniazia Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god* [Wedding with Russia: Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1999 (in Russian).
- Zimin, I.V. *Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii: vtoraja chetvert' XIX – nachalo XX v.: povsednevnaia zhizn' rossiiskogo imperatorskogo Dvora* [The adult world of imperial residences: the second quarter of the XIX – the beginning of the early XX century: everyday life of the Russian imperial court]. Moscow: Centrpoligraf Publ.; St. Petersburg: Russkaia troika-SPb Publ., 2011 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Олеся Анатольевна Плех, канд. истор. наук, научный сотрудник центра «История России XIX – начала XX вв.», Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; plekh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Olesya A. Plekh, PhD in History, Researcher of the Center “History of Russia XIX – early XX century,” Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russia; plekh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Наталья Владимировна Черникова, канд. истор. наук, старший научный сотрудник центра «История России XIX – начала XX вв.», Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; ncher@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-5163-9344>

Natalya V. Chernikova, PhD in History, Senior Researcher of the Center “History of Russia XIX – early XX century,” Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russia; ncher@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-5163-9344>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>
EDN: DUEVED

Научная статья / Research article

Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты

Ольга Морозова ^a, Татьяна Трошина ^{b,c}

^a Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

^b Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

^c Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

tatr-arh@mail.ru

Аннотация: Исследуется период новой экономической политики, когда советским руководством был снят ряд хозяйственных и производственных проблем, что, в свою очередь, вызвало череду трудовых конфликтов, связанных с затягиванием восстановительного периода, а также с разочарованием активной части населения в лозунгах социалистической революции как чрезмерно отдаленной перспективы. На большом количестве разноплановых источников раскрываются взаимоотношения иностранных концессионеров с местной властью и населением территорий, переданных им советским руководством для эксплуатации природных ресурсов. Акцент сделан на двух видах концессий – лесных (в северных губерниях) и сельскохозяйственных, продолжавших в определенной степени традицию немецкой колонизации южных русских земель. Выявлено общее и различное в поведенческих стратегиях концессионеров в отношениях с рабочими, профсоюзным активом, а также с местным населением, представителями партийной и советской власти на местах. Не останавливаясь на «хищнических» формах эксплуатации переданных в концессию природных ресурсов, авторы, помимо государственной линии на постепенное сворачивание концессионной программы, рассматривают и другую причину ликвидации концессий – протест разбуженного «возвращением» элементов западного капитализма рабочего самосознания, поддерживаемый, в первую очередь, местными партийными функционерами.

Ключевые слова: НЭП, Друзга, Маньч, Русанглолес, Северолес, советская концессионная программа, трудовые конфликты

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ (проект № 22-18-20061).

Для цитирования: Морозова О.М., Трошина Т.И. Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 316–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>

Concession Policy in the Crosshairs of Revolutionary Self-Consciousness: Labor and Departmental Conflicts

Olga Morozova ^a, Tatiana Troshina ^{b,c}

^a Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^b Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

^c Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

tatr-arh@mail.ru

Abstract: The New Economic Policy solved a number of economic and production problems for early the Soviet Union. At the same time, it caused a series of conflicts associated with the delays of the reconstruction period, as well as with the the disappointment of the more political active part of

the population as it undermined the slogans of the socialist revolution as too distantly obtainable a prospect. The article examines the relations of a specific group of foreign concessionaires with local authorities, and the population of the territories handed over to them by the Soviet authorities for the exploitation of natural resources by utilizing a large number of diverse sources. The emphasis of the authors is placed on two types of non-industrial concessions – foresting (in Northern provinces) and agriculture, practices which continued, to some extent, the tradition of German colonization of southern Russian lands. The authors reveal common and different behavioral strategies of the concessionaires in their relations with the workers, and with the trade union activists; as well as in the attitude of the population and the local party and Soviet authorities to them. Without dwelling on the “predatory” forms of exploitation of the conceded natural resources, or the state line of gradually winding down the concession program, the authors consider another reason for the liquidation of concessions – protest by workers as their self-consciousness was awakened by the “return” of elements of Western capitalism by local party functionaries.

Keywords: NEP, Druzag, Manych, Rusangoles, Severoles, Soviet concession program, labor conflicts

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with support from the Russian Science Foundation grant (Project No. 22-18-20061).

For citation: Morozova, Olga, and Troshina, Tatiana. “Concession Policy in the Crosshairs of Revolutionary Self-Consciousness: Labor and Departmental Conflicts.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 316–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>

Введение

Исторический опыт, в том числе региональный, «выживания» в условиях экономических санкций, уроки масштабного привлечения иностранного капитала в базовые отрасли отечественного хозяйства сохраняют как научную, так и практическую актуальность. Перед концессионной программой Советской России ставилась задача привлечения недоступных иным путем валютных инвестиций и передовых технологий. Большевистское правительство заявляло, что это поможет получить необходимые советскому государству технологии и машины, а также, пользуясь потребностью в российском сырье, внести на основе экономической конкуренции разлад в единство Запада в его противостоянии Советской Республике.

К 1927 г. в СССР насчитывалось около 60 работающих предприятий с иностранным участием. При всей скромности доли концессий в них как в линзе отразились организационно-хозяйственные трудности и социально-политические конфликты, характерные для эпохи нэпа и начального этапа социально-политических преобразований. Эти производства стали ареной конфликтов между всеми участниками событий – от ответственных наркоматов и иностранных концессионеров до рядовых граждан. Изучение сложившихся многозначных оценок концессионной политики способствует пониманию природы раннесоветского общества, намечавшихся линий раскола и будущих внутривластных противостояний.

О широте проблематики можно судить по обзорным историографическим работам¹. В отечественной историографии новейшего времени существенное место занимают и вопросы концессионной политики Советского государства. Помимо основной деятельности иностранных компаний рассматриваются их взаимоотношения с трудовыми коллективами и профсоюзами². Возникавшие конфликты становились следствием, по мнению авторов, несоразмерных требований рабочих, профсоюзов и органов власти к концессионерам. В то же время отмечалась ведущая роль советских учреждений в их разрешении. Отметим, что такая сложность

¹ Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // *Российская история*. 2020. № 5. С. 3–14; Фельдман М.А. Современная историография нэпа; столетия не хватило // *Новая и новейшая история*. 2022. № 4. С. 27–41; Клещкина О.Г. Новая экономическая политика: некоторые аспекты современных научных исследований // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология»*. 2021. Т. 31. Вып. 4. С. 764–776.

² Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы НЭПа. Волгоград, 2009; Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // *Вопросы экономики*. 2016. № 1. С. 1–20.

конфигурации социально-классового разлома, сложившегося на предприятиях с иностранным участием, подтверждается и выводами специалистов в области концессионной практики в 1920-е гг.³ Помимо трудовых споров концессии с иностранным участием вызывали трения и дискуссии между советскими учреждениями, по-разному оценивавшими значение программы. Этот пласт экономического взаимодействия, вписанный в общий круг порождаемых присутствием иностранного капитала в СССР разногласий и недоразумений, является новым подходом в изучении этой не теряющей своей актуальности проблемы.

Авторы намерены выяснить конфигурацию отношений между структурами, участвующими в выполнении концессионной программы СССР, на примере концессионных предприятий ресурсно-сырьевого профиля. Подобные концессии имеют некоторую особенность по сравнению с производственными, где основными участниками процесса были рабочие и новые капиталисты-иностранцы под внимательным наблюдением советских и партийных органов. Более сложная система взаимоотношений концессионеров на окраинах огромного государства включала значительно большие массы населения – членов заготовительных артелей, сезонных рабочих. Нередко подобные концессии обеспечивали занятость целых территорий, становясь, выражаясь современным языком, «градообразующими».

Использованные источники отражают все уровни данного сектора народного хозяйства страны. Документооборот учреждений (Главный концессионный комитет при СНК СССР (ГКК), Концессионный комитет при СНК РСФСР (Концеском), Концессионная комиссия Народного комиссариата земледелия РСФСР и др.) содержит сведения о многочисленных инцидентах, возникавших вокруг руководимых иностранцами предприятий. Дополнительным, но весомым источником стали протоколы и стенограммы советских, профсоюзных, партийных конференций; отчеты контрольных комиссий и письма в ЦК ВКП(б), ВЦСПС; переписка руководства концессионных предприятий с наблюдающими органами, внутреннее делопроизводство концессионных организаций, а также следственные дела и судебные решения по жалобам рабочих или работодателей. Мемуары советских чиновников и специалистов⁴, иностранных служащих концессионных предприятий⁵, опубликованные за границей, содержат массу нюансов, иллюстрирующих психологическую атмосферу «возвращения капитализма».

СССР на этапе восстановления экономики, разрушенной гражданской войной, был прежде всего заинтересован в лесных, сельскохозяйственных и промышленных предприятиях⁶. Иностранцев привлекали ресурсно-сырьевые концессии. Помимо горнодобывающих таковыми были лесные (на Севере) и сельскохозяйственные (в основном на Юге России). Лесных концессий работало шесть. Число сельскохозяйственных было примерно таким же с тенденцией к сокращению за счет реорганизации их в совхозы. В данной статье представлены отношения вокруг английской, голландской и норвежской лесных концессий на Европейском Севере России, а также германских сельскохозяйственных концессий в Северокавказском крае – «Друзаг» (вблизи г. Армавир) и «Маньч» (Сальский округ). В последнюю были вложены деньги сталелитейного концерна «Фридрих Крупп».

Авторы провели работу по классификации противоречий концессионной практики исходя из состава участников и мотивации их действий экономического и политического характера.

³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3405 Ф. А-425. Д. 3. Л. 263-а-о.

⁴ *Liberman S.I. Building Lenin's Russia. Chicago, 1945; Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. М.; Берлин, 2016.

⁵ *Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норвеж. Архангельск, 2016.

⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 921. Л. 141.

Трудовые конфликты работников с администрацией концессионных предприятий

К первому типу конфликтов могут быть отнесены выступления рабочих, непосредственно работавших на иностранных концессиях. Обычно они возникали там, где хозяева наиболее последовательно внедряли капиталистические способы эксплуатации, уповая на гарантию независимости внутренней хозяйственной жизни, которая предусматривалась типовым концессионным соглашением. Рабочие возмущались несоблюдением законов о труде в стране победившей социалистической революции, отказом на части территории от основных лозунгов советской власти.

Стараясь объяснить населению необходимость введение иностранных концессий, власть, возможно, перестаралась. Диалектический замысел концессионной программы разъяснялся следующим образом:

Развивая производство в своих собственных интересах... [иностранцы капиталисты] льют воду на нашу советскую мельницу, усиливая нашу экономическую мощь⁷.

Иностранные арендаторы облагались высокими государственными и местными налогами, которые предполагалось направлять на улучшение быта и снабжения населения. Подтверждалось, что на концессионных предприятиях сохранятся все социальные гарантии и что советская власть не допустит роста безработицы, поскольку ввоз рабочей силы из-за границы, включая «высококвалифицированный научно-технический и конторский персонал», будет ограничен⁸. В концессионных договорах оговаривалась более высокая заработная плата, чем на советских предприятиях такого же профиля.

На первом этапе своей деятельности концессионеры как работодатели получили высокую популярность. Заработали стоявшие лесозаводы; полученные кредиты ввозились в неземледельческую Архангельскую губернию в виде продуктов питания, орудий труда, одежды и обуви, других предметов широкого потребления, что смирило даже всегда подозрительных крестьян с появлением капиталистов, да еще и иностранцев. В Северокавказском крае отмечался наплыв из других губерний желающих устроиться на работу в иностранные предприятия. Однако спустя определенный срок к концессионерам, к которым выдвигались завышенные требования на всех уровнях, возникали вопросы, прежде всего по условиям труда и быта, а в дальнейшем и по зарплате.

Характерным было недовольство концессионеров необходимостью учета советских законов о труде. Поясняя провалы в экспортных операциях, директор-распределитель «Руснорвеголес» Ф. Прютц ссылался на чрезвычайно высокие расходы по соцстраху, рабочим клубам, завкомам, культпросвету и пр. «непродуктивные расходы по жилстроительству», что делало продукцию неконкурентной на мировом рынке. Из 100 тыс. фунтов стерлингов «непроизводственных расходов» 40 тыс. ушло на страхование, 10 тыс. – на рабочие клубы, профсоюзные и рабочие комитеты. Концессионер прокомментировал эти цифры следующим образом:

Сумма эта вне всякой пропорции с действительной стоимостью рабочего страхования в любой другой стране, и я сомневаюсь, что даже незначительная часть этой суммы была действительно выплачена рабочим <...> Было бы справедливее предложить рабочим создавать их за счет собственных взносов, как в большинстве стран мира...⁹

⁷ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 28. Л. 130.

⁸ Там же. Л. 72, 130–133.

⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160 об. – 166.

Примером перманентных внутренних конфликтов стала концессия «Друзаг». Советские законы предписывали работодателю создавать для работников благоприятные бытовые и производственные условия. Однако это требование на данном предприятии выполнялось неохотно из-за дороговизны и дефицита материалов, и из-за желания сэкономить на рабочих. Перечень недвижимости на территории СССР, которой владел «Друзаг» к 1933 г., свидетельствует, что такие возможности были¹⁰.

Неизменно пренебрежительное отношение директората «Друзага» к нуждам работников стало причиной в июле 1925 г. получившей резонанс забастовки. Она была вызвана нарушениями коллективного договора, а именно: несвоевременной выплатой зарплаты, уменьшением выдачи хлеба, задержками в оборудовании жилых казарм и грубым обращением администрации¹¹. Год от года ситуация в концессии становилась все более напряженной, обостряясь каждые полгода во время кампаний за перезаключение коллективного договора. Концессионер постоянно жаловался на чрезмерность требований. В урегулировании ситуации принимали участие высокие московские кабинеты. Межведомственная комиссия, представители которой посетили хозяйство в июле 1929 г., установила причину конфликта. Исходной точкой она считала хроническую нерентабельность производства, вызванную несоблюдением элементарных требований аграрных технологий. Свои убытки администрация пытается покрыть, экономя на рабочих. Те протестуют, как умеют, а дирекция, как отмечалось, норовит отобрать из общей массы наиболее смиренный элемент, избавляется от буйных, не останавливаясь перед нарушением колдоговора¹².

Идя на это, директорат был уверен в своей неприкосновенности даже в случае несоблюдения советского законодательства. Дело в том, что «Друзаг» находился под покровительством правительственных кругов Германии. Этот фактор учитывал ГКК, но не рабочие «Друзага». Среди них были не только подданные Германии, но и советские немцы, поскольку концессия располагалась на землях бывших немецких колоний. Их отношение к соплеменникам было даже более требовательным, особенно у советских работников Ванновского района. Они поддержали претензии рабочего коллектива и фабкома концессии и санкционировали в 1930 г. возбуждение уголовного дела в отношении управляющего и его заместителя, и только заступничество германского МИДа снизило градус напряжения вокруг концессии. В ситуацию вмешались главные концессионные комитеты, дав указание местным органам умерить натиск¹³.

Уровень зарплаты на концессионных предприятиях был выше, чем на аналогичных государственных производствах. В лесных она была выше на 15 %, и это объяснялось конкуренцией за рабочие руки на всех этапах производства: рубщиков и сплавщиков леса, мастеров на заводских работах. В малонаселенном лесном краю Архангельской губернии всегда был дефицит рабочих рук, за которые велась острая борьба. Затраты закладывались в цену продукции, которая легко реализовывалась на любом из рынков – внутреннем и внешнем. Кроме того, расходы по заработной плате относились к капиталу, который концессионер должен был инвестировать в производство на территории СССР. Тем самым он сокращал свои вложения в валюте. Советская сторона видела в этом недобросовестную конкуренцию, что становилось предметом разбирательства в различных комиссиях¹⁴.

¹⁰ Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 249; Оп. 4. Д. 73. Л. 69, 160.

¹¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 216. Л. 146.

¹² ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 104, 105, 108–109, 115, 118, 119–120, 122.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1 Д. 73. Л. 104, 105.

В «Маньчже» зарплата наемных работников до 25 % превышала совхозную, в «Друзаге» – на 10–15 %¹⁵. Вначале это достигалось переходом на сдельную форму оплаты труда. Крупшовская администрация платила трактористам по 3 руб. за вспаханную десятину. Как отмечал в 1924 г. проверяющий инспектор, высокий заработок был связан с более высокой производительностью труда, обусловленной использованием системы организации и учета труда Ф. Тейлора, исключавшей возможность прогула или потери рабочего времени¹⁶. Повышенная зарплата была хорошим стимулом, и, хотя рабочий день мог длиться 12–14 часов, возражений не поступало. Но в дальнейшем заработки регулировались тарифной сеткой, оклады по разрядам которой определялись коллективным договором. Кампании по заключению новых соглашений нередко приводили к обострению ситуации на предприятиях. Раздражающим фактором была сама необходимость договариваться с иностранными капиталистами. В сентябре 1925 г. наиболее высокооплачиваемая группа работников – трактористы потребовали расчета зарплаты не по 8-му разряду, как было определено окружной конфликтной камерой на основании инструкций Наркомата труда, а по 10-му разряду. В случае отказа рабочие грозили бросить полевые работы. Их реальный заработок был высоким – более 100 руб., так как им выплачивалось 50 % надбавки за десятичасовой рабочий день¹⁷. Часть механизаторов была из числа демобилизованных красноармейцев. В их демарше трудно не увидеть классовый подтекст.

Ощущение погранных побед подогревал гедонистический образ богатого иностранца. Руководство концессий демонстрировало барские повадки. Германские концессионеры на Северном Кавказе держали конюшню породистых верховых лошадей, имели коллекцию охотничьих ружей, приглашали друзей из-за рубежа на охоту. Неприятные воспоминания порождала практика чинопочитания и величания, которая вводилась в концессиях. Так, главноуправляющего «Маньчжа» О.П. Клетте именовали «господин полковник»¹⁸. Директор «Друзага» Дитлов велел рабочим раскланываться с ним при встрече. Позже объяснял это правилами приличия в культурных странах¹⁹. На предприятиях всегда были «черные» и «белые» столовые и прачечные, что было поводом для недовольства²⁰. Поэтому не стали неожиданными устроенные работниками «Друзага» стихийные празднества, когда в сентябре 1933 г. было получено сообщение о ликвидации концессии. Рабочие остановили работы не только в поле, но и в кошарах, оставив скот без ухода, и прошлись по главной усадьбе с плакатами и барабанным боем²¹.

Рабочкомы и охрана прав советских трудящихся

«Партийная, государственная, профсоюзная работы на концессионных предприятиях требуют особого внимания», – отмечал в своем докладе проверяющий Архангельскую парторганизацию инструктор ЦК ВКП(б)²², и в его словах отразились опасения потери влияния и превращения концессионных предприятий в привлекательный пример успешного хозяйствования не на социалистических основаниях. Если условия труда были ненормальными, то советские граждане подвергались повышенной эксплуатации. Если рабочие были довольны, то это было «не политично,

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1765. Л. 29–30; Там же. Д. 1766. Л. 102–103.

¹⁶ Там же. Д. 1765. Л. 29–30; Д. 1766. Л. 102–103.

¹⁷ Там же. Д. 1763. Л. 5, 7.

¹⁸ Там же. Д. 1777. Л. 85.

¹⁹ Там же. Д. 1629. Л. 84.

²⁰ Там же. Д. 1765. Л. 30–31.

²¹ Там же. Оп. 4. Д. 73. Л. 31–36, 64, 65.

²² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 53.

и деморализующе» действовало на соседние предприятия²³. Получая высокую для отрасли зарплату, рабочие концессионных предприятий становились союзниками администрации, и влияние партийных и общественных организаций стремительно таяло. Партийные функционеры с тревогой замечали, что происходит своего рода спайка значительной части рабочих с администрацией. Отстранение или отдача под суд представителя администрации приводили не только к протестам владельцев (которые через своих адвокатов доказывали, что сотрудника частного предприятия нельзя привлекать как государственного служащего, например, «за должностные преступления»), но и к ходатайствам и заступничеству рабочих.

Противодействовать этому были призваны низовые профсоюзные и партийные организации. Их лидеры видели себя участниками классовой борьбы нового типа, чем заслужили нелюбовь администрации. На архангельских лесозаводах, переданных в аренду иностранным концессионерам, губернскими партийцами отмечалась «особая стратегия руководителей предприятий»: мол, директор завода АО «Русголландлес»

ни за что не пойдет ни на какие уступки с партийным членом завкома, а <...> с беспартийным идет на уступки²⁴.

Одним из поводов для конфликтов между администрацией и фабкомами (рабочкомами) были сверхурочные часы. На концессионных производствах сезонного цикла профсоюзы устанавливали восьмичасовой рабочий день, который не позволял выполнять работы в срок. Отчасти это делалось, чтобы удорожать тариф за сверхурочные часы. В других случаях низовые профячейки бились за их полный запрет, несмотря на то что законы о труде довольно лояльно регламентировали этот вопрос: достаточно было его согласовать с местной рабочей инспекцией.

Лесным и сельскохозяйственным концессиям такая позиция рабочкома приносила огромный ущерб. Отличным способом обойти восьмичасовой рабочий день был артельный наем. Концессионер имел дело со старостой артели, мог не вносить положенных законом социальных платежей, не тратиться на инструменты и орудия, поскольку у артели они были свои. Кроме того, сезонные и артельные рабочие из крестьян-единоличников в отличие от постоянных рабочих были меньше знакомы с трудовым законодательством и с расчетами за труд. Они не находились в ведении рабочкома и во внутренних конфликтах не участвовали²⁵. Однако «смычка рабочих и крестьян», наметившаяся в революционные годы, просветила крестьян в отношении их прав, дарованных революцией. «Полупролетарские элементы деревни» – батрачившие ли на сельскохозяйственных концессиях Юга России, или выполнявшие задания по лесозаготовкам на Севере – начинали требовать распространения условий коллективных договоров, законов о труде и на себя. Властью такое «опрофсоюзивание деревни» воспринималось как проявление контрреволюции²⁶, и в данном отношении чаще поддерживались концессионеры.

Кампании по перезаключению коллективного договора с администрацией были целиком в ведении рабочкомов. Желая сохранить поддержку рабочих, они предъявляли явно завышенные требования²⁷. Концессионер обычно жаловался наверх, в ГКК, называя деятельность профорганов всех уровней «вредительской, террори-

²³ ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 4, 6.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 44 об.; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3570. Оп. 1. Д. 303. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 1129. Л. 89–90; Д. 34. Л. 1 об.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 174. Л. 16–17.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1771. Л. 90, 126.

стической, рваческой»²⁸. Так обстояло дело вокруг «Друзага». Ситуация на крупновской концессии была иной. Выдержав первое столкновение с рабочкомом в 1923 г. за ставки оплаты полевых работ и рабочие часы, концессионер выделил средства на приобретение библиотеки и устройство полей для игры в футбол и крокет. И рабочком согласился на 10-часовой рабочий день летом и 8-часовой зимой со сверхурочными по разрешению инспектора труда и оплатой по повышенным расценкам. Нормализация отношений объяснялась еще и тем, что председатель рабочкома и инструктор по охране труда получали жалование из средств концессионера выше, чем квалифицированные рабочие²⁹.

Ряд конфликтов возникал при отсутствии по-настоящему весомых оснований для рабочего протеста. В одних случаях поводом стали личные обиды, но чаще это были попытки завоевать авторитет повышением зарплат, закреплением за рабочкомом права приема и увольнения работников, повышением сознательности рабочих. По распоряжению председателя рабочкома С.Э. Зайцева в «Маньче» были остановлены работы в годовщину смерти В.И. Ленина (21 января 1925 г.), хотя этот день по стране был объявлен рабочим. Он освобождал от выхода на работу выполнявших общественные «нагрузки». Упрек в самоуправстве, брошенный ему администрацией, он назвал оскорблением советской власти и поставил вопрос об увольнении его с работы. Вскоре по предложению ЦК отраслевого союза Всерабоземлес Зайцев был снят³⁰.

В 1930 г. председатель рабочкома «Друзага» Стоеросов останавливал полевые работы в период всех многочисленных революционных праздников. Администрация, пытаясь предотвратить срыв рабочего графика, предложила двойной тариф, но рабочком, поддержанный рабочими, ответил отказом³¹.

Если конфликт возникал внутри концессионного предприятия – между директором и председателем профячейки, то вышестоящие инстанции вмешивались, дабы ослабить противостояние, энергично одергивая разбушевавшегося пролетария. Если же между местным профлидером и администрацией складывались отношения душевного согласия, это вызывало жгучую обеспокоенность сверху. Озабоченность вызывали «подачки» и «спаивание» профсоюзных функционеров³², но такое чаще встречалось на дававших прибыль промышленных и лесных концессиях.

Иностранные концессии под контролем советских учреждений

Штаты советских учреждений в 1920-е гг. заполнили участники Гражданской войны и беспартийные специалисты. Все они встретили концессионную программу в целом позитивно. Говоря словами одного из партийных активистов, в создавшихся условиях только с помощью иностранного капитала можно быстро восстановить промышленность и собрать распыленный кадр пролетариата, поэтому «вряд ли найдется хотя бы один коммунист, кто против» концессионной политики государства³³. Но существовало понимание, что данная политика несет с собой и риск возможного превращения России в сырьевую колонию Запада и раскола рабочего класса в условиях многоукладной экономики. В.И. Ленин подчеркивал, что успешность программы зависит от постановки дела, будучи проведенной «в меру и осто-

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 23–24.

²⁹ Там же. Д. 1777. Л. 83.

³⁰ Там же. Д. 1766. Л. 109, 169–170; Д. 1768. Л. 245.

³¹ Там же. Д. 1629. Л. 171.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 46, 52.

³³ Минаев М. О наших концессионных переговорах // Внешняя торговля: еженедельник НКВТ. 1922. № 20. С. 1–2.

рожно»³⁴. Общая утвердительная реакция советских учреждений была определена получением распоряжений сверху. Оппозиции ни слева, ни справа, по сути, не было.

Партийные функционеры и хозяйственники пристально следили за деятельностью концессионных предприятий в рамках своих должностных обязанностей. Основная нагрузка легла на Наркомат земледелия, губернские и краевые земельные управления.

Ожидалось, что сократится безработица, пополнится налогами бюджет, оживится потребительский рынок. Не дождавшись обещанного, население стало роптать, а местные власти постарались во всем обвинить концессии и концессионеров, что стало достаточно массовым явлением. Комиссия Политбюро ВКП(б) по концессионной политике (18 июля 1925 г), отмечая причины неудач, кроме прочего назвала «недоверчивое, придирчивое, иногда враждебное отношение местных органов к концессионным предприятиям»³⁵. Председатель правления треста «Северолес» (под эгидой которого были созданы так называемые «смешанные» лесные концессии), старый большевик К.Х. Данишевский обращал внимание, что после относительно комфортного для местных властей периода военного коммунизма «мы отвыкли от деловой хозяйственной работы»³⁶. Директор-распорядитель «Северолеса» С.И. Либерман писал, что местные власти более заинтересованы в субсидиях из центра, чем в организации конкурентоспособных предприятий³⁷. Следствием национализации стала потеря чувства долга при исполнении любых взятых на себя обязательств. Так, при передаче концессионных лесных участков в Архангельской губернии «Русанглолес» получил обязательства возвращения (путем отработки на заготовках) продовольственных ссуд, выданных волостным исполкомам в качестве аванса. Однако вскоре по декрету долги крестьянам были списаны, и концессия потерпела существенный убыток, потому что отрабатывать долги никто не собирался³⁸.

Кризис внутри концессионного сектора постепенно углублялся. Существовал специализированный орган – Постоянная правительственная инспекция по наблюдению за концессионными предприятиями, имевшая региональные подразделения и головную структуру в качестве отдела по наблюдению в ГКК. Появление трений между инспекцией и концессионерами было связано с тем, что проверки выявляли отступление от концессионных договоров, нарушения законодательства, неисполнение ведомственных инструкций, частично распространявшихся на концессии. Таким путем они стремились решить свои финансовые и прочие проблемы за счет государства.

Одним из последовательных критиков методов работы иностранных концессионеров был Тюрников, председатель Постоянной правительственной инспекции по наблюдению за сельскохозяйственными концессиями в Северокавказском крае и по совместительству – заведующий Севкавказземуправлением. В августе 1928 г. он обнаружил подготовку вывоза крупновской концессией семенного зерна за границу, что противоречило положениям договора. Его вывод стал результатом апробации посевов, которую он инициативно провел в течение сезона и установил наивысшую сортовую чистоту почти всех собранных культур. Сам концессионер отказался от этой процедуры, хотя по условиям соглашения обязан был ее осуществлять ежегодно, и, получив формально хлеб продовольственного качества, запросил у Наркомзема

³⁴ Ленин В.И. О продналоге, о свободе торговли и концессиях // Ленин В.И. Полное собр. соч. М., 1970. Т. 43. Л. 224.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 310. Л. 254–258.

³⁶ Данишевский К.Х. Северолес // Северолес. Ежемесячный журнал гос. объединения лесной промышленности Северо-Беломорского края. 1922. № 1. С. 2–4.

³⁷ Liberman S.I. Building Lenin's Russia...

³⁸ ГА АО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 710. Л. 33.

лицензию на вывоз. Соображения концессионера были понятны, ведь семенное зерно ценилось выше продовольственного. Тюрников поднял на ноги московские наркоматы, но ГКК все равно выдал лицензию, мотивируя это тем, что кондиции зерна были установлены не совсем официально³⁹. В 1929 г., после обследования концессии «Друзаг», Тюрников дал негативную характеристику результатам ее деятельности, назвав их ничтожными, а политическую роль – отрицательной, ведь под ее крышей нашли приют «лишенцы» и бывшие белогвардейцы⁴⁰.

Риторика заведующего крайземуправления показательна для конца 1920-х гг. В начале эпохи концессий существовало терпимое отношение к «бывшим». В 1924 г. вернувшийся из эмиграции генерал Донской армии, по мнению облпрофсоюза, был уместен на должности сторожа, если он не «генералит» и навсегда перекрасился из белого в красный цвет, так как

революционные рабочие <...> не мстят побежденным, одуроченным и раскаявшимся⁴¹.

Концессионеры нуждались в специалистах и просто грамотных работниках, поэтому сотрудники с сомнительным прошлым не были редкостью. Полярный исследователь Б.А. Вилькицкий, приглашенный советскими властями в Архангельск для организации Карских экспедиций, в своих воспоминаниях подтверждал, что всюду чувствовался недостаток сведущих лиц и ему приходилось встречаться с бывшими белыми офицерами и чиновниками, которые после мытарств чувствовали себя неплохо на различных должностях, рассказывая: «Живем вопреки большевикам и налаживаем жизнь во всех отраслях»⁴². В лесных концессиях была схожая ситуация: не уехавшие по каким-то причинам в эмиграцию бывшие владельцы и управляющие лесопромышленными предприятиями устраивались на работу не только в концессионные учреждения, но и в государственные хозяйственные органы как ценные специалисты, имеющие прежде всего навыки работы на экспорт и знающие мировой лесной рынок⁴³.

Со временем возобладало подозрение, что администрация концессионных предприятий пригрела под своим крылом контрреволюционный элемент. «Друзагу» ставились в вину принятые на работу бывшие помещики из черкесских родов Намитковых, Огузовых. Бывший владелец предприятия А.И. Пишванов работал в «Маньиче», затем был уволен советским директором и лишен избирательных прав⁴⁴. Его родственник Г.Т. Пишванов как специалист-овцевод работал в «Друзаге», но в 1930 г. вместе с другими опытными скотоводами бы как лишенец также уволен⁴⁵.

Но наиболее частым основанием для напряженных переговоров с концессионерами были их финансовые обязательства, вытекающие из текста договоров. Незначительность долевых отчислений (по сути, плата за пользование землей), фактически перечисленных в государственную казну, была результатом уступок со стороны ГКК или прямых отказов концессий от уплаты. Льготы испрашивались в связи с неурожаем, несоблюдением графика полевых работ из-за задержки прибытия техники, жалобами на неповоротливость советских учреждений и т. д. Северные лесные концессии шантажировали власти закрытием производства и локаутом для

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 223–224, 227, 395; Оп. 4. Д. 9. Л. 220, 226–227.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Он. 2. Д. 1283. Л. 160–160 об.

⁴¹ Там же. Д. 1777. Л. 49.

⁴² Вилькицкий Б.А. Когда, как и кому я служил... С. 50.

⁴³ Трошина Т.И. Внешнеторговые эксперименты в Архангельской губернии (1916–1921 гг.): исторический опыт выживания в условиях санкций // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 122–141.

⁴⁴ ГА РО. Ф. Р-3570. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 187.

20 тыс. рабочих, требуя различных льгот по налогообложению и сокращению социальных расходов⁴⁶.

Подобные инциденты не способствовали созданию атмосферы сотрудничества. Когда в лесной отрасли в 1925–1926 гг. возникали проблемы, в частности, из-за изменившейся конъюнктуры мирового рынка, ответственные учреждения и местные власти не шли навстречу капиталистам, которые просили не налагать штрафы в связи с неуплатой налогов. Начались задержки зарплаты, ее сокращение. Ответные забастовки создавали опасность срыва всех заготовительных работ. Проблемы насаивались, толкая концессионеров покинуть Россию с наименьшими потерями. Появлялись различные мошеннические схемы, что является отдельной темой.

Конфликты с региональными учреждениями и отраслевыми ведомствами были в немалой степени вызваны тем, что концессионные предприятия нарушали нормальный ход их работы, поскольку требовали соблюдения предоставляемых им по договору льгот и претендуя во многих иных случаях на исключительное привилегированное отношение. Эта позиция иностранцев не находила понимания даже у беспартийных спецов и тем более у бывших участников Гражданской войны. Ряд докладов и служебных записок, подготовленных руководителями среднего звена, свидетельствует, что они воспринимали все выявляемые нарушения советских интересов как личный вызов.

Гибкая линия Главконцескома: причины и последствия

Сотрудники республиканских учреждений указывали на «долготерпение Главконцескома» и чрезмерную, по их мнению, стоворчивость основного государственного учреждения, отвечавшего за реализацию концессионной программы СССР⁴⁷. Действительно, наиболее готовым к компромиссам с иностранными коммерсантами был Главный концессионный комитет. Его руководители и сотрудники считали себя выполняющими важную политическую миссию, целью которой было не только восстановление экономики страны, но и создание новой системы международных связей с целью предотвращения новой войны, к которой СССР в 1920-е гг. не был готов. Умиротворение концессионеров уступками вызывало непонимание решений ГКК со стороны республиканских ведомств. Тем более что послабления провоцировали новый нажим со стороны хозяев концессий.

Постоянно возникающие дискуссии вытекали из недостаточной проработанности проектов и текстов договоров, виновниками чего были как концессионные комиссии при торговых представительствах за рубежом, так и иностранные компании, не просчитавшие все риски. Концессионеры, перенеся опыт работы в дореволюционной России на новые социально-экономические реалии, столкнулись с жестким отношением ряда советских ведомств (таможенное управление, налоговые службы и т. д.) в тех ситуациях, когда рассчитывали на ранее привычное снисхождение.

Проекты ресурсно-сырьевых концессий, как правило, были слабо привязаны к местности. Сельскохозяйственные предприятия были организованы в южной степной зоне без достаточного обследования зоны земледелия. Перед подачей заявки на концессию представители фирм встречались с немцами, проживавшими и имевшими опыт хозяйствования в местах, где им предлагали участки, и получили уверенность в успехе⁴⁸. Однако уже на первых шагах они были неприятно удивлены нестабильностью климата и стоимостью полевых работ, которая выросла в 15 раз

⁴⁶ ГА АО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 21 Л. 54–70.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 45.

⁴⁸ Там же. Д. 1779. Л. 118.

по сравнению с довоенной⁴⁹. Также предполагалось, что механизация производства будет осуществлена завозом немецкой техники, однако эта техника не зарекомендовала себя на целинных землях, быстро ломалась, и ее эксплуатация обходилась крайне дорого⁵⁰. Затем концессионеры перешли к вольной трактовке пунктов договора и прямому уклонению от их выполнения. Например, 9-польный севооборот, зафиксированный в договоре с «Манычем», был отвергнут как не подходящий для сухой степи, хотя по заключению агрономов именно он мог компенсировать сложности климата. Концессионеры отказывались от предоставления финансовой отчетности по правилам, утвержденным в СССР, и от составления организационно-производственного плана развития предприятия. Их аргументация состояла в том, что эти требования являются вмешательством во внутреннюю хозяйственную жизнь и нарушают коммерческую тайну.

Все эти разногласия стали, по общему признанию, следствием поспешности в подписании соглашений. Обе стороны питали надежду, что предполагаемая прибыль покроет ущерб от выявившейся в дальнейшем невыгодности договорных условий и что в будущем удастся согласовать позиции. Однако длительный период убыточности ряда ресурсно-сырьевых концессий усугублял взаимное непонимание с советскими учреждениями. Заявления о пересмотре договоров, требования передачи споров в третейский суд и угрозы ликвидации концессий были неперменной темой переписки с наркоматами и управлениями. В условиях неопределенности было проще следовать выгодным концессионеру правилам хозяйствования и манкировать выплату долевого отчисления в бюджет СССР. Концессионер то просил отсрочку ввиду неудачного года, то отказывался платить указанные в договоре платежи, ссылаясь на ведение переговоров о переподписании соглашения. После перезаключения договора концессионер отказывался покрывать невыплаченное ранее, мотивируя тем, что старые долги уплате не подлежат⁵¹. И перед сотрудниками концескомов вставал вопрос, как юридически оформить факт недоплаты⁵². В итоге за 1923–1927 гг. «Маныч» уплатил менее 20 тыс. руб., в то время как следовало бы около 60 тыс. руб. Руководство лесных концессий обязательства по платежам выполняло, но их интересы, направленные на пересмотр различных выплат, защищал трест-соучредитель («Северолес»)⁵³.

ГКК СССР чаще соглашался принять доводы иностранцев, в то время как Наркомзем и Концеском РСФСР оставались при особом мнении⁵⁴. То, что ГКК шел навстречу концессионерам чаще, чем республиканские учреждения, было связано со спецификой задач ведомств⁵⁵. ГКК отвечал за расширение концессионной политики, для чего нужно было поддерживать доверительные контакты с заграничными компаниями. Наркоматы и управления должны были учитывать интересы всей вверенной им отрасли, где иностранные концессии были лишь одним из ее секторов.

Выводы

Представленный материал, касающийся инцидентов вокруг иностранных концессий, показывает, что вряд ли их следует рассматривать как причину многочисленных производственных конфликтов, повсеместно наблюдавшихся в годы нэпа в Со-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1779. Л. 110, 119.

⁵⁰ Там же. Д. 1774. Л. 66–69.

⁵¹ Там же. Д. 1773. Л. 91.

⁵² Там же. Д. 1765. Л. 81; Д. 1767. Л. 50–51, 55, 147; Д. 1769. Л. 66; Д. 1771. Л. 200, 201; Д. 1772. Л. 35–35 об., 37, 201.

⁵³ ГА АО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1825. Л. 109, 115 об. – 117.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 35–35 об., 37, 40.

⁵⁵ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1769. Л. 66.

ветской России. При всей близости требований (повышения зарплат, отмены сокращения штатов, улучшения условий труда и быта) присутствие по ту сторону спора иностранного предпринимателя превращало столкновение интересов в противостояние с миром западного капитала. Здесь мы видим конфликт между двумя путями восстановления страны: капиталистическим (нэп), который поддерживали, в первую очередь, хозяйственники, и социалистическим – в тех условиях инновационном, предполагающем выполнение всех социальных обязательств перед рабочими, который поддерживали, прежде всего, работающие непосредственно с населением и сталкивавшиеся с настроениями «низов» местные власти и партийные органы.

Наличие у концессионной программы столь глубоко эшелонированной полосы преград не могло сулить ей успеха. С течением времени ситуация лишь обострялась, ведь курс не давал ожидаемых плодов. В известной степени большевики исходили из того, что приверженность прогрессивным технологиям производства и стремление к эффективному хозяйствованию является имманентным свойством зрелого капиталистического производства. Практика показала иное, главным стимулом работы западных компаний в СССР оказалось получение прибыли.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 24.04.2023

References

- Abrahamsen, E. “*Iz Seregova v Onegu. Vospominaniia o norvezhskom lesnom biznese v Rossii*” [From Seryogov to Onega. Memories of Norwegian timber business in Russia]. Arkhangelsk: SAFU Publ., 2016 (in Russian).
- Fel'dman, M.A. “Sovremennaia istoriografiia nepa; stoletii ne khvatilo [Modern historiography of the NEP; a century was not enough].” *New and Contemporary History*, no. 4 (2022): 27–41, <https://doi.org/10.31857/S013038640020234-5> (in Russian).
- Kletschina, O.G. “Novaia ekonomicheskaiia politika: nekotorye aspekty sovremennykh nauchnykh issledovaniy [New economic policy: some aspects of modern scientific research].” *Bulletin of Udmurt University: History and Philology*, no. 31 (2021): 764–776, <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-4-764-776> (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochintnii* [Complete set of works]. Moscow: Izdanie politicheskoi literatury, 1970, 5th ed. (in Russian).
- Levin, M., and Sheveleva, I. “Inostrannye kontsessii v 1920-kh godakh v SSSR: ‘pochemu rasstalis’? [Foreign concessions in the 1920s in the USSR: ‘why did they part’?].” *Economic issues*, no. 1 (2016): 1–20, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158> (in Russian).
- Liberman, S.I. *Building Lenin's Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Minaev, M. “O nashikh kontsessionnykh peregovorakh [About our concession negotiations].” *Vneshniaia trgovlia: yezhenedel'nik NKVT* [Foreign trade: NKVT weekly], no. 20 (1922): 1–2 (in Russian).
- Mukhin, M.Yu. “Sto let izucheniia nepa. Vremia podvodit' itogi? [One Hundred Years of Studying the NEP. Time to sum up?].” *Russian History*, no. 5, (2020): 3–14, <https://doi.org/10.31857/S086956870012177-5> (in Russian).
- Troshina, T.I. “Vneshnetorgovye eksperimenty v Arkhangel'skoi gubernii (1916–1921 gg.): istoricheskii opyt vyzhivaniya v usloviyakh sanktsii [Foreign trade Experiments in the Arkhangelsk Province (1916–1921): Historical Experience of Survival under Sanctions].” *Arctic and North*, no. 40 (2020): 122–141, <https://doi.org/10.37482/2221-2698.2020.40.122> (in Russian).
- Yudina, T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v gody NEPa* [Soviet workers and employees at the concession enterprises of the USSR during the years of the NEP]. Volgograd: VGU Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Михайловна Морозова, д-р истор. наук, профессор кафедры связи с общественностью, Донской государственной технической университет; 344000, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

Olga M. Morozova, Dr. habil. hist., Associate Professor, Professor of the Department of Public Relations, Don State Technical University; 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

Татьяна Игоревна Трошина, д-р истор. наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 163004, Россия, Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17; профессор кафедры гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет; 163000, Россия, Архангельск, Троицкий пр-т, 51; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

Tatiana I. Troshina, Dr. habil. hist., Associate Professor, Professor of the Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia; Professor of the Department of Humanities, Northern State Medical University; 51, Troitskiy Av., Arkhangelsk, 163000, Russia; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

РЕЦЕНЗИИ
BOOK REVIEWS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>
EDN: FXLHVC

**Рецензия на книгу: Muslim Subjectivity in Soviet Russia.
The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov,
V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022. 448 p.**

Динара Марданова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

✉ dinara.mardanova@gmail.com

Для цитирования: Марданова Д.З. Рецензия на книгу: Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022. 448 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 330–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>

**Book Review: Muslim Subjectivity in Soviet Russia.
The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri by A. Bustanov,
V. Usmanov, eds. Brill Schöningh, 2022, 448 p.**

Dinara Mardanova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

✉ dinara.mardanova@gmail.com

For citation: Mardanova, Dinara. "Book Review: Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri by A. Bustanov, V. Usmanov, eds. Brill Schöningh, 2022, 448 p." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 330–334 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>

Каждая историческая эпоха, культурная/религиозная традиция вырабатывает собственный стиль мышления, свою систему ценностей и мыслительных координат, через которую видится и конструируется мир. Присущие человеку определенной эпохи и культурной традиции суждения формируют и очерчивают субъективность его мышления. Ислам и мусульманские сообщества многолики в своих формах и образах, поэтому на осмысление и интерпретацию прошлого опыта влияет множество субъективных факторов, которые могут быть, как сугубо индивидуальными и личностными, так и коллективными стандартами, устоявшимися нормами поведения.

© Марданова Д.З., 2023

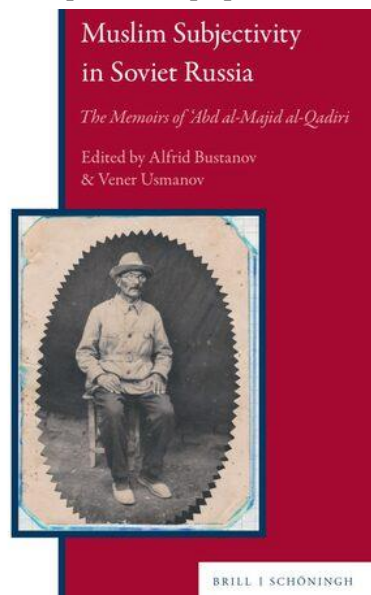
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Одним из примеров конструирования мусульманской субъективности стали воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири, опубликованные историком-исламоведом Альфридом Бустановым и специалистом по эпиграфическому татарскому наследию Венером Усмановым¹ в 2022 г. под названием «Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri [Мусульманская субъективность в Советской России: Воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири]» (далее – «воспоминания»)². «Воспоминания» написаны ал-Кадири в Оренбурге (Чкалове) в 1955/56 г. и интересны прежде всего уникальностью жизненного опыта своего автора, образованного мусульманина, пережившего сталинские репрессии.

Издание включает расширенную вводную исследовательскую главу («Introduction [Введение]»), оригинальный текст на татарском языке в арабской графике, академический перевод с татарского на английский. Книга содержит научный аппарат, она начинается со страницы благодарностей, за которыми следуют примечания о транскрипции и транслитерации источника, глоссарий со специальной терминологией, библиография, также имеется именной и географический указатель, позволяющий читателям ориентироваться в топонимах и антропонимах в тексте. Далее остановимся на «Введении» (С. 1–83), подготовленном Альфридом Бустановым.

В центре исследования история жизни сельского жителя, мусульманина ал-Кадири, который, по мнению автора, осмысляет свой жизненный опыт в отчетливой мусульманской манере, описывая свою жизнь как жизнь нравственного мусульманского субъекта. При этом под исламом понимается «все, что мусульмане говорят и понимают» о нем. Тем самым подчеркивается активная роль мусульманских акторов в самоописании и в придании окружающему миру смыслов. Исследование основано на историческом антропологическом подходе, эмическом ракурсе к изучению личности³.

Бесспорным достоинством «Введения» является привлечение обширной источниковой базы, которая помимо «воспоминаний» ал-Кадири включает многочисленные мусульманские эго-документы и материалы на арабском, татарском и русском языках из фондохранилищ Казани, материалы частных архивов, а также опубликованные источники. Привлечение большого числа источников обогащает контекст работы (проводятся многочисленные параллели с эго-документами Зайнаб Максудовой, Габдуллой Буби, Галимджаном Баруди, Ахмадом ал-Барангави, Габделбари Исаевым и другими), что позволяет выйти на более широкий спектр проблем, в частности, проследить генезис развития автобиографического жанра среди татар-мусульман, выявить особенности стиля и языка ал-Кадири. Наряду с татарскими материалами автор приводит параллели с Дагестаном и Средней Азией. Дополнительными ис-

¹ Альфрид Бустанов – PhD in History, ассистент-профессор Амстердамского университета (Нидерланды), заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); Венер Усманов – научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)

² Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022.

³ Эмический подход (emic standpoint) – взгляд изнутри, глазами инсайдера.

точниками служат фотографии из семейных архивов потомков ал-Кадири, интервью с его родственниками.

В вводной части содержится тринадцать небольших разделов, на которых мы далее остановимся. В разделе «Preface [Предисловие]» (С. 1–5) обозначены цели исследования, которые состоят в том, чтобы показать широкий контекст изучаемого эго-нарратива и взглянуть на индивидуальность ал-Кадири в свете других эго-документов, которые, будучи «народными» источниками, отражают самоощущения своих авторов, их мировоззрение и представления об окружающем мире. В разделе «Conceptual Framework [Концептуальные рамки]» (С. 5–11) в качестве методологии исследования предлагается посмотреть на проявленность ал-Кадири в «воспоминаниях» через категории *персон*, как публичной и частной формы самости, которые «конструируются с течением времени в соответствии с общественными ожиданиями и индивидуальным выбором». Как отмечает Бустанов, «люди развивали в себе определенные качества и реализовывали образы, которые они считали престижными. Они культивировали стили поведения, которые нельзя свести к упрощенной смене масок/ролей. Фактическое проявление персоны отражает сложное взаимодействие с ожидаемыми и самостоятельно истолкованными ролями» (С. 9). В следующем разделе, «The Author [Автор]» (С. 11–13), помимо биографической информации сообщается о влиянии на ал-Кадири суфийской традиции, в окружении которой он рос, так и не встав на суфийский путь.

В четвертом разделе «The Work [Работа]» (С. 13–27) на основании филологического анализа Бустанов приходит к выводу, что исследуемое сочинение является результатом кропотливой длительной работы, включающей редакцию и копирование. Здесь также приводится информация о круге чтения ал-Кадири, сообщается об источниках, к которым он обращался при подготовке «Воспоминаний», разбираются жанры и стили, которыми он пользовался или вдохновлялся. Следующий раздел «Воспоминаний» – «The Audience [Целевая аудитория]» (С. 27–31). Данный раздел оставляет неоднозначные впечатления. С одной стороны, утверждается, что ал-Кадири писал прежде всего для себя: используя жизнеописание как средство психологического самолечения; создав достоверное и правдивое повествование о себе. С другой стороны, указывается на существование предполагаемого читателя, к которому ал-Кадири периодически обращается в тексте, например: «Уважаемые читатели, судите сами».

В разделе «Sources of Inspiration [Источники вдохновения]» (С. 31–36) источники, предположительно повлиявшие на ал-Кадири (*шеджерэ*, татарские биографические словари, мусульманские разряды *табакат*, *сира* – жизнеописание пророка Мухаммада, биографии Нового времени), рассматриваются через генезис развития мусульманских биографий как жанра: от агиографий раннего Нового времени к биографиям, а затем автобиографиям Нового времени, в которых наблюдается подъем мусульманского «я» и появление саморефлексии, сосредоточение внимания на индивидуальности как на центральном модусе повествования.

Как уже отмечалось, субъективность ал-Кадири рассматривается через методологическую рамку персоны/персон. Как считает Бустанов, на протяжении всех воспоминаний Абд ал-Маджид ал-Кадири описывает себя через две основные персоны: благочестивый специалист по Корану – *кари* и несправедливо угнетаемый человек – *мазлум*. «Persona I: *Qary* [Персона I: Кари]» (С. 36–43) представляет собой воплощение идеальной личности, в основе которой – авторитет пророка Мухаммада и Коран. Автора «Введения» поражает сходство описания ал-Кадири себя в качестве *кари* с аналогичными описаниями других чтецов Корана, например, Файд ар-Рахман б. Ахмад ал-Амири (р. 1874). «Persona II: *Mazlum* [Персона II: Мазлум]» (С. 43–50) в «Воспоминаниях» ал-Кадири сочетает самопожертвование

с ярко выраженной лояльностью к советскому режиму, когда испытания становятся личным испытанием от Бога для выявления лучших нравственных качеств личности. Ее появление связано с многолетними репрессиями ал-Кадири, который провел в лагерях и тюрьмах большую часть своей активной жизни. Эта персона основывается на коранической традиции, вопросах власти и авторитета.

В качестве основополагающих в субъективности ал-Кадири Бустанов выделяет две персоны – *кари* и *мазлум*. Однако данные категории не вмещают весь спектр проявлений личности автора «Воспоминаний». Прочие проявления субъективности ал-Кадири рассматриваются в других разделах. В частности, суфийское влияние на ал-Кадири рассматривается в разделе «Sufi Models of Subjectivity [Суфийские модели субъективности]» (С. 50–55). Выделение суфийских моделей, а не персоны суфия, вероятно, вызвано тем, что сам ал-Кадири не считал себя суфием, но при этом находился под влиянием суфийской традиции и заимствовал важные аспекты суфийской практики, такие как почитание могил и празднование Мавлида⁴.

Еще один раздел – «Inter-Subjective Relations [Интерсубъективные отношения]» (С. 55–65) посвящен теме мобильности и интерсубъективным отношениям, их переплетению в нарративе ал-Кадири при описании себя и других. Этот раздел рассказывает об ал-Кадири как о мобильном, подвижном субъекте, умеющим налаживать контакты и связи, хорошо знакомым с многонациональным миром и его людьми. Здесь собрано все, выходящее за пределы привычно мусульманской и исламской тематики, для которых выделены отдельные разделы – *кари*, *мазлум*, *суфийское влияние*.

Тема пространственной идентичности автора рассматривается в разделе «On the Perception of Space [Восприятие пространства]» (С. 65–73). Используемые для самоописания личности ал-Кадири – *кари* и *мазлум* – разделены пространственно и эмоционально. Все положительное в его жизни происходило в Стерлибашево и Медине – в период *кари*. Государственное угнетение, лишившее ал-Кадири систематического чтения Корана как некоего служения одновременно разлучило его с любимым селом Стерлибашево – период *мазлума*.

Необычный и, как кажется, несколько выбивающийся из общего нарратива блок – «Life After Death [Жизнь после смерти]» (С. 73–82). Этот раздел посвящен традиции, заложенной ал-Кадири к написанию мемуаров и автобиографического письма среди его потомков, памяти о нем среди родственников, трансформации его образа в семье. Здесь речь идет не про субъективность, как о чем-то связанном с самовосприятием и «самопониманием» индивида. Здесь, скорее, поднимается проблема памяти и ее бытовании в условиях семейной истории. В последней, заключительной части «Введения» подводятся итоги о судьбе нравственного субъекта в Советской России – «Conclusion: The Fate of the Moral Subject in Soviet Russia [Заключение: судьба нравственного субъекта в Советской России]» (С. 82–83). По мнению Бустанова, ал-Кадири в своих «Воспоминаниях», обращаясь к близким его самоощущению, символам и языку исламской традиции, создавал образ мусульманского нравственного субъекта. Одновременно он маргинализировал колониальный язык как не имеющий отношения к портрету мусульманского нравственного субъекта, которого он изображал.

Вторая большая часть издание представляет собой академический перевод воспоминаний с обширными историческими и филологическими комментариями (С. 85–228). И заключительная, третья часть – это оригинальный текст воспоминаний на татарском языке в арабской графике (С. 229–425).

⁴ Мавлид – празднование дня рождения пророка Мухаммеда.

В заключение следует подчеркнуть значимость издания «Мусульманская субъективность в Советской России: Воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири», в котором предлагается новый подход для работы с эго-документами через призму субъективности и личности автора. В российской историографии пока не так много работ, написанных в подобном ключе, и это особенно касается истории мусульманских субъективностей, поэтому данная книга вносит важный вклад в развитие данного направления. Исследование рассчитано на историков, всех интересующихся российской историей, а также вопросами субъективности, эго-документами и их интерпретацией. Без сомнения, проведена внушительная работа, связанная не только с подготовкой текста источника и его перевода к изданию, но и с анализом публикуемого материала, который рассматривается в свете других эго-документов.

Несмотря на положительное в целом впечатление от рецензируемой работы все же хотелось поделиться и некоторыми критическими замечаниями и комментариями. Складывается ощущение некоей разделенности между мусульманским (разделы «Кари», «Мазлум», «Суфийские модели субъективности») и немусульманским («Интерсубъективные отношения»). Включение автора «Воспоминаний» в пространство многонационального мира в качестве некоего современного героя в разделе «Интерсубъективные отношения» дает интересный ракурс, вместе с тем передвижения ал-Кадири вполне могли бы быть рассмотрены, например, в свете гибридных форм *хаджнаме*, *сафарнаме* или поездок с образовательными целями, – и тем самым вписаны в мусульманскую эпистему. Интересно было бы проследить, как менялись эти категории под влиянием происходящих в мире изменений, как они приобретали новые формы? Иначе такие черты современного мира, как мобильность, адаптивность, полиэтничность, поликонфессиональность и другие, оказываются «как бы» немусульманскими: по причине либо своей недостаточной традиционности, либо «европоцентричности» в своей основе.

Отмеченные замечания не носят принципиального характера и высказаны в качестве пожеланий и ни в коей мере не умаляют значимости исследования. Представленная на суд читателя книга имеет большое научное значение как для дальнейшего изучения мусульманских субъективностей в целом, так и татарской истории в частности.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.04.2023

References

Bustanov, A., and Usmanov, V., eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.

Информация об авторе / Information about the author

Динара Замировна Марданова, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина Института истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Dinara Z. Mardanova, Acting Head of Ya.G. Abdullina Department of the History of Religions and Social Thought., Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturina Str., Kazan, 420111, Russia; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>